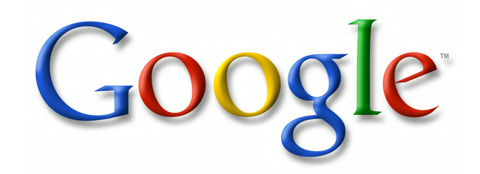
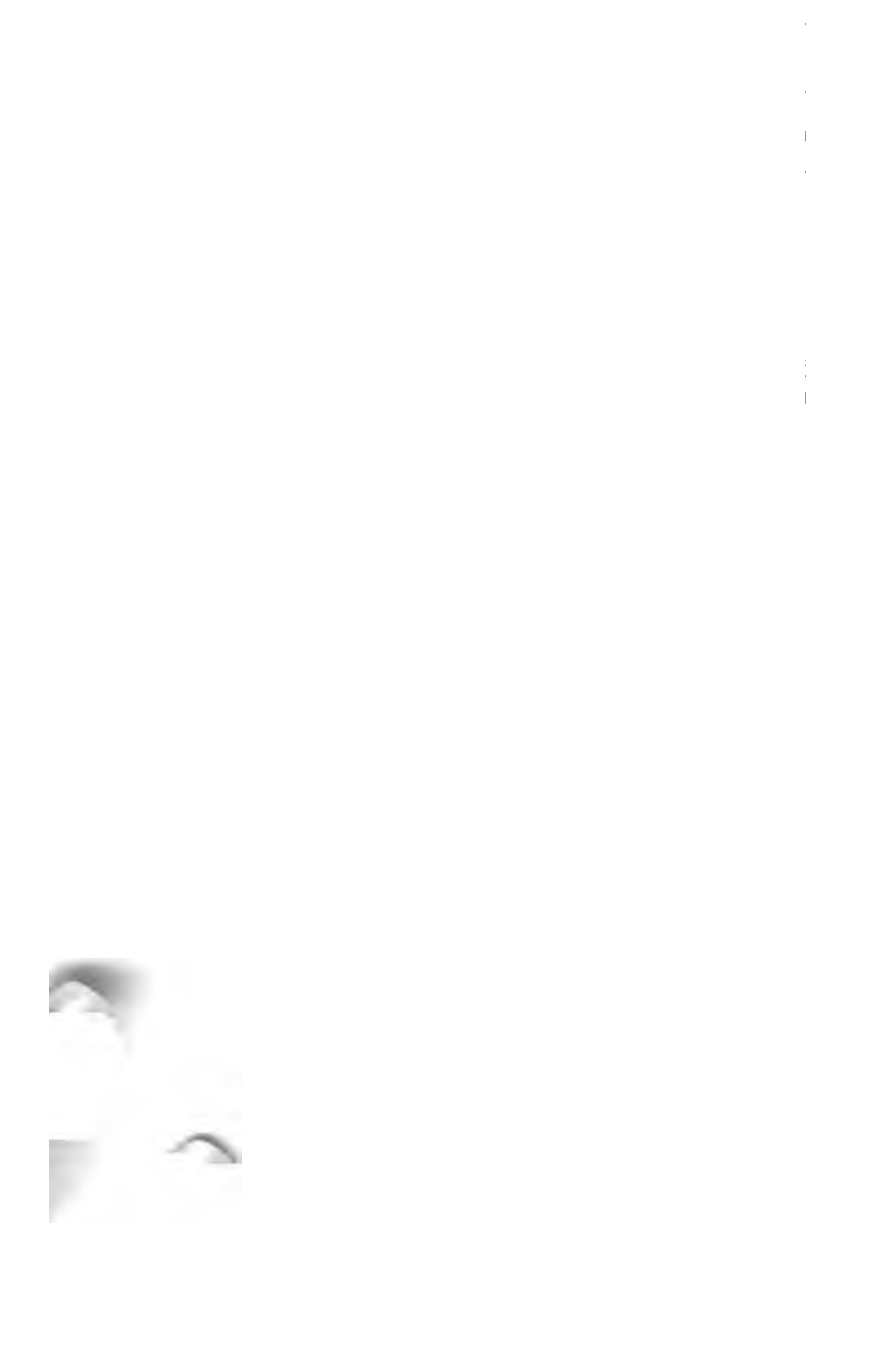

A 471308

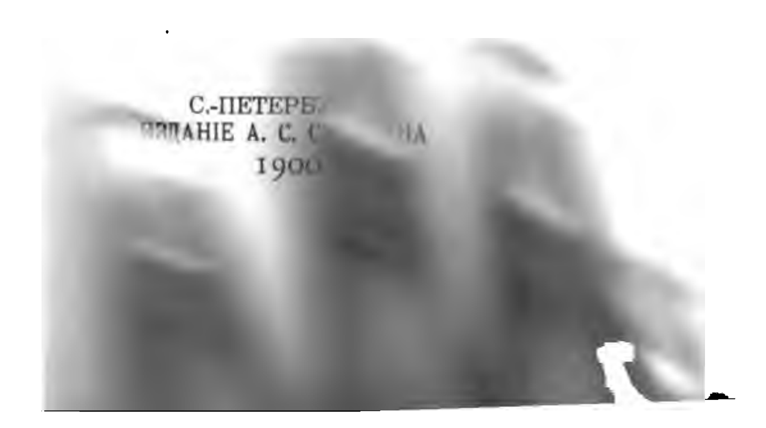
К. Фофановъ

ИЛЛЮЗІИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. М. ФОФАНОВА

С.-ПЕТЕРБ...
...ИЗДАНІЕ А. С. С... ...НА
1900

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ЭТУ КНИГУ „ИЛЛЮЗІИ“

ПОСВЯЩАЮ

ЖЕНѢ МОЕЙ ЛИДІИ

АВТОРЪ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ЭТУ КНИГУ „ИЛЛЮЗІИ“

ПОСВЯЩАЮ

ЖЕНѢ МОЕЙ ЛИДІИ

АВТОРЪ

* * *

Ищите новые пути!
Сталъ тѣсенъ міръ, его оковы
Неумолимы и суровы, —
Гдѣ-жъ вѣчнымъ розамъ зацвѣсти?
Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна,
Изсякъ источникъ вдохновенья!
Но близко, близко возрожденье,
Иная жизнь, иного сна!..
Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца...
Великъ и вѣченъ храмъ искусства, —
Жрецы невѣдомаго чувства
Къ нему нисходятъ безъ конца!..
И есть любовь. . и есть сердца...

Мы не въ пустынѣ, не одни,
Дорогъ невѣдомыхъ есть много, —
Какъ звѣздъ на небѣ, думъ у Бога,
Какъ сновъ въ загадочной тѣни!..
Мы не въ пустынѣ, не одни!

———

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ИЛЛЮЗІИ

ИЛЛЮЗІИ.

Вы знаете-ль тотъ міръ иллюзій золотыхъ,
Гдѣ все напоено святымъ очарованьемъ,
Гдѣ нѣтъ докучной лжи и нѣтъ цѣпей земныхъ,
Гдѣ даже хищный звѣрь проникнутъ состраданьемъ,—
Вы знаете-ль тотъ міръ иллюзій золотыхъ?

Вы знаете-ль тѣхъ сферъ заоблачный чертогъ,
Гдѣ истина живетъ и счастье процвѣтаетъ —
Тамъ высятся дворцы, но зависть на порогъ
Стоглазою змѣей туда не подползаетъ...
Вы знаете-ль тѣхъ сферъ заоблачный чертогъ?

Тамъ небеса безъ грозъ, безъ бури рокотъ волнъ,
Въ таинственныхъ садахъ, надъ благозвучной чащей
Гармоніей живой вечерній сумракъ полнъ,—
Весь запахомъ цвѣтовъ, весь звѣздами горящій
И въ синей вышинѣ, и въ плескѣ темныхъ волнъ.

Не дышетъ красота тамъ холодомъ сердецъ
И вздохи въ нѣжный гимнъ слагаются счастливо,
Свѣтло начало тамъ, еще свѣтлѣй конецъ,
И память прошлое хранитъ благочестиво,—
Не дышетъ красота тамъ холодомъ сердецъ.

Вы знаете-ль тотъ міръ иллюзій золотыхъ,
Проникнулись ли вы святымъ очарованьемъ?
И если были тамъ, то мракъ степей мірскихъ
Вамъ будетъ миражемъ, роднымъ воспоминаньемъ
Заоблачной страны иллюзій золотыхъ!

СЛОВО.

Крылатое слово, лети!
Тебѣ уготованы въ мірѣ пути,
Тебѣ, вдохновенное слово!
Ты всюду дорогу найдешь!
Ты бурей промчишься — и правдой сожжешь,
Въ огнѣ возрождаяся снова!

Тебя не догонитъ стрѣла;
Тобой, какъ денницей, развѣется мгла
Сомнѣній и темнаго горя...
Взлетишь ты за ширь облаковъ,
Ворвешься въ безсмертные сонмы міровъ,
Съ ихъ дерзкою вѣчностью споря.

И смѣлое силой свое
И гордое вольною славой, — свѣтлѣй
Ты мудраго солнца засвѣтишь...
Крылатое слово, лети! —
И въ самомъ хаосѣ живые пути
Ты новымъ созвѣздьямъ намѣтишь!..

ПѢСНЬ ДУХОВЪ.

Молча мы любимъ и молча страдаемъ,
Духи безплотные,—и ночь насъ ласкаетъ...
Облако-ль мчится — и розовымъ краемъ
Къ намъ прикоснется — и тутъ же растаетъ.

Пышныя травы и тучные злаки
Шорохомъ сладкимъ насъ тайно привѣтствуютъ,
Вспышкой мгновенной зарницы во мракѣ
Нашему бѣгу и зову отвѣтствуютъ.

Молится тихо намъ небо пустынное,
Точитъ, какъ слезы, сердца и созвѣздія...
Многое — многимъ печалямъ возмездіе,—
Въ мірѣ блаженствуетъ только Единое!

———

СЕРЕНАДА.

Въ дни, когда еще я могъ
Жить и мыслить безъ тревогъ;
Въ дни сіяющей весны
Взялъ я трепетъ отъ волны,
Отъ цвѣтовъ взялъ ароматъ,
Отъ любви — огонь и ядъ.—
И при холодѣ луны
Въ ночь счастливой тишины,
Въ ночь счастливой тишины
Свилъ три звонкія струны.

Лишь коснулся первой я —
На волнѣ меня ладья
Понесла, какъ колыбель,
Въ міръ, за тридевять земель.
Лишь коснулся я второй —
Садъ душистою листвой
Зашумѣлъ, затрепеталъ,—
Я твой теремъ увидалъ;

Я твой теремъ увидалъ —
Въ третью звонче заигралъ.

Третья звякнула струна, —
Дрогнулъ ставень у окна.
И свѣтлѣй луча денницъ
Просіялъ изъ-подъ рѣсницъ
Мнѣ привѣтливый твой взоръ —
И у ногъ твоихъ съ тѣхъ поръ,
У твоихъ любимыхъ ногъ
Позабыть уже не могъ,
Позабыть уже не могъ
Дни смятеній и тревогъ!

1897 г.

ОТБЛЕСКЪ.

Вотъ образъ жизни! Посмотри —
Въ пятнѣ янтарномъ, отъ зари
Рожденномъ на стѣнѣ украдкой,
Тѣнь зыблется листвою шаткой,
Пока глядитъ сквозь щель окна
Вечерній лучъ... Но лишь погаснетъ
Заря, — и на стѣнѣ тотчасъ нѣтъ
Ни лучезарнаго пятна,
Ни тѣни зыблющейся шатко...
Вотъ наша жизнь, вотъ та загадка,
Которой смыслъ изъ вѣка въ вѣкъ
Постигнуть хочетъ человѣкъ.

———

ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ.

Въ осеннемъ холодѣ мерцающаго дня
Сквозятъ ряды аллей, какъ колонады арокъ;
Багряный ихъ навѣсъ такъ нѣженъ и такъ ярокъ,
Какъ будто сотканъ онъ для вѣтра изъ огня.

Вотъ налетитъ сейчасъ дыханіе зефира —
Задуетъ свѣточи — развѣетъ въ прахъ листву,
Гдѣ осень пышная, подобна божеству,
Вершитъ и празднуетъ еще поминки міра.

Печальнымъ реквіемъ звучитъ повсюду мнѣ:
И въ шорохѣ листовъ, шуршащихъ подъ ногами,
И въ шумѣ позднихъ пчелъ надъ поздними цвѣтами,
И въ крикѣ журавлей, летящихъ въ вышинѣ!

Прощай до вешнихъ дней, суровая краса
Таинственныхъ лѣсовъ! Прощайте, небеса

Съ улыбкою зари! Прощайте вы, зарницы;
Прощай, раскатъ громовъ,—я вѣрю, будетъ день,
Ты снова прогремишь, чтобъ вызвать изъ гробницы
Развѣнчанной весны оправданную тѣнь!..

СТАНСЫ.

Въ плѣну у смертныхъ небожитель
Влачитъ ярмо земныхъ веригъ,—
Но въ грезахъ райская обитель,
Но въ сердцѣ благость каждый мигъ!

И межъ людей, какъ межъ собратій,
Больныхъ пороками и зломъ,
Не расточаетъ онъ проклятій,
Пріосѣняя ихъ крыломъ.

И только съ горечью невольной
Проникнувъ въ падшія сердца,
Забывъ свой плѣнъ, онъ, богомольный,
Ждетъ милосердія Творца.

19-го декабря 1896 года.

---

* * *

Ты видишь,—я люблю и все еще дрожу,
Еще дрожу отъ слезъ и муки...
Но вѣрь: не прокляну — ни слова не скажу!..
Въ моихъ устахъ застыли звуки.

Застыли, можетъ быть, надолго!.. навсегда!..
Къ чему печальныя признанья...
Не стоитъ жалкихъ словъ ревнивая вражда,
Не стоитъ злоба оправданья!

СТАНСЫ.

Въ плѣну у смертныхъ небожитель
Влачитъ ярмо земныхъ веригъ,—
Но въ грезахъ райская обитель,
Но въ сердцѣ благость каждый мигъ!

И межъ людей, какъ межъ собратій,
Больныхъ пороками и зломъ,
Не расточаетъ онъ проклятій,
Пріосѣняя ихъ крыломъ.

И только съ горечью невольной
Проникнувъ въ падшія сердца,
Забывъ свой плѣнъ, онъ, богомольный,
Ждетъ милосердія Творца.

19-го декабря 1896 года.

---

* * *

Ты видишь,—я люблю и все еще дрожу,
Еще дрожу отъ слезъ и муки...
Но вѣрь: не прокляну — ни слова не скажу!..
Въ моихъ устахъ застыли звуки.

Застыли, можетъ быть, надолго!.. навсегда!..
Къ чему печальныя признанья...
Не стоитъ жалкихъ словъ ревнивая вражда,
Не стоитъ злоба оправданья!

СТАНСЫ.

Въ плѣну у смертныхъ небожитель
Влачитъ ярмо земныхъ веригъ,—
Но въ грезахъ райская обитель,
Но въ сердцѣ благость каждый мигъ!

И межъ людей, какъ межъ собратій,
Больныхъ пороками и зломъ,
Не расточаетъ онъ проклятій,
Пріосѣняя ихъ крыломъ.

И только съ горечью невольной
Проникнувъ въ падшія сердца,
Забывъ свой плѣнъ, онъ, богомольный,
Ждетъ милосердія Творца.

19-го декабря 1896 года.

---

* * *

Ты видишь,—я люблю и все еще дрожу,
Еще дрожу отъ слезъ и муки...
Но вѣрь: не прокляну — ни слова не скажу!..
Въ моихъ устахъ застыли звуки.

Застыли, можетъ быть, надолго!.. навсегда!..
Къ чему печальныя признанья...
Не стоитъ жалкихъ словъ ревнивая вражда,
Не стоитъ злоба оправданья!

ЗА ГРОБОМЪ.

Передо мною міръ загробный
Открылся. Солнца больше нѣтъ,
И только блескъ, лунѣ подобный,
Плыветъ чуть зримо отъ планетъ.

Онѣ внизу горятъ неясно,
Какъ сонмъ полуночныхъ лампадъ.
Въ душѣ такъ тихо, такъ прекрасно:
Въ ней смолкли вопли и разладъ.

Я жду увидѣть неземное,
И все земное позабылъ,—
И наше горе роковое,
И ужасъ смерти и могилъ.

Плыву, исполненъ жизни странной,
Какъ отзвучавшій въ мірѣ стонъ,
Какъ вздохъ росы, какъ паръ туманный,
Въ какой-то чуждый небосклонъ!

Жду возрожденья, жду святыни,—
Въ отверзтой тверди — вижу твердь,—
И не страшна уже отнынѣ
Порабощенная мной смерть!

---

* * *

Во мракѣ ночи голубой
Вершины темныя шептали,
И слушалъ мѣсяцъ молодой
Ихъ сказки, полныя печали.

Вершины, листьями шурша,
О тайнахъ сердца говорили,
Какъ будто грѣшная душа
Молилась въ нихъ о грѣшной были.

Какъ будто кто-то, трепеща,
Рукой незримою и сильной
Узоръ зеленаго плаща
Трепалъ, какъ остовъ надмогильный.

И мѣсяцъ сталъ еще блѣднѣй
Въ пустынѣ неба величавой,
Услыша тайный вопль скорбей
Надъ потемнѣвшею дубравой!

———

* * *

Въ этой мутно-сизой дымкѣ
Потухающаго дня
Рѣютъ думы-невидимки
И жужжатъ вокругъ меня.

Нѣтъ уму отъ нихъ покоя,
Сердце, въ пламенной тоскѣ,
Ждетъ ихъ новаго прибоя,
Какъ волненья на рѣкѣ.

Словно въ пчельникѣ гудящемъ,
Думы вьются и поютъ,
И въ быломъ, и въ настоящемъ,
И въ грядущемъ имъ пріютъ.

Такъ ихъ много, такъ имъ больно,
Такъ имъ тѣсно, что сейчасъ
Я заплакалъ бы невольно,
И смирился-бъ — и погасъ!..

---

* * *

О, эта блѣдная весна!
Она тоской упоена,
И ревновать она устала,
И ночь ея безъ покрывала,
И безъ лобзаній тишина.

Сквозь дымку смутныхъ очертаній
Въ румяной водянистой мглѣ,—
Ищу забвенія страданій
И неземное на землѣ!..

И весь горю, и все робѣю,
И разгадать ея не смѣю,—
Ее — владычицу мою,—
Мечтой оправданную фею,
Которой внемлю и пою!..

— — —

ДУША ПОЭТА.

Таинственный сумракъ
Въ глубокой пещерѣ;
Тамъ геніи неба
И хищные звѣри.

Тамъ вѣетъ цвѣтами
Забытаго рая;
Тамъ сырость могилы
И бездна земная.

Тамъ два есть колодца
Съ кристальной водою:
Съ премудростью здравой
И съ ложью больною.

Сквозь стѣны пещеры
Жизнь дико рокочетъ;
Ворваться не смѣетъ,
Замолкнуть не хочетъ.

Когда же въ ней вспыхнутъ
Лучами лампады,—
Скрываются въ норы
И змѣи, и гады.

Пещера сіяетъ,
Какъ храмъ величавый,
И небо въ ней блещетъ
Нетлѣнною славой.

Узорами радугъ
Свивается плѣсень
И слышатся звуки
Торжественныхъ пѣсенъ.

1897 г. іюнь.

---

* * *

Склонялся день за выси горъ,
Былъ воздухъ полнъ дыханьемъ мая, —
Дитя, подъемля къ небу взоръ,
Сказало, весело мечтая:
«Сейчасъ блестящихъ звѣздъ семью
Затеплитъ вечеръ въ небѣ темномъ.
Узнаю-ль я звѣзду свою
Въ ихъ роѣ тѣсномъ и огромномъ?»

И, расцвѣтая, въ этотъ мигъ
Цвѣтокъ шепталъ цвѣтку мятежно:
«Есть взоръ, который къ намъ проникъ,
Есть сердце, ждавшее насъ нѣжно!»
А черви, подъ землей, въ тотъ часъ
Добычу бренную терзая,
Сказали: «каждому изъ насъ
Цвѣтетъ цвѣтокъ, благоухая»...

---

*
* *

Къ тебѣ, у твоего порога,
Я постучался, ангелъ мой,
Но ты гостилъ тогда у Бога,
Въ Его ложницѣ голубой.
Ты ткалъ воздушныя одежды
Изъ радугъ, солнца и луны.
Мою любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!

И, грустью новой опечаленъ,
Вернулся я съ твоихъ высотъ,—
Бродить среди земныхъ развалинъ,
Во мракѣ горя и заботъ.
И встрѣтилъ генія иного,—
Онъ былъ не ты; угрюмъ и золъ,
Не зная неба золотого,
Сквозь громъ и пламень онъ пришелъ!

Онъ завладѣлъ душой моею,—
Земного торжища дитя,
И вновь молиться я не смѣю,
И вновь не смѣю жить шутя.
Какъ тѣнь, блуждаю я надъ бездной
Безъ упованья и мечты.
Но ты покинулъ міръ надзвѣздный,
Ко мнѣ воззвалъ изъ суеты!

Съ небесъ принесъ свои скрижали,
Вѣщая проповѣдь добра,—
Но я въ борьбѣ, но я въ печали,—
Не мнѣ сіяніе утра!
Меня слѣпятъ твои одежды,
И улетаютъ, смущены,
Моя любовь, мои надежды,
Мои заоблачные сны!

---

* * *

Кто я? — мечта или ошибка,
Звѣзда-ль падучая надъ тьмой,
Зари-ль минутная улыбка
Предъ дверью вѣчности нѣмой?

Огонь блуждающій ли въ склепѣ,
Иль бреда мутнаго игра,
Иль искра, брошенная въ степи
Отъ теплотворнаго костра?

Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть откуда
Мелькнувшій между двухъ ночей,—
Для неразгаданнаго чуда
Ищу я смысла и очей...

---

*

Въ ея душѣ—разладъ,
Печаль—въ ея мечтахъ;
Кому же нѣжный взглядъ,
Улыбка на устахъ?

Безмолвная какъ тѣнь,
Она сидитъ въ саду
И смотритъ чрезъ плетень
Въ томительномъ бреду.

Все ждетъ—и ждетъ она
Невѣдомо кого,
И въ часъ, когда грустна—
Не знаетъ отчего.

Вчера, когда закатъ,
Алѣя, догоралъ
И на больничный садъ
Прозрачный саванъ ткалъ,

Какъ лилія блѣдна,
Блуждая въ полуснѣ,
Запѣла пѣснь она
Въ рѣшетчатомъ окнѣ.

Та пѣснь была—не пѣснь,
А слезы или кровь!
Ужасна какъ болѣзнь
И знойна какъ любовь.

ОСЕНЬЮ.

Снова крѣпкимъ ароматомъ отцвѣтающаго лѣта,
Словно ласкою забытою, пахнуло мнѣ въ лицо.
День осенній смотритъ отблесками мертвеннаго свѣта
И осыпалъ желтымъ листомъ, точно трауромъ, крыльцо.

Съ тихой жалобой и лаской и съ мольбою покаянной
Я хотѣлъ склонить бы голову на любящую грудь,
Какъ склоняетъ ива вѣтки въ прудъ холодный и ту-
манный,
Чтобъ предъ долгою разлукой о себѣ ему шепнуть.

Какъ осенній день, окутано туманами грядущее,
Назрѣвающими соками развѣнчанной весны.
Только совѣсть—это солнце, это око вездѣсущее —
Смотритъ съ грустною улыбкой изъ сердечной глубины

1897 г.

———

4

*
* *

Чье сердце бьется слишкомъ чутко
Для нашей жизни роковой,
Кто видитъ волею разсудка
Все предрѣшенное судьбой,—
Тому не страшенъ судъ лукавый
Людской вражды, людскихъ клеветъ,—
И онъ, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ кипучемъ морѣ бѣдъ.
И знаетъ онъ—гдѣ предъ кончиной,
Въ надежной пристани своей,
Залившись пѣснью лебединой,
Покинетъ жизнь и шумъ зыбей...

ТИШИНА.

Рыдала тишина беззвучными слезами
И тишина въ душѣ истерзанной росла.
И тѣни вечера свивалися съ тѣнями
Угрюмой памяти, роились безъ числа.

И скоро ночь сошла надъ спящею природой,
И въ душу ночь сошла,—и неба было два:
Одно—манящее огнями и свободой,
Другое—темное, безъ звѣздъ и божества.

И былъ прикованъ я очами къ ночи звѣздной,
Прикованъ памятью былъ къ ночи безъ огня,
И бездна свѣтлая баюкала надъ бездной
Непроницаемой меня!

ОНЪ И ОНА.

Какъ она его любила,
Какъ теперь всегда грустна!
Вся въ цвѣтахъ его могила,
Вся въ слезахъ его жена.

Черный крепъ ея вуали,
Тусклый взоръ ея очей
Скрыли тяжкій бредъ печали
И безсонницу ночей.

Но забылъ онъ все, что было:
Ревность, слезы и любовь.
Если сердце и любило,—
Не полюбитъ больше вновь.

И напрасно въ часъ свиданья
У могильнаго холма,—
Милый ликъ безъ очертанья
Вызванъ памятью ума.

И сквозь легкій дымъ кадила,
Онъ не видитъ больше сна,—
Какъ въ цвѣты его могила
Горделиво убрана.

---

* * *

Мой міръ угрюмъ, какъ темный скитъ,
И блѣдный день меня томитъ,
И ночи нѣтъ!
Я стражду, плачу и молюсь —
Зову забвенья и боюсь
Глядѣть на свѣтъ!

А ночи нѣтъ, а блѣдный день
Льетъ мутно въ окна полутѣнь,
Но безъ лучей.
Душа скорбитъ; безъ грезъ, безъ силъ,
Живу я дни, какъ ночь унылъ,
Не видя дней...

Растетъ холодная печаль,—
Зіяетъ призрачная даль
Какъ злая пасть
Глубокой бездны,—я молюсь,—
И все робѣю, все боюсь
Въ нее упасть.

———

ПѢСНЯ.

Ты всю ночь напролетъ
Не смыкала очей;
Разгоралась огнемъ,
Не зажегши огней.

Полюбились тебѣ
Соболиная бровь,
Шопотъ сладкихъ рѣчей
Про мечты, про любовь.

Ты смотрѣла въ окно,
Отворяла крыльцо.
Расплелася коса,
Запылало лицо.

Ты роптала—ждала,
Ты молила прійти,
Да къ тебѣ не нашелъ
Онъ дороги-пути.

Запугала ли ночь,
Затуманилъ ли хмѣль,—
Только стыла твоя
Одинока постель;

Только встрѣтила день
Ты блѣднѣе холста,
Да съ улыбкой съ тѣхъ поръ
Распростились уста...

1896 г.

---

* * *

Былъ явленъ духъ ко мнѣ въ вечерней тишинѣ,
Прозрачный, какъ луны воздушное сіянье,—
И тихо онъ прошелъ, безмолвный, какъ желанье
Весенней лиліи, склонившейся къ волнѣ.

Онъ сердцу не принесъ отраднаго забвенья
И не обжегъ меня дыханіемъ грозы,
Лишь вызвалъ въ памяти неясныя волненья,
Безъ гнѣва и стыда, безъ пѣсенъ и слезы!

То былъ блуждающій внѣ жизни и внѣ цѣли,
Никѣмъ не вызванный, забытый всѣми духъ;
Онъ гроба не искалъ, не вѣдалъ колыбели,—
Рожденный какъ туманъ, какъ искра онъ потухъ.

И между тѣмъ какъ я, въ смущеніи невольномъ,
Догадкой мучился,—онъ скрылся вдалекѣ;
Онъ вѣтромъ бушевалъ, ложился прахомъ дольнимъ
И рвалъ цвѣты въ саду, и волны гналъ въ рѣкѣ...

ОСЕНЬЮ ВЪ ПАРКѢ.

Вся золотая аллея...
    Точно лучистая сѣтка
    Съ вѣткой сплетается вѣтка,
Пламенной осенью рдѣя!

Грустно вершины нахмуря,
    Темныя сосны и ели
    Ждутъ бѣлогривой метели:
Снится имъ поздняя буря,
    Снится—снѣга ихъ одѣли!..

Алый закатъ, догорая,
    Мертвую осень не грѣетъ...
    Онъ точно жертвенникъ тлѣетъ
Осиротѣлаго рая...
    Осень румянитъ и сѣетъ...

Все засыпаетъ и внемлетъ
    Долгой, мучительной сказкѣ;
    Жизнь утомила безъ ласки,—

Смерть безъ борьбы—не пріемлетъ!..
Ярки поблекшія краски,—

Меркнетъ заря въ небосводѣ...
Тлѣньемъ цвѣтущаго сада
Вѣетъ любовно прохлада...
Или нѣтъ смерти въ природѣ?
Или забвенье—отрада?

---

* * *

Точно призракъ въ ризѣ темной,
Сладко дышетъ садъ огромный;
Въ синихъ тучкахъ мѣсяцъ томный
Прячетъ блѣдное лицо.

И въ саду, гдѣ гуще тѣни
Въ очарованной сирени,
Слышно, дрогнули ступени,—
Отворилося крыльцо.

Въ этотъ часъ живыхъ мечтаній,
Въ ночь видѣній и свиданій,
Дышетъ робкій звукъ лобзаній
Ароматами весны.

И съ любовью безмятежной,
Вздохомъ тучки бѣлоснѣжной
Тихо таютъ въ пѣснѣ нѣжной
Отуманенные сны!..

ЛѢТО.

Іюнь. Пронизанъ мракъ полночный
Душистымъ запахомъ теплицъ,
Спадаетъ яблонь цвѣтъ молочный,
Мерцаютъ отблески зарницъ.

Надъ полемъ жаворонокъ вьется,
Во ржи синѣютъ васильки
И солнце весело смѣется
Въ прозрачномъ зеркалѣ рѣки.

Свѣтло и радостно, и пышно!—
Повсюду зной, и жизнь, и цвѣтъ...
Но соловья уже не слышно
И гуще ночи полусвѣтъ.

Прекрасно въ солнечномъ іюнѣ,
Но зноемъ мы утомлены...
Прекраснѣй было наканунѣ,
Душистымъ маемъ, въ дни весны!

Тогда звучнѣй журчали воды,
Перекликаясь съ соловьемъ,
И краски юныя природы
Сіяли новымъ торжествомъ.

Тогда по саду не густому
Бродили сны, восторгъ и лѣнь,—
Теперь тропинка гуще къ дому,
Но тамъ раздумье цѣлый день...

И съ первымъ цвѣтомъ опадаетъ
Мечта—весны моей звено...
Такъ все свѣтлѣй, что обѣщаетъ,
И все темнѣй, что свершено!..

---

* * *

Еще моя душа видѣнья жадно ловитъ
И порванной струной надтреснуто звенитъ,
Не внемлетъ суетѣ, мечтамъ не прекословитъ
И очарованная спитъ.

Извнѣ къ ней иногда, холодной и блестящей,
Доносится толпы самолюбивый гулъ,
Какъ вѣтра шумный вой надъ задремавшей чащей,
Какъ въ окна праздничный разгулъ.

Но звуки суеты и прахъ земли, какъ пыль, я
Спѣшу стряхнуть съ души,--и какъ орелъ степной
Она, расправивши измученныя крылья,
Летитъ пустыней неземной.

Летитъ могучая, борьбы не раздѣляя,
Смѣясь надъ гибелью и завистью людей,—
Туда, гдѣ свѣтитъ лучъ потеряннаго рая,
Звеномъ расторгнутыхъ цѣпей.

ИЗЪ МОНОЛОГОВЪ.

Мы—ангелы. Вѣдь мы живемъ на небѣ
И смотримъ внизъ въ ту бездну, что подъ нами
Дрожитъ тревожно ясными мірами,
Какъ зернами, разбросанными щедро...
Быть можетъ тамъ, на тѣхъ мірахъ, есть также
Такія же созданія,—и оттуда
Глядятъ внизъ головою, какъ и мы,
На бездну, распростертую подъ ними?
Но такъ же ли они распредѣлили
Сокровища своей природы властной
И такъ же ли дары душевной воли
Направили на ложь, на зло, и только
Немногіе - на правду и любовь?
Отвѣта нѣтъ отъ нихъ- и быть не можетъ.
Да и къ чему? Не лучше ли догадки
Измученнаго сердца, потому что
Диктуетъ ихъ намъ свѣтлая надежда!
Вѣдь истина всегда блѣднѣе въ мірѣ,
Чѣмъ къ истинѣ стремленіе! Довольно!

Не будемъ же пытаться знать ее,
Рожденную въ страданьи и раздумьи!..
Мы—ангелы,—не будемъ же желать
Совлечь завѣсы вѣчнаго, чтобъ въ бездну
Разгнѣванный Творецъ насъ не совлекъ!
И кроткую наивность, какъ святыню,
Мы сохранимъ, блуждая въ хорѣ смертныхъ,
Чтобъ легче вновь съ безсмертными намъ слиться...

1897 г., 21 декабря.

ПѢСНЯ.

Я хотѣлъ бы, ненаглядная,
Вновь съ тобой еще увидѣться:
Горькимъ словомъ не обмолвиться,
Дерзкимъ взоромъ не обидѣться,

Молодые сны разсказывать,
Пѣсни нѣжныя налаживать;
Раннимъ утромъ, позднимъ вечеромъ
Подъ окномъ твоимъ расхаживать.

Я не знаю, что сулитъ судьба,
Что сулитъ еще грядущее,
Предстоитъ ли счастье краткое,
Или горе вездѣсущее.

Только вѣрю, ненаглядная,
Только знаю, неизмѣнная,
Что мала намъ жизнь суровая,
Что я плѣнный, а ты плѣнная.

Мы въ когтяхъ нужды измаяны,
Съ черной вѣдьмой—сплетней знался,
И, любя, другъ друга мучили
И другъ другу не признался!

1898 г., іюнь.

---

* * *

Снится-ль минувшее,—
Чутко прислушайся
Сердцемъ внимательнымъ
Къ раю забытому.

Видишь ли смутное
Въ жизни грядущее,—
Ввѣрься надеждѣ—
Какъ мигъ—обольстительной!

Радуйся даже
Тоскѣ настоящаго,
Ибо желанія
Нѣтъ недоступнаго,—

Ибо мятежная
Жизнь мірозданія—
Въ краскахъ не тающихъ
Сонъ неразгаданный!

---

* * *

Вѣтеръ ласковый, при встрѣчѣ,
Розу только поцѣлуетъ,
Одуванчики-жъ, какъ свѣчи,
Поколеблетъ — и задуетъ.

Налетитъ, какъ вѣтеръ, горе.
Сердце юное — чуть тронетъ;
А въ отцвѣтшемъ сердцѣ вскорѣ
Все убьетъ, все похоронитъ...

---

* * *

Назрѣвало лѣто, пышное, какъ счастье,
Золотое счастье жизни и любви,—
Все въ лучахъ румяныхъ, все какъ сладострастье,
Назрѣвало лѣто въ небѣ и въ крови!

Лѣсъ, уже расцвѣтшій и кивавшій шлемомъ
Въ гомонѣ и пѣсняхъ беззаботныхъ птицъ,—
Заставлялъ насъ вѣрить ласкамъ и поэмамъ,
Грезамъ и восторгамъ райскихъ небылицъ.

Весь благоухая, воздухъ, насыщенный
Крѣпкимъ ароматомъ, влекъ въ живой просторъ,
Къ свѣту и свободѣ,—и, освобожденный,
Радовался солнцу просвѣтленный взоръ.

Я любилъ, я вѣрилъ... Назрѣвало лѣто
Въ лучезарномъ небѣ, въ вспыхнувшей крови,—
Только оставался въ сердцѣ безъ отвѣта
Вопль моей безумной пламенной любви!

---

* * *

Какъ чудно и дивно, какъ странно и сладко
Въ душѣ догорѣвшей безъ слезъ и огня.
И чудится мнѣ, что есть гдѣ-то загадка—
Страшнѣе и лучше меня!

Страшнѣе и слаще, чѣмъ это мгновеніе,
Которымъ живу я и жизнью зову;
Все это восторгъ и мечты вдохновенія,
Приснившійся сонъ наяву!

1898 г., май.

ВЕЧЕРЪ.

Пыль улеглась, прибитая дождемъ...
Горитъ заря болѣзненнымъ лучемъ,
Сквозь облака кудрявыя алѣя...
И, медленно вершины шевеля,
Дрожитъ зефиръ... и спятъ поля,
И спитъ пустынная аллея....
Вхожу въ нее... со всѣхъ сторонъ
Киваетъ мракъ неясной дымкой;
И, мнится, кто-то невидимкой
Идетъ, таинственный какъ сонъ...
И кто-то дышетъ нѣгой сладкой
Въ лицо горячее украдкой,
И, мнится, съ запахомъ кустовъ,
Съ остывшей мглой зари багровой—
Переживу я мракъ суровый
Давно утраченныхъ годовъ.

---

* * *

Еще повсюду въ спящемъ паркѣ
Печально вѣетъ зимнимъ сномъ,
Но ослѣпительны и ярки
Снѣга, лежащіе ковромъ.

Ихъ грѣетъ солнце... Скоро, скоро
Подъ лаской дѣвственныхъ лучей
Стремглавъ помчится съ косогора
Весною созданный ручей.

И, торжествуя, счастьемъ новымъ,
Любовью новой веселя,
Травой и запахомъ сосновымъ
Вздохнетъ усталая земля.

---

* * *

Весенній день пронизанъ яснымъ свѣтомъ;
Онъ заглянулъ въ окно мое съ привѣтомъ;
Смиривъ въ душѣ минутную печаль.
Я жизнь люблю—и снова жизни жаль.
Прошедшее рисуется невольно
Моимъ мечтамъ. Смущенный богомольно,
Предъ старою любовью я опять
Готовъ, склонясь, молиться и рыдать...

---

* * *

На тускломъ облакѣ трепещетъ
Зари остывшей слѣдъ;
Такъ память сумрачная блещетъ
Восторгомъ прежнихъ лѣтъ.

Еще крыло прохладной ночи,
Не осѣнивъ зѣницъ,
Пугаетъ умъ, пугаетъ очи
Молчаніемъ гробницъ.

Ночь смотритъ, свившись тѣнью сизой,
Изъ каждаго куста
И скоро небо звѣздной ризой
Одѣнетъ темнота.

И, какъ румянецъ поцѣлуя,
Едва погаснетъ день,—
Обниметъ греза, торжествуя,
Тоскующую лѣнь...

---

* * *

День гаснетъ зарею, свиваясь съ тѣнями;
Въ пустынныхъ аллеяхъ глубокая тишь
И только, какъ призракъ, ширяя крылами,
Порою промчится летучая мышь.

Съ деревьевъ, вечерней росой отягченныхъ,
И каплетъ, и брызжетъ, какъ будто они
Заплакали молча, въ мечтаніяхъ сонныхъ
Встрѣчая опять теплотворные дни.

Ни звука, ни страсти въ душѣ умиленной,
Глубокая тишь осѣнила меня;
Какъ въ дали, весеннею мглой осребренной,—
Въ ней зрѣютъ восторги грядущаго дня.

---

* * *

Какъ воздухъ свѣжъ, какъ липы ярко
Румянцемъ осени горятъ!
Какъ далеко въ аллеяхъ парка
Отзвучья вечера дрожатъ.

Не слышно птицъ, не дышетъ роза,—
Врываясь, мчатся въ мракъ деревъ
Свистъ отдаленный паровоза,
Удары башенныхъ часовъ.

Да прозвучитъ въ травѣ росистой
Кузнечковъ позднихъ тяжкій скрипъ,
Межъ тѣмъ какъ вьется листъ огнистый,
Безъ шума упадая съ липъ.

Все полно смерти предстоящей,
И въ тишинѣ тягучихъ струй
Ужъ стужа осени дрожащей
Запечатлѣла поцѣлуй...

---

* * *

Надъ младенческой кроваткой
Блещетъ свѣтъ лампады мѣдной,
И лобзаетъ онъ украдкой
Алый ротикъ, лобикъ блѣдный.

Много сновъ малютка видитъ:
Міръ открылся ей небесный,
И малютки не обидитъ
Обольщенья сонъ прелестный.

Какъ дитя спокойно дышетъ,—
Видно, сонъ ее голубитъ...
Но не скажетъ,—что услышитъ,
Что увидитъ,—позабудетъ.

---

* * *

Мнѣ давно въ тебѣ являлись
Непонятною ошибкой
Эти ангельскія слезы
Съ этой демонской улыбкой!
Оттого съ тобой порою
Мнѣ такъ страшно и такъ больно:
Ядовито не смѣюся
И не плачу богомольно...

1897 г.

---

* * *

Одѣлося небо
Порфирою звѣздной;
Алмазная бездна
Пылаетъ надъ бездной.

Пришла ты какъ призракъ:
Шаги твои зыбки;
На ликѣ безкровномъ
Ни слезъ, ни улыбки.

Ты молча поникла,
Ты смотришь уныло,—
И снова я вспомнилъ,
Что скрылось, что было.

И въ сердцѣ проснулись
Вновь муки и грозы,
Забытыя страсти,
Забытыя слезы!

Ты смотришь,—я плачу!
Ты внемлешь,—я стражду!
Ты прошлаго ищешь,
Я новаго жажду...

И вновь тебя славлю
Я пѣсней хвалебной,
Мой ангелъ прекрасный,
Мой геній волшебный!

———

СТАНСЫ.

Все пережито, что возможно,
Все передумано давно,—
И все такъ блѣдно, такъ ничтожно!
Чего желать—не все ль равно!

Разсудокъ чувству не уступитъ,
А чувство умъ клянетъ на зло,—
И память страстью не искупитъ
Того, что время отняло!

Ни смѣть любить, ни смѣть обидѣть,
Ни смѣть желать во цвѣтѣ лѣтъ,
Ни знать, ни чувствовать, ни видѣть,—
Ужели блага выше нѣтъ?

ОНА.

Она проклинала такъ много,
Она такъ смѣялась жестоко,—
Что други ея отъ порога
Бѣжали далеко... далеко...

Порвавши всѣ связи съ роднею,
Поссорясь съ подругами дѣтства,
Она поносила хулою
Небрежность, любовь и кокетство.

Сама же—горда и ревнива,
Играя минутной любовью,
Какъ серна лѣсная пуглива,
Внимала чужому злословью...

Поклонникъ бѣжалъ отъ порога,
Осмѣянный ею жестоко...
Она такъ смѣялася много
И мучилась такъ одиноко!..

---

* * *

Растаяла заря, какъ поцѣлуй счастливый,
Недвиженъ сонный лѣсъ,
И выплыла луна въ пустынѣ молчаливой
Задумчивыхъ небесъ.

Душа моя полна мечтой очарованья,
Утихла въ ней гроза...
Негодованіе и боль воспоминанья
Затмила теплая слеза.

Я плàчу потому, что вѣрю снова въ счастье, —
Я вѣрю потому,
Что наконецъ блеснулъ желанный лучъ участья
Сквозь роковую тьму.

Онъ свѣтитъ, какъ закатъ, какъ позднее сіянье
Луча въ туманномъ днѣ, —
И будитъ нѣжный вздохъ любви и покаянья
Въ сердечной глубинѣ...

---

* * *

Я видѣлъ пламенную гору:
Недосягаемая взору,
Ея вершина, торопясь,
Огонь и лаву извергала,
Какъ бы стремилась и дерзала
Найти таинственную связь
Земли съ хаосомъ первозданнымъ,—
Но, въ небѣ блѣдномъ и туманномъ
Растративъ пепелъ, дымъ и громъ,
Ея дымящаяся лава,
Ѣдка какъ жгучая отрава,
Текла къ подножью — и потомъ,
Дыханьемъ вѣтра охладясь,
Мгновенно претворялась въ грязь...

Не такъ же-ль ты, душа поэта,
Огнемъ и бурею одѣта,
Какъ ризой пламенною тучъ,—
Летишь на небо, въ сумракъ алый,

И упадаешь съ горнихъ кручъ
Больной, разбитый и усталый,—
Гдѣ склепа мрачнаго душнѣй
Тяжелый мракъ земныхъ страстей.

---

* * *

Что ты ни спросишь—
Все такъ наивно,
Что ни отвѣтишь—
Все такъ уныло...

Такъ отчего же
Только съ тобою
Сердце не плачетъ,
Разумъ не ропщетъ.

Смотрятъ ли въ окна
Вешнія ночи
Розовымъ небомъ,
Мутною далью;

Вечеръ ли хмурый
Осени темной,
Какъ привидѣнья,
Бурей грозится,—

Я предъ тобою
Вдругъ замолкаю,
Въ счастіе вѣрю,
Смерти не жажду.

Другъ мой прекрасный,
Что ты ни спросишь,
Что ни отвѣтишь—
Все такъ наивно!

Только я вѣрю,—
Мы, точно птицы,
Загнаны стужей,
Бурей одною!

Оба трепещемъ,
Робки и зябки,
Въ пламени тускломъ
Чуждаго міра!..

---

* * *

Въ знойномъ сердцѣ гасла сила,
Засыпала въ немъ гроза,—
Поцѣлуемъ ты закрыла
Мнѣ усталые глаза.

И легко, легко мнѣ стало,—
Изъ лазуревой дали
Что-то пѣло и сіяло
И манило отъ земли!

Былъ ли то неуловимый
Къ новой жизни переходъ,
Гдѣ летали серафимы
Въ блескѣ радужныхъ высотъ...

Или тихій мракъ забвенья
Гналъ, какъ тучи, рой тѣней,
И, какъ струны, рвались звенья
Жизни, воли и страстей?!.

NOCTURNE.

Что тамъ за рощей проснулось?
Что это тамъ засверкало?
Или весна улыбнулась,
Или зима миновала?

Что пронеслося надъ чащей?
Чьи это вздохи надъ нами?
Ангелъ ли мимо летящій
Тихо повѣялъ крылами?

Что это: таянье-ль снѣга,
Сердце-ль повѣрило чуду?..
Чья это робкая нѣга
Въ воздухѣ рѣетъ повсюду?..

Сумерки мягче и краше...
Слышатся звуки участья.
Что это, — счастіе наше
Или предчувствіе счастья?..

---

* * *

Опять весна. Сегодня въ ночь за рощей
Пѣлъ соловей такъ сладко, такъ тепло.
Въ цвѣту сирень, въ цвѣту кустарникъ тощій,
Румянцемъ дня ночь небо обожгло.

Всю ночь сидѣлъ я, въ грезахъ безразсудныхъ,
Передъ окномъ, смотря въ ночную даль,
Гдѣ сонмы силъ невидимыхъ и чудныхъ
Несли душѣ знакомую печаль.

Печаль безъ слезъ, разлуку безъ страданья,
Разлуку съ тѣмъ, что дорого въ быломъ.
И мнилось мнѣ, что близокъ часъ свиданья
Съ невѣдомымъ, но милымъ божествомъ...

---

* * *

Какъ я любилъ ее, какъ я о ней страдалъ;
Ночами долгими, приникнувъ къ изголовью,
Съ какою нѣжною и пламенной любовью
Ей сны волшебные и сказки повѣрялъ.

Я не платилъ за ложь—обманомъ, а тоскою,
Одной безумною тоскою заплатилъ.
Я ей, какъ рабъ, сказалъ: «владѣй моей душою»—
И палъ къ ея ногамъ, безъ жизни и безъ силъ.

И, видя падшаго у ногъ своихъ, донынѣ
Съ веселіемъ она взираетъ на меня...
И, жертва слабая, я гасну день отъ дня
Безъ ропота и мукъ у ногъ моей богини...

СТАНСЫ.

Ты все еще помнишь и судишь,
Но я уже все позабылъ.
Ты сердце проклятіемъ губишь,
А я свое молча разбилъ.

Сошлися мы въ жизни случайно—
И вновь разойтись не могли;
Сближала насъ нѣжная тайна
И горькія думы земли.

Томились о счастьи мы оба,
Но счастія жизнь не дала;
Восторги разрушила злоба,
Любовь нашу буря сожгла.

Давно обвинила меня ты;
Тебя—не хочу обвинять...
Не люди-ль во всемъ виноваты,—
Но люди умѣютъ прощать.

Зачѣмъ же ты помнишь и судишь
Того, кто тебя не судилъ!..
Ты жизнь лицемѣріемъ губишь,
Какъ я свою вѣрой сгубилъ...

ВНѢ ЖИЗНИ.

Въ часы молчаливые,
Въ мгновенья прекрасныя,
Съ зарей потухающей
Проходятъ незримые

Волшебники тихіе,
Какъ въ дымъ, погруженные
Въ хитоны туманные,—
Идутъ и рождаются.

Подъ ними мхи сѣрые,
Цвѣты ароматные,
Жуки бирюзовые
Съ прозрачными крыльями.

На стеблѣ задумчивомъ
Тюльпаны огнистые
И лиліи бѣлыя
Росой наполняются.

И слышно, какъ шопотомъ
Другъ друга привѣтствуя,
Пьютъ соки росистые
Волшебники хилые,

Безъ крови рожденные,
Ко тьмѣ пріобщенные,
Давно отошедшіе
Изъ міра страдающихъ.

Намъ страшны, какъ спутники,
Они молчаливые,
И, солнцемъ рожденные,
Боимся мы призраковъ,

И къ ночи прислушаться
Не смѣемъ внимательно,
Какъ будто мы не были,
Какъ будто не будемъ мы,—

Мгновенья отпавшія
Изъ вѣчности дышащей,—
Такими же тайнами,
Ко тьмѣ пріобщенными!

ВЕСНА.

Блѣдолика и грустна,
Какъ обманутая дѣва,
Къ намъ вернулася весна,—
Слышу звукъ ея напѣва:

— «Я плыву изъ юныхъ странъ
Вдохновенія и свѣта,
Гдѣ въ лазоревый туманъ
Даль румяная одѣта.

«Я несу любовныхъ чаръ
Обольстительныя грезы,—
Изъ-подъ трепета чинаръ,
Отъ дыханія мимозы!..

«Я осыпана кругомъ
Моря пѣною жемчужной,
Я пронизана тепломъ
И мерцаньемъ ночи южной!

«Подъ перстами у меня
Зашумятъ лѣса и струи,—
Потону въ сіяньи дня,
Какъ въ блаженномъ поцѣлуѣ.

«Сумракъ сѣверныхъ ночей
Обожгу своимъ дыханьемъ;
Блескъ не грѣющихъ лучей
Напою очарованьемъ.

«И сольется вздохъ земли
Съ ароматнымъ вздохомъ рая,
Въ отуманенной дали
Путь зарницамъ намѣчая!..»

---

* * *

Людская пошлость, мракъ сердецъ
Передо мной до дна
Обнажены... О мой Творецъ,
Когда же будетъ наконецъ
Земная жизнь ясна?

Я вижу — силою Своей
Ты раскрываешь намъ
Нетлѣнный хоръ Твоихъ огней
Во мракѣ призрачныхъ ночей
По синимъ небесамъ.

Я вижу — роскошь, блескъ и зной
Твоихъ лучистыхъ дней;
Зачѣмъ же холодъ роковой
Надъ пресыщенною толпой
Все гуще, все темнѣй!

И ложь сердецъ, и ложь рѣчей,
Какъ въ чистомъ родникѣ,
Отражены въ душѣ моей,
И гибну я въ ночи ночей,
Въ позорѣ и въ тоскѣ!

Ты выше звѣздъ, о мой Творецъ!
Тебѣ звучитъ хвала
И скорбь истерзанныхъ сердецъ...
Когда же будетъ наконецъ
Земная жизнь тепла?

---

* * *

Воспоминаньемъ и тоскою
Мнѣ вѣетъ въ душу. Милый другъ,
Еще здѣсь все полнὸ тобою,
Полнὸ тобою все вокругъ.

На туалетѣ бонбоньерки
Твоей разбросаны рукой
И полка книгъ на этажеркѣ
Мнѣ дышетъ, кажется, тобой.

И этихъ вербъ пучки сухіе
Надъ образницей въ полутьмѣ,
И эти строки роковыя
Въ незапечатанномъ письмѣ.

Здѣсь все тобой полнὸ, другъ милый,—
Скажи, вернешься ли ты вновь?
Ко мнѣ вернулись съ новой силой
И сожалѣнья, и любовь!

Я жду тебя; я не разрушу
Тобой согрѣтый уголокъ...
Приди, согрѣй же снова душу,—
И въ ней затепли огонекъ?..

СТАНСЫ.

М. О. Меньшикову.

Не знаемъ мы, куда направить
Свои стремленья и мечты,
Всегда привыкшіе лукавить
На играхъ свѣтской суеты.

А рядомъ тутъ же, недалеко,
Есть сотни страждущихъ людей,—
Блаженъ, чье пламенное о[illegible]
Ихъ видитъ въ радости св[illegible]

Блаженъ, к[illegible]вствуетъ [illegible]
И преклоня[illegible]ткій слу[illegible]
Къ тому, ч[illegible]тно и н[illegible]
Какъ вѣчно[illegible] вѣщі[illegible]

Жизнь, какъ волна, разнообразна,—
И тотъ блаженъ, кто черный грѣхъ,
Грѣхъ, порожденный отъ соблазна,
Прощая, раздѣлитъ на всѣхъ.

1899 г., февраль.

---

* * *

Для чего въ полночномъ небѣ
Огнедышащая даль?
Для чего въ холодномъ сердцѣ
Боязливая печаль?

Не страшитъ ли умъ нашъ вѣчность,
Не пугаетъ ли насъ смерть,—
И горитъ ли не надеждой
Огнедышащая твердь!

Не полна ль живой тревогой
Жизни темная скрижаль,—
Не маякъ ли въ морѣ бѣдствій
Сердца робкая печаль?

---

* * *

Въ ногахъ моихъ цвѣты; надъ головой лазурь,
А въ сердцѣ тайный шумъ невысказанныхъ бурь,—
Тревога смутная, безумная тревога!..
О сердце, неужель еще ты ищешь Бога?
Ты не нашло Его!—Онъ Самъ пришелъ къ тебѣ!..
Смири же буйный вопль смятеній безполезныхъ,—
Воскресла истина, и демонъ умеръ въ безднахъ!
Есть люди... есть борьба... есть счастіе въ борьбѣ...

НА МОЛИТВѢ.

Необычайныя мечты,—
Невыразимое волненье!
Но кто ихъ знаетъ? Я да ты,
Да развѣ съ нами... Провидѣнье!

Мгновенье—сонъ и вѣчность—сонъ,
А Человѣкъ стоитъ предъ нами...
Но Онъ—Христосъ и вѣчность—Онъ,
И... съ распростертыми руками
На крестъ Голгоѳы пригвожденъ
Мгновеньемъ, созданнымъ вѣками!..

1899 г.

—

* * *

Сковали мнѣ бѣлыя руки,
Сдавили горячую грудь,
Уста запаяли, чтобъ звуки
Не выдали скорбь какъ-нибудь.

Но дрема мой взоръ не закрыла,
Кипитъ и волнуется умъ,—
Лучами сіяетъ могила
И слышенъ ликующій шумъ.

Проходятъ, какъ призраки, люди
И дѣла имъ нѣтъ до меня,—
Горды ихъ свободныя груди,
Имъ сладко сіяніе дня.

Идутъ, улыбаяся, мимо
И шепчутъ: вотъ призракъ смѣшной!—
Забывши, что ихъ пантомима
Разыграна также и мной...

---

* * *

Соединяемые небомъ,
Разъединенные толпой,
Бѣжимъ мы, бѣдные, за хлѣбомъ,
Не насыщаяся душой.

Въ борьбѣ ли падаемъ и снова
Стремимся жадные въ борьбу,
Безъ насыщенія, безъ слова,
Безъ упованья на судьбу,—

И что-жъ выносимъ?—Съ каждымъ годомъ
Слабѣе сердцемъ и умомъ.....
Тоску, позоръ иль мимоходомъ
Любовь, вѣнчанную грѣхомъ.

МАЛЮТКѢ.

Малютка милая, какъ рано
Она насъ любитъ. Погляди—
Съ какою радостью, какъ странно
Къ твоей прижалася груди.

Она у насъ защиты проситъ,
Она довѣрилася намъ,—
И наше горе переноситъ,
И дѣлитъ радость пополамъ.

Въ ней нашихъ чувствъ и мыслей хоры,
Въ ней наша воля бытія;
Ея младенческіе взоры
Не та же ль ты?—не тотъ же ль я?

Мудрѣй и лучше насъ малютка,—
Въ ней двое слилося въ одно,
И бьется жизнь еще въ ней чутко,
Какъ въ насъ не билася давно.

Въ ней наша вся любовь отнынѣ,
Не потонувшая во мглѣ;
На небѣ выше нѣтъ святыни
И выше счастья на землѣ!

---

* * *

Деревня скрылася... и нивы
Уже отъ взора отстаютъ;
Рѣченки быстрые извивы
Къ заставѣ города ведутъ.

Вотъ городъ; крашеные домы,
Казармы бѣлыя... бульваръ...
Клочки разбросанной соломы,
Въ сѣняхъ дымящій самоваръ.

Здѣсь изъ пекаренъ запахъ хлѣба,
Здѣсь стукъ колесъ и гамъ людской
И зарумяненное небо
Румянитъ лужи мостовой.

И снова странное волненье...
И вновь знакомая печаль
Отъ простодушнаго селенья
Зоветъ въ безжизненную даль...

1899 г.

ВѢТЕРЪ.

«Вѣтеръ вольный, вѣтеръ буйный,
Зычногласный, шумноструйный,
Властелинъ безумныхъ грезъ,
Ты куда меня занесъ?»

— Свѣтлыхъ радостей губитель,
Я занесъ тебя въ обитель
Вѣчныхъ бурь и вѣчныхъ грозъ,
Гдѣ рождается хаосъ!

«О, зачѣмъ, зачѣмъ, какъ прежде,
Не ввѣряюсь я надеждѣ,
И безъ якоря, руля
Трепещу нѣжнѣй стебля?»

— Потому что въ гордой власти
Ты растратилъ умъ и страсти,
И по вѣтру жизнь, какъ могъ,
Разметалъ, но не разжегъ!

12

«О, я знаю, я ничтоженъ,
И безуменъ, и тревоженъ;
Для чего же, вѣтеръ, ты
Въ пыль разбилъ мои мечты?»

— Потому что я не вѣрю
Ни растенію, ни звѣрю,
Ни душѣ и ни уму,
Все бросая въ пыль и тьму!

1899 г., іюль.

---

* * *

Отецъ мой—мѣсяцъ золотой,
А мать—волна морская,
Но я не знаю, кто со мной
Былъ въ алый вечеръ мая.

Горѣлъ огонь въ его очахъ,
Въ устахъ цвѣла улыбка.
Кто былъ онъ: жизнь, любовь иль страхъ?
Загадка иль ошибка?

Цвѣты намъ брызгали росой,
Кадили ароматы,
И вотъ подъ нашею ногой
Они уже помяты.

Намъ звучно пѣли соловьи,
И вотъ уже силками
Они убиты, какъ мои
Желанія—грѣхами!

Но та же жизнь со всѣхъ сторонъ
Влечетъ насъ вмѣстѣ къ раю...
Не знаю я, кто могъ быть онъ?
И кто я?—Кто,—не знаю!

1899 г.

---

* * *

Вошли во мракъ мы съ духомъ тьмы,
Гдѣ жизни нѣтъ и звуковъ нѣтъ;
Еще безмолвнѣй стали мы,
Еще ужаснѣе сталъ бредъ.

Тамъ звѣздъ не видно въ вышинѣ,
Тамъ холодъ царствуетъ кругомъ,
И тамъ темнѣе, чѣмъ на днѣ,
Темнѣе, чѣмъ на днѣ морскомъ.

И только черное крыло,
Крыло сопутника росло—
И двигалось во мракѣ томъ
Нѣмымъ расшатаннымъ щитомъ!

«Куда идемъ? Куда пришли?»
Хотѣлъ спросить я—и не могъ.
Я былъ отъ міра, отъ земли,
Отъ самого себя далёкъ.

Но только зналъ, что я живу,
Хоть нѣтъ прошедшаго слѣда...
Что этотъ ужасъ наяву,
Что не проснусь я никогда.

Я зналъ еще, что не ослѣпъ,—
Что предо мной не темный склепъ,
Не безпросвѣтная тюрьма,
А вѣчность хмурая сама...

1899 г.

ВЪ БУРЮ.

Мы у ярыхъ волнъ во власти.
Шатокъ челнъ и гнутся снасти,—
Надвигается гроза.
Какъ испуганная чайка,
Парусъ хлопаетъ въ глаза,
То и дѣло замѣчай-ка!

Мы плывемъ и все плывемъ...
Волны прыгаютъ кругомъ;
Мы отстали въ перегонкѣ...
Въ темной дымкѣ берега...
Шумно; точно на врага,
Волны прыгаютъ, какъ львенки...

Волны скачутъ наобумъ;
Влажный рокотъ, дикій шумъ!
Тутъ потѣха... тутъ измѣна!..
Смерть—не смерть, и жизнь—не жизнь.
Ну-ка брызнь, шумнѣе брызнь,
Взбаломученная пѣна!

Что за бѣшеный хаосъ!..
Бездна звуковъ, бездны слезъ
Неразгаданнаго горя...
Доплеснися, подымись
Въ понахмуренную высь,
Валъ встревоженнаго моря!

Пошатнися, окунись,
Отуманенная высь,
Захлебнись ревущей бездной!
То-то радость, то-то страхъ,—
На волнахъ и въ облакахъ
Свистъ и хохотъ безполезный!

---

* * *

Бездыханная поляна
Бѣлымъ снѣгомъ убрана;
На дорогу изъ тумана
Свѣтитъ тусклая луна.

Осребренныя ракиты —
Какъ алмазною парчой —
Снѣжнымъ инеемъ покрыты,
Заколдованы зимой.

Въ этомъ блескѣ, въ этой шири,
Въ этой тусклой вышинѣ —
Виденъ міръ въ потухшемъ мірѣ,
Виденъ сонъ въ глубокомъ снѣ...

———

ИРОНІЯ.

Вездѣ разлитъ ироніи холодной
Незримый слѣдъ — куда ни погляжу,
Надъ мудростью, надъ жизнію свободной
Жестокую насмѣшку нахожу.

Иронія, иронія во всемъ!
Въ трудахъ глупцовъ, въ ничтожествѣ величья,
Въ безчувствіи и въ холодѣ приличья,
И въ бѣдности, согбенной подъ ярмомъ.

Съ ироніей проходитъ предо мною
Непонятыхъ мечтателей толпа,—
Ихъ узкая, тернистая тропа
Манила ихъ обманчивой зарею!

Мы сѣтуемъ, мы рвемся къ небесамъ,
Мы молимся, — молитва безполезна! —
Глядимъ въ себя съ ироніей — и тамъ, —
Тамъ безъ огней мучительная бездна!..

ОСЕННЕЕ РАЗДУМЬЕ.

Осеннихъ тучъ побѣгъ неровный
И снѣгъ бѣлѣющій въ тѣни,
И сумерки, и звонъ церковный,
И эти ранніе огни,—
И въ шири неба голубого
Блеснувшій вдругъ аэролитъ,—
Все о безцѣльности земного
Мечтѣ унылой говоритъ.

Уязвлена тоскою лѣни,
Надъ всѣми вѣетъ смерть крыломъ,
И люди движутся кругомъ,
Какъ засыпающія тѣни.
И пусть міръ силится до дна
Исчерпать глубь своихъ стр[illegible]ній,
Жизнь — сновидѣніе безъ сн[illegible]
А смерть... смерть — сонъ б[illegible]овидѣній!

———

* * *

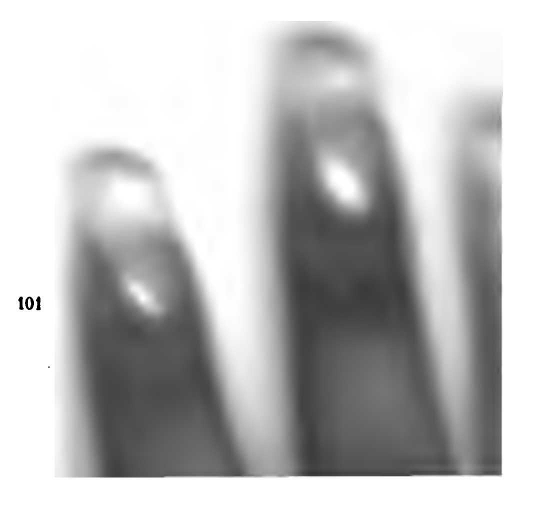
Ты пришла ко мнѣ печальная
Между бдѣніемъ и сномъ:
Съ головы фата вѣнчальная
Бѣлымъ падала пятномъ.

Улыбалася безъ ропота,
Милый голосъ мнѣ звучалъ —
Полный трепетнаго шопота,
Какъ на морѣ синій валъ:

«Не любила, не желала я
И дышала лишь тобой,
Отягченная, усталая,
Ношей жизни трудовой.

«Ропотъ, ревность, недовѣріе
Прогнала давно я прочь
И терзаюсь у преддверія
Ада темнаго, какъ ночь!»

Зарыдала, заметалася,
Оборвался голосъ твой...
И — видѣніемъ распалася
Передъ утренней зарей...

* * *

На меня клевещутъ много...
Чтò за дѣло — не бѣда! —
Я и самъ себя такъ строго
Осудилъ, какъ никогда.

Я и самъ хочу въ могилу
И борьбѣ своей не радъ;
И бреду я черезъ силу
Кое-какъ и невпопадъ.

Средь живыхъ я мертвыхъ вижу,
Между мертвыхъ—рой живыхъ;
И люблю, и ненавижу,
И терплю я между нихъ...

Чтò за дѣло — неудача,
Если міръ исполненъ силъ,
Если жизнь сама — задача
Надъ забвеніемъ могилъ!..

— —

ВЕСЕННІЙ ТУМАНЪ.

Съ юга облако шло
По ночнымъ небесамъ,
И едва разсвѣло,
Какъ туманомъ легло
По болотнымъ лугамъ.
И на сѣверѣ вдругъ
Размечталось оно,
Вспоминая про югъ,
Гдѣ хоронитъ жемчугъ
Свѣтозарное дно;
Гдѣ, дыханіемъ розъ
И плодовъ опьянясь,
Легкій вѣтеръ вознесъ
Его къ небу для грозъ,
Какъ сребристую вязь
Непонятныхъ словесъ
Въ лоно ясныхъ небесъ, —
И поплыло оно
Лучезарнымъ путемъ...

И нашъ сѣверъ оно,
Какъ живое вино,
Отогрѣло тепломъ.
Оттого-то теперь
Встрепенулся нашъ садъ;
Какъ въ раскрытую дверь
Хлынулъ къ намъ ароматъ.
Оживились луга,
Зашумѣли снѣга
И стремятся въ оврагъ,
Словно гонитъ ихъ врагъ;
И запѣли хвалу
Божьи птицы — теплу.
И сіяющій лучъ
Сквозь весенній туманъ,
Такъ волшебно румянъ,
Такъ блистательно жгучъ!
Прочь и холодъ, и тѣнь,—
Чары зимняго сна!
Въ отуманенный день
Улыбнулась весна...

1899.
Гатчино.

---

* * *

Всю ночь въ непогожую пору луна
Сквозь тучи уныло сіяла, —
И съ тайною грустью сидѣла она
Въ темницѣ, за тяжкой рѣшеткой окна,
А волна подъ окномъ бушевала.

Всю ночь, не смыкая безсонныхъ рѣсницъ,
Унылою тѣнью блуждала
Она и глядѣла на башни бойницъ,
На шумный потокъ, гдѣ, какъ левъ среди львицъ,
Все волна между волнъ бушевала.

И пѣсня звучала: на арфѣ рука
Безсильно отзвучья искала,
А только заря, озлативъ облака,
Взошла, — какъ подрѣзанный стебель цвѣтка,
Ужъ волна ея тѣло качала...

14

* * *

Гдѣ ты видѣла, чтобъ рыцарь,
Выѣзжая на турниръ,
Могъ заслушаться бы лѣсомъ
Или звономъ струнныхъ лиръ?
Нѣтъ, онъ ѣдетъ въ тяжкомъ шлемѣ,
При мечѣ, угрюмъ и смѣлъ,
И коня не остановитъ,
Какъ бы звучно лѣсъ ни пѣлъ!
Если-жъ рыцарь шлемъ тяжелый
Сниметъ съ гордой головы,
Щитъ отброситъ и приляжетъ
Въ тѣнь душистую листвы,
И начнетъ глядѣть на звѣзды
Или слушать шумъ лѣсной,—
Это значитъ—онъ безумный,
Оскорбленный и больной.

---

* * *

Мнѣ сегодня снились скалы, —
Въ золотомъ сіяньи дня
Ихъ вершины уходили
Въ небо отъ меня.
И когда я пробуждался
Блѣднымъ узникомъ, межъ стѣнъ,
Скаламъ снилось, — что я къ небу
Улеталъ, покинувъ плѣнъ!

---

* * *

Желтыми листьями дѣти играли...
Осенью были тѣ листья посѣяны, —
Вѣтромъ съ тоскующихъ вѣтокъ разсѣяны
Желтые листья, какъ слезы печали.
Желтыми листьями дѣти играли;
Листья шумѣли и листья роптали.

Поздними грезами сердце играло...
Были тѣ грезы когда-то плѣнительны,
Были какъ щедрость любви упоительны...
Юность ихъ сѣяла—горе пожало...
Поздними грезами сердце играло,—
Молодость плакала—и улетала...

1899 г., сентябрь.

* * *

Въ часы раздумья рокового
Я встрѣтилъ спутника ночного;
Холодный выходецъ могилъ,
Онъ былъ безмолвенъ и унылъ.
Какъ тихій вѣтеръ—влагой зыбкой,
Играли мертвою улыбкой
Его поблекшія уста,—
И вмѣсто глазъ—двѣ черныхъ щели
Огнемъ блуждающимъ блестѣли,
Какъ отдаленная мечта.
Онъ шелъ за мной—и саванъ пыльный
Сметалъ слѣды невѣрныхъ ногъ.
Не жаждалъ жизни онъ, безсильный,
А смерть постигнуть все не могъ!..
И я отъ спутника нѣмого
Бѣжалъ, раздумье позабыть,—
Упиться ядомъ зла людского
И умъ, и грудь ожесточить!
Извѣдавъ горечь поцѣлуя
И за любовью ложь прозрѣвъ,

Душа проснулась негодуя,—
И звалъ къ отмщенію мой гнѣвъ!
Въ тотъ часъ борьбы моей душевной
Опять явился спутникъ мой,
Теперь онъ весь дышалъ грозой,
Неумоломою и гнѣвной.
Ни передъ кѣмъ не трепеща,
Онъ не искалъ себѣ довѣрья,—
На шлемѣ развѣвались перья
И мечъ сверкалъ изъ-подъ плаща.
Онъ сыпалъ бѣшено проклятья
И звалъ воинственно на бой.—
Но устрашился я пожатья
Его десницы роковой!
И я бѣжалъ его, смущенный,
Бѣжалъ въ затишье, въ лѣсъ зеленый,
Къ лугамъ, къ студеному ручью,
Чтобъ плакать тайными слезами,
Чтобъ злобу раздѣлить свою
Лишь съ кочевыми облаками.
И что-же?.. Снова спутникъ мой
Сидѣлъ у ногъ моихъ склоненный,
Какъ другъ, какъ геній неземной,
Съ вѣнкомъ и съ арфой золоченой.
Благословляя нашъ удѣлъ,
Онъ не просилъ ни мукъ, ни битвы...
Шепталъ забытыя молитвы
И пѣсни райскія мнѣ пѣлъ!...

———

НА ДЕРЕВЕНСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

У косогора за деревней,
Гдѣ дѣды лапотки плетутъ,
Есть, окруженъ оградой древней,
Послѣдній праотцевъ пріютъ.

Тамъ ивы, тощи и горбаты,
Семьею грустной расцвѣли,
Могилы, временемъ пожаты,
Не всѣхъ жнецовъ уберегли.

Страдальцы спятъ, безъ хмѣля пьяны;
Забыты горе и мечты.
Какъ были сѣры ихъ кафтаны,
Такъ нынѣ сѣры ихъ кресты.

Душа скорбитъ, тоской объята...
Вкругъ—безымянные холмы...
Здѣсь развѣ братъ отыщетъ брата,
Какъ милый образъ въ царствѣ тьмы?..

Здѣсь воздухъ полнъ очарованій,
И въ этой чуткой тишинѣ
Какъ будто тысячи молчаній
Кипятъ и плещутся извнѣ.

Да листъ сухой, спадая съ клёна,
Прошелеститъ, къ землѣ припавъ,
Да прогудитъ, какъ эхо стона,
Пчела-работница изъ травъ.

Съ весною силою волшебной
Жизнь вызываетъ теплота...
Вонъ тамъ пушистой почки вербной
Бѣлѣетъ коконъ у креста.

Пригрѣтый—лопнулъ коконъ нѣжный,
И пестрокрылый мотылекъ
Вспорхнулъ, и путь его безбрежный
Такъ лучезаренъ, такъ широкъ!

Изъ надмогильнаго покрова
Не пресмыкаться, а летать,
Онъ возродился къ жизни снова,
Сталъ вольной волею дышать!

О, еслибъ то-же возрожденье
Вамъ, отошедшимъ, было вновь!..
И сердце плачетъ отъ волненья,
Но плачетъ молча, какъ любовь...

ПОЭТЪ.

Во тьму, гдѣ тартаръ величавый
Безумно плещетъ и кипитъ,
Поэтъ пришелъ за гордой славой
И Вельзевулу говоритъ:

«Дай славу мнѣ, восторгъ и счастье!
Раздуй въ груди для пѣсенъ гнѣвъ,—
И пусть я гимномъ сладострастья,
Какъ бурей, побѣждаю дѣвъ!

«И пусть твоей враждебной силой
Надменно землю покорю,—
И для наивности унылой
Затмлю небесную зарю!»

Князь тьмы сіялъ; крыломъ пурпурнымъ
Отъ наслажденья шевеля,
Онъ возопилъ въ величьи бурно
«Мнѣ—небеса, тебѣ—земля!

«Иди вѣщай кровавой лирой
Безсмертье мнѣ подвластныхъ силъ!»
И, осѣнивъ своей сѣкирой,
Поэта путь благословилъ...

И вотъ поэтъ съ душой смятенной
Пришелъ въ толпу, но межъ людей
Недолго лирой вдохновенной
Смущалъ холодный сонъ страстей.

Они не поняли въ печали
Его возвышенное зло
И черной грязью забросали
Поэта смѣлое чело.

Душа, кипучая какъ лава,
Омылась горечью людской,
И отуманенная слава
Затмилась дерзкой клеветой.

И уязвленный, и забытый,
Не видя въ злобѣ торжества,
Поэтъ пошелъ искать защиты
На небесахъ, у Божества.

Онъ въ рай проникъ. Онъ преклонился
Передъ толпою свѣтлыхъ силъ;
И все рыдалъ, и все молился,—
И Богъ грѣхи ему простилъ!

И онъ обрѣлъ иную лиру,
И въ звукахъ небо сочеталъ,
И убаюканному міру
О всепрощеніи вѣщалъ.

Но міръ не внялъ его печали;
Глумясь надъ гимнами его,
Поэта вновь оклеветали
И осмѣяли Божество

Толпа вѣщала буйнымъ кликомъ:
«Что намъ до ада и небесъ!
Что намъ въ смятеніи великомъ!
Что намъ до радужныхъ чудесъ!—

«Иди, ищи себѣ забвенья!
Дай жить намъ, сердце веселя;
Намъ надо робкое волненье,
Нужна привычная земля!»

ВЕЧЕРНІЙ ЧАЙ.

Гроза прошла; въ обрывкахъ тучъ
Уже горитъ вечерній лучъ
Кудрявымъ заревомъ; левкоевъ
Душистѣй сладкій ароматъ.
У дачныхъ сумрачныхъ покоевъ
Открыты окна въ мокрый садъ.

Балконъ подъ влажной парусиной
Еще пустыненъ, хоть на немъ
Накрытъ для чая столъ, кругомъ
Въ живыхъ цвѣтахъ. Межъ тѣмъ въ гостиной
Отъ раннихъ свѣчекъ блескъ скользитъ...
Раскрытъ пюпитръ, рояль звучитъ,—
И бурно льется музыкальный
Этюдъ. Въ саду же, на пескѣ,
Играютъ дѣти въ бильбокэ,—
И шаръ, какъ маятникъ печальный,
Впередъ качаясь и назадъ,
Ложится въ лузу невпопадъ.

Темнѣетъ въ мягкой сѣни сада,
А на балконѣ самоваръ
Еще все медлитъ. Лѣтній жаръ
Остылъ; вечерняя прохлада
Ко сну смежила цвѣтъ гвоздикъ
И листья клевера,—поникъ
И замеръ садъ. Скрипитъ калитка,—
Звучатъ живые голоса;
Раздался визгъ веселый пса,
Бѣгущаго навстрѣчу прытко
Толпѣ нарядной... Говоръ, смѣхъ...
Непринужденны всѣ и бойки!..
Фасоны платьевъ модной кройки
И лица радостны у всѣхъ.
Блеснула лампа на балконѣ,
И самоваръ внесенъ... Слыхать,
Какъ людямъ стали отвѣчать
Стаканы въ мягкомъ перезвонѣ...

Свѣтъ въ садъ упалъ; деревьевъ сѣнь
Чертитъ и движетъ по аллеѣ
Свою обманчивую тѣнь.
Сталъ разговоръ еще живѣе.
Еще наивнѣй юный смѣхъ
Среди безоблачныхъ утѣхъ.

О, здѣсь, конечно, есть влюбленный
И есть влюбленная; четѣ
Смѣется даже садъ зеленый
Въ своей невѣрной темнотѣ!

Здѣсь дышетъ все кануномъ счастья,—
И, можетъ быть, когда-нибудь,—
Тогда, какъ черное ненастье
Заворожитъ счастливцамъ путь,—
Имъ будетъ радостнымъ видѣньемъ
Казаться улетѣвшій рай:
Балконъ съ вечернимъ освѣщеньемъ,
И запоздалый этотъ чай.

1898 г., іюнь.

УТРО.

Еще какъ будто сновидѣнью
Безмолвно внемлетъ старый садъ;
Еще, облиты смутной тѣнью,
Вершины темныя молчатъ,—
А влажной ночи содроганье
Ужъ день пророчитъ. Посмотри,
Какое кроткое сіянье
У этой утренней зари!

Тамъ, за вершинами густыми,
Сводъ нёба ясенъ и стыдливъ,—
Тамъ тучки льдинами сѣдыми
Бѣгутъ въ оранжевый заливъ.
И птицъ веселыхъ щебетанье
Вѣщаетъ счастье... Посмотри,
Какое кроткое сіянье
У этой утренней зари!

Какъ пышно въ розовомъ эѳирѣ!—
Какъ будто умерло въ сей часъ
Все угнетающее въ мірѣ,
Все убивающее насъ!
Какъ будто зло и гнѣвъ насилья,
Вокругъ царящіе года,
Расправивъ бѣшеныя крылья,
Умчались въ тартаръ навсегда!

Но нѣтъ, напрасно заблужденье!
И это утро, какъ любовь,
На мигъ подаритъ наслажденье
И къ ночи насъ обманетъ вновь.
Опять заплачутъ чьи-то очи
И кто-то будетъ вновь страдать,—
И передъ тьмою грѣшной ночи
Святому дню не устоять.

1898 г., іюль.

СТАРЫЙ ЧЕРТОГЪ.

Дни веселья и тревоги
Здѣсь смѣнилъ давно покой
И въ дряхлѣющемъ чертогѣ
Вѣетъ скорбью гробовой.

Къ разрушенью уже близки,—
Не мѣняютъ красоты
Балюстрады, обелиски
И висячіе мосты.

Нѣтъ напудренныхъ прелестницъ,
Ни маркизовъ, ни пажей;
Мохъ покрылъ ступени лѣстницъ
И колонны у дверей.

Амбразуры караулокъ
Смотрятъ сумрачнымъ пятномъ,
И чертогъ угрюмъ и гулокъ
Въ одичаніи своемъ.

Тебѣ, блуждающему тутъ?
Ужель, какъ вѣчная комета,
Въ сіяньи солнечнаго свѣта
Ты не найдешь себѣ пріютъ?..

И онъ ушелъ, потупивъ взоры;
И долго слышалися мнѣ
Его безмолвные укоры
Въ благоговѣйной тишинѣ.
Смутился я, — душа скорбѣла.

И вновь ко мнѣ явился онъ, —
Едва померкнулъ небосклонъ.
Въ рубцахъ, истерзанное тѣло
Сквозь ветошь рубища алѣло
И космы длинныя волосъ
Желтѣли мохомъ обожженнымъ,
Вились по плечамъ обнаженнымъ;
Во взорѣ искрился вопросъ, —
Вопросъ, какъ ужасъ, непонятный,
Какъ жизнь, какъ вѣчность, необъятный.
Безмолвенъ, трепетенъ и дикъ,
Опять ко мнѣ простеръ онъ руки...
Что онъ хотѣлъ: любви иль муки?
Защиты-ль? — вновь я не постигъ.

И вновь воскликнулъ я, вздыхая:
— Уйди, уйди, о, тѣнь нѣмая!
Что хочешь ты? Зачѣмъ пришелъ
Ты, гость ужасный въ укоризнѣ?
Иль тѣсенъ міръ тебѣ и въ жизни

Находишь только произволъ!
Что просишь ты?.. Но онъ—ни слова!
Лишь навернулася слеза
На воспаленные глаза,
И онъ потупился сурово—
И вновь ушелъ!.. И долго мнѣ,
Неумолимы и жестоки,
Его безмолвные упреки
Звучали въ праздной тишинѣ!..

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМЪ.

Говорятъ, заколдованъ
Этотъ пасмурный домъ, —
Онъ молчитъ, точно скованъ
Очарованнымъ сномъ.
Обветшали ступени,
И толкуетъ народъ,
Что, боясь привидѣній,
Тамъ никто не живетъ.

И недавно — всѣ помнятъ —
Въ ночь крещенскую тамъ
Изъ таинственныхъ комнатъ
Долго слышали гамъ;
Непонятныя рѣчи
И сквозь иней стекла
Колыхалися свѣчи
Безъ конца, безъ числа...

Размыкались затворы,
Слышенъ скрипъ былъ саней,
Но не видѣли взоры
Невидимокъ-гостей.
Только тѣни мелькали
Въ озаренномъ снѣгу;
Чьи-то кости стучали,
Торопясь, на бѣгу...

И едва лишь скрывались
За пустынный порогъ,—
Мнится, стѣны шатались
Отъ невидимыхъ ногъ.
Длились танцы и тостамъ
Счету не было тамъ,
А на утро къ погостамъ
Слѣдъ вился по полямъ...

О К О.

Глядитъ Оно, Всевидящее Око,
Сквозь даль вѣковъ изъ первобытной тьмы
И видитъ все! Ушедши недалеко,
Уже опять къ нему стремимся мы.

Ты видѣлъ ли, какъ блѣдныхъ мошекъ стая
Безпомощно толпится подъ лучомъ
Склонившимся, себя отогрѣвая,
Боясь застынуть въ сумракѣ ночномъ.

Не такъ же-ль мы, мы, слабыя созданья,
Къ склоненному намъ Оку торопясь
Идемъ, чтобъ въ немъ согрѣться въ дни страданья,
Пугаяся расторгнуть съ жизнью связь.

Въ Немъ только жизнь и только въ Немъ спасенье,
Верховный судъ и воли торжество!
А межъ людей, гдѣ въ самой правдѣ—тлѣнье,
Все холодно, все ложно и мертво.

Блаженны мы, когда святое Око
Воззритъ свой лучъ въ мятущійся нашъ духъ.
Тогда изъ устъ сорвется рѣчь пророка
И вспыхнетъ умъ, и окрылится слухъ!

Но жалокъ тотъ, кто въ черномъ изступленьи
Преступныхъ дѣлъ, какъ спящая сова,—
Отъ солнца дня, въ невѣдѣньи и бдѣньи,
Закроетъ духъ отъ Ока Божества.

Наступитъ часъ—объемлетъ тьма глубоко.
И тамъ, въ гробу,—изъ первобытной тьмы,—
Ему блеснетъ карающее Око,
Какъ грозный бичъ подъ сводами тюрьмы.

27 іюля 1899 г.

ПРОШЕДШЕЕ «Я».

Неясной дымкой даль объята;
Къ закату клонится мой день,—
И я не тотъ, какъ былъ когда-то,
И прежній «я» слѣдитъ, какъ тѣнь,
Слѣдитъ всегда, слѣдитъ повсюду,
Не отступаетъ ни на шагъ
И говоритъ мнѣ: не забуду
Тебя, мой другъ, тебя, мой врагъ!

Тебя я нянчилъ въ колыбели,
Съ тобою въ дѣтствѣ я игралъ,—
Съ тобой мы вмѣстѣ пѣсни пѣли,
Когда во мнѣ ты расцвѣталъ!
Ты первый выпилъ за здоровье
Моихъ надеждъ и юныхъ силъ,
Твое слезами изголовье
Не я ли первый оросилъ.

Чѣмъ ты старѣе годъ отъ года,
Тѣмъ я моложе день отъ дня.
Твоя любовь, твоя природа
Цвѣтетъ и зрѣетъ для меня.
Союзъ нашъ вѣренъ и чудесенъ.
Ты голосъ мой, и я — твой звукъ.
И первый я умру безъ пѣсенъ,
И ты второй — умрешь отъ мукъ.

Недаромъ мы сжились съ тобою,
Недаромъ вмѣстѣ рождены,
Ты — духъ, творящій подъ грозою,
Я — духъ забытой тишины.
Недаромъ страсти въ насъ метались...
И послѣ смерти роковой, —
Какъ въ довременности сливались,—
Сольемся въ вѣчности одной...

———

КОЛДУНЪ.

Я зналъ заколдованный замокъ, —
Тамъ въ окнахъ мигалъ свѣтъ огней,
Какъ будто изъ сумрачныхъ рамокъ,
Изъ темныхъ наметовъ вѣтвей.

Протяжно шумѣли аллеи
Подъ вздохомъ незримой струны,
Кружилися бѣлыя феи
Въ туманномъ сіяньи луны.

Гремѣли затворы чертога;
По мрамору бѣлыхъ ступень
Скользила пурпурная тога
И двигалась мрачная тѣнь.

И были движенія горды,
Когда появлялся колдунъ,
И дружно смолкали акорды
Вдали очарованныхъ струнъ.

И робкія феи пугливо
Скрывалися въ сумракъ кустовъ —
И тамъ развѣвался ревниво
Ихъ бѣлый прозрачный покровъ.

И только одна, какъ наяда,
Плескалася въ шумныхъ волнахъ
Съ холодною дерзостью взгляда,
Съ безумною пѣсней въ устахъ.

И, силой незримою скованъ,
Склонялся колдунъ передъ ней,
И, пѣсней ея очарованъ,
Онъ слезы ронялъ изъ очей.

И плакали вѣтки съ нимъ вмѣстѣ,
И камни рыдали у ногъ;
Хотѣлъ и любви онъ, и мести,
Но мстить и любить онъ не могъ.

Хотѣлъ бы сказать онъ,—но слова
Для чувствъ онѣмѣлыхъ не зналъ,
И въ волны бросался—и снова
Изъ волнъ невредимымъ вставалъ.

Отъ тягостныхъ мукъ сладострастья
Онъ въ бѣшенствѣ дико стоналъ;
Безсмертною мучился властью,
А жизни мгновенной не зналъ...

1899 г., октябрь.

---

* * *

Былъ осенній вечеръ хмуръ.
Сквозь стеклянный абажуръ
Лампы блѣдный полусвѣтъ
Озарялъ мой кабинетъ,
И съ вершинами въ саду
Вѣтеръ буйствовалъ въ бреду.
Я безмолвенъ и унылъ,
Всѣ надежды хоронилъ
Въ тайникѣ души моей,—
Въ темномъ склепѣ прошлыхъ дней,
И оборванная пѣснь
Затихала, какъ болѣзнь.
Я хотѣлъ, но я не могъ
Залучить въ свой уголокъ
Царство свѣтлое тѣней,
Изъ блистающихъ лучей
Все сотканное, чтобъ вновь
Пѣть надежды и любовь.

Только кто-то у дверей
Все печальнѣй, все нѣжнѣй
Трепеталъ и шелестилъ
Тихо травами могилъ
И въ ихъ пыльныхъ стебелькахъ
Непонятный плакалъ страхъ.
Только кто-то неземной
Наклонялся надо мной
И съ незримыхъ опахалъ
Холодъ смерти навѣвалъ,—
Только жалобная пѣснь
Затихала, какъ болѣзнь.

КАНТАТА.

(Памяти А. С. Пушкина).

ХОРЪ.

Слышимъ гимны, слышимъ клики,
Шумъ и праздничный восторгъ:
Это Пушкинъ нашъ великій
Жизнь отъ вѣчности исторгъ!
Загудѣли въ темномъ борѣ
Силы тайныя земли,
Въ синемъ морѣ на просторѣ
Заходили корабли.
Вѣетъ сладостною грустью,
Позабытой стариной,—
По родному захолустью
Слышенъ посвистъ удалой.
Плещутъ волны, брезжутъ зори
И, рѣзвясь по склонамъ горъ,
Нимфы треплютъ въ рѣзвомъ спорѣ
Скиѳа дикаго шатеръ!...

ГОЛОСЪ.

Тебѣ, нашъ Пушкинъ съ вѣчной славой,
И шумъ похвалъ и гуслей звонъ,—
И надъ тобой орелъ двуглавый
Ширококрыло вознесенъ!
Сковалъ ты силою волшебной
Родную рѣчь въ свои мечты.
Прими же нынѣ гимнъ хвалебный,
Рукоплесканья и цвѣты!
Прими дары, нашъ свѣтлый геній,
И пусть сіяетъ, какъ всегда,
Во меракъ грядущихъ поколѣній
Твоя безсмертная звѣзда,
И пусть, какъ чудная былина,
Не меркнетъ славы бытіе—
Твоя кровавая кончина
И возрожденіе твое!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

У насъ твои свѣтильники,
И струны самогудныя,
Твои живые помыслы,
Твои желанья чудныя.
Блестятъ твои свѣтильники,
Что камни самоцвѣтные,
Въ затишьи и подъ бурею,
Въ потемки непривѣтныя!
И пѣснь твоя могучая,
Что вѣче перекатное,

18

Гудетъ въ полнóчь и непогодь,
Призывное и внятное...

ХОРЪ.

Блаженство великому,
Вѣнчанному лаврами!
Да радуетъ Пушкина
Въ потомствѣ признательномъ
За вѣчностью мудрою
Святое безсмертіе!
Святое безсмертіе
Съ нетлѣннымъ вѣнцомъ!
Тебѣ—незабвенному,
Въ величьи нетлѣнному,
Баяну священному,
И славу поемъ!

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

Торопливѣй жизни мысль поэта мчится,
И за нею жизнь погоней рвется вслѣдъ;
Скоро жизнь устанетъ, скоро утомится,
Но не скоро меркнетъ мысли вѣчный свѣтъ.

Онъ сіяетъ долго; къ новымъ поколѣньямъ
Шлетъ изъ ночи смерти свой безсмертный лучъ,
И звучитъ, какъ сказка, старымъ вдохновеньемъ,
Старою грозою изъ-подъ новыхъ тучъ.

А. С. ПУШКИНУ.

Твое рожденье здѣсь, и сердце здѣсь твое
Забилось первымъ впечатлѣньемъ.
Благодарю тебя! Ты скрасилъ бытіе
Своимъ волшебнымъ вдохновеньемъ.

Я, рабъ твой преданный, такъ любящій тебя,
Безсиленъ высказать, что ты творилъ, великій!
Сойди, благослови незримо и любя
Подъ благодарственные клики.

Здѣсь вижу обликъ твой: безсмертный и простой,
Стоишь ты грустно молчаливымъ,
Еще задумчивый надъ суетной толпой,
Но созванной твоимъ призывомъ!

Вокругъ тебя гремитъ стоустая молва...
И, вѣрь, благой пророкъ зиждительнаго слова,
Не разъ благодарить придетъ тебя Москва,
И Русь, и цѣлый свѣтъ—еще... опять,—и снова.

Москва. 24 мая 1899 г.

А. С. ПУШКИНУ.

Стихотвореніе, читанное авторомъ въ Москвѣ, на Пушкинскомъ обѣдѣ, 26-го мая.

Въ свѣтломъ мірѣ упованія,
Для любви и для добра
Расцвѣли твои созданія
И назрѣла ихъ пора:
Оживились, воплотилися
Въ нашу жизнь и въ духъ, и въ кровь.
Мы ужъ ими вдохновилися,—
Вдохновляться будемъ вновь.
Всемогущій и торжественный,
Вѣчно юный, звучный стихъ,—
Нашъ великій, нашъ божественный,
Не умолкъ — и не затихъ.
Пѣсни дивныя, свободныя,
Какъ сказанія народныя,
Не промчалися вы сномъ!

Никогда вы не обманете...
Пушкинъ, ты паришь орломъ,—
И твоей безсмертной памяти
Нынѣ славу воздаемъ!

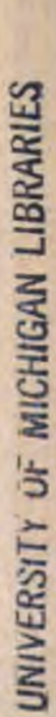
* * *

Хвала тебѣ, нашъ добрый генiй,
Россiи сладостный баянъ!
Безсмертенъ сонмъ твоихъ видѣнiй:
Твоя Татьяна, твой Евгенiй,
Твоя Людмила, твой Русланъ!
Хвала тебѣ и честь, и слава!
Ликуй: взошла твоя звѣзда;
Твой «Мѣдный Всадникъ» и «Полтава»
Запечатлѣны навсегда!

Слава великому,
Слава прекрасному,
Мощно создавшему
Русскiй языкъ!
Въ мiръ всеобъемлющiй,
Въ мiръ вдохновенiя
Духъ нашъ съ тобою,
О Пушкинъ, проникъ.

Память великая,
Память безсмертная
Нашему Пушкину
Въ славной судьбѣ.

Міръ всеобъемлющій,
Міръ вдохновенія
Намъ открывающій,
Слава тебѣ!

ТЕРЦИНА.

Въ созвучіи тройномъ, какъ въ блескахъ ожерелья,
Терцина скользкая и вьется, и ползетъ,
Какъ горная змѣя изъ темнаго ущелья,

Изъ тайника души подъ ясный небосводъ,
Подъ солнце и лучи, для славы и веселья,
Для кликовъ и вѣнцовъ въ мечтательный народъ.

И шествуетъ она задумчиво впередъ,
Недаромъ возгордясь игривымъ троезвучьемъ:
Гдѣ сѣмя есть и цвѣтъ, тамъ вѣрно будетъ плодъ.

Гдѣ стволъ и корни есть, тамъ мѣсто есть и сучьямъ.
Въ чемъ сходны двѣ души—въ томъ сходна третья есть,
По счастью-ль мирному, по снамъ иль злополучьямъ.

Гдѣ правда и любовь, тамъ пребываетъ честь—
Три стерегущіе святыню серафима.
Гдѣ злоба и вражда, тамъ царствуетъ и месть.

Тамъ, вѣрно, пепелъ есть, гдѣ огнь и сумракъ дыма;
Гдѣ есть движеніе—тамъ, вѣрно, свѣтъ съ тепломъ,
Счастливо единясь, текутъ неутомимо.

Три мысли разумъ жгутъ, вмѣщаяся въ одномъ:
Жизнь, смерть и божество! И въ шумѣ жизни длинномъ
Мы часто познаемъ и сердцемъ, и умомъ,

Что есть три единства̀ въ безсмертіи Единомъ!

ВЕСЕННІЙ ГРОМЪ.

Сейчасъ былъ громъ, и дождь обильный
Смочилъ засохшія поля,
Омылъ листву бузины пыльной
И освѣжилъ побѣгъ стебля.

Съ полей несется запахъ хлѣба
Въ разгоряченное лицо,
И опоясало полъ-неба
Румяной радуги кольцо.

Цвѣты полны алмазной влаги
И ѳиміамы ихъ слышнѣй,
Гремятъ весенніе овраги
Волною мутною своей.

Шурша листвою прошлогодней,
Лягушки прыгаютъ въ лѣсу...
Благословенъ ты, громъ Господній,
Принесшій волю и красу!

ДВА ГОЛОСА.

ПЕРВЫЙ.

Безумецъ, побѣди упорство!
Разгладь морщины на челѣ,—
Не все же холодно и черство
Здѣсь, подъ луною, на землѣ.
Не тѣшься грезами пустыми.
Блаженство у небесъ моля,
Пустынно небо,—а земля
Полна собратьями твоими.
Живи, волнуйся для живыхъ;
Борись, любя и негодуя.
Огонь земного поцѣлуя
Отраднѣй крылій неземныхъ.

ВТОРОЙ.

Безумецъ, не иди дорогой,
Гдѣ люди мечутся въ потьмахъ!
За ихъ тщеславною тревогой
Шипитъ вражда, позоръ и страхъ.

Земля сама—небесный житель
Въ кругу безчисленныхъ планетъ;
Она сама—гигантъ-мыслитель
И до людей ей дѣла нѣтъ.
Какъ червь голодный, ради хлѣба
Не пресмыкайся въ душной мглѣ.
Одна отрада на землѣ—
Дышать и жить мечтою неба!..

---

* * *

Какъ хвалить мнѣ въ пѣсняхъ Божье міросозданье,
Какъ мнѣ славить въ гимнахъ радость и Творца!
Нѣтъ душѣ забвенья, есть въ душѣ страданье,
И слезамъ, и думамъ чернымъ нѣтъ конца.

Холодомъ мнѣ вѣетъ, холодомъ смертельнымъ,
Одинокъ и грустенъ я встрѣчаю дни,—
А вѣдь есть же счастье въ мірѣ безпредѣльномъ,
Какъ въ ночи глубокой все же есть огни!

Но что дѣлать, если умерли желанья,
Если оборвались, словно лепестки
На вѣнкѣ душистомъ, свѣтлыя мечтанья
И взглянулъ мнѣ въ очи хищный глазъ тоски.

Если отзвучали струны понемногу;
Если темнымъ днямъ не видится конца,—
Какъ могу молиться—и какому Богу,
Какъ мнѣ славить въ гимнахъ радость и Творца.

---

* * *

Глубокая печаль объемлетъ духъ порочный.
Рѣдѣетъ синій мракъ; уже звѣзды восточной
Мигаетъ въ небѣ глазъ. Не спится! Въ тишинѣ
Укоры совѣсти неясно слышны мнѣ.
Молиться... плакать ли... давать ли обѣщанья,
Порывы сдерживать, обуздывать желанья;
Смиреньемъ радостнымъ на дерзость отвѣчать,
Забыть и сѣтовать, и буйно проклинать,
За месть платить добромъ и за насмѣшку злую
Врагу не говорить: отмщу и негодую!..
Но гдѣ же силы взять? Для мщенья много силъ,
Для блага—ни одной!—ихъ всѣ я угасилъ
Страстями бурными, сомнѣніемъ лукавымъ...
Скитаясь межъ людей, то дерзкимъ, то неправымъ.
Глубокая печаль растетъ,—и слабый духъ
Въ ея мученіи разжегся—и потухъ!

---

* * *

Сколько вѣтокъ поломано бурею,
Сколько птичьихъ разрушено гнѣздъ!
Но зато какъ лучистъ и блистателенъ
Этой радуги огненный мостъ.

Сколько розъ недоцвѣтшихъ уронено,
Сколько пыли навѣяно въ садъ.
Но зато отъ цвѣтовъ распустившихся
И пышнѣй, и пьянѣй ароматъ.

О, недаромъ гроза благодатная
Пронесла надъ землей ураганъ, —
Воздухъ сладко уснулъ, убаюканный,
И уплылъ тяготѣвшій туманъ.

ВЪ РОЩѢ.

Раннею весною роща такъ тиха,
Вѣетъ въ ней печалью, смутною кручиною,
И сплелися вѣтками, словно паутиною,
Бѣлая береза, сѣрая ольха.

Дремлетъ въ вязкой тинѣ неподвижный прудъ,
Дремлютъ камни старые, желтымъ мхомъ покрытые,
И въ тѣни подъ соснами, солнцемъ позабытыя,
Перелѣски синія медленно цвѣтутъ.

Если на закатѣ вспыхнутъ небеса,—
Роща оживаетъ подъ лучами алыми,
И блеститъ рубинами, и горитъ опалами
На травѣ и мохѣ ранняя роса.

И кружитъ воронкой мошекъ черныхъ рой,
И косыя тѣни, пылью осребренныя,
Охраняютъ молча вѣтки, преклоненныя
Надъ землею, вѣющей сыростью грибной.

ПАМЯТИ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Онъ болѣе полвѣка пѣлъ
И болѣе полвѣка сѣялъ
На ниву слова,—и скорбѣлъ
И мысль объ истинѣ лелѣялъ...
Нашелъ ли онъ свой идеалъ
Тамъ, за предѣлами земного,—
И если онъ его узналъ,
О томъ не скажетъ намъ ни слова!

Прощай, Полонскій, братъ-поэтъ!
Прощай, нашъ старецъ величавый!
Да возсіяетъ же твой слѣдъ
Непомеркающею славой.
Учи насъ вѣровать,—какъ ты,
Мы жить, мы вѣрить не умѣемъ.
Но знаю, — на твои цвѣты
Ни зла, ни плевелъ не посѣемъ.

Прости! Ты живъ, ты не исчезъ,
Въ тебѣ слилося все родное,
Твое преддверье гробовое —
Стезя безсмертья и небесъ!

19 октября 1898 г.

---

* * *

Голубка бѣдная — она
Судьбой наказана жестоко;
Не ѣстъ, не пьетъ, лишилась сна
И все тоскуетъ одиноко.

Былъ труденъ крестъ ея пути,
Недугъ ей ревность нашептала...
Прости ей, Господи, прости! —
Къ Тебѣ не разъ она взывала.

Приди къ ней, любящій Христосъ,
Приди, склонися къ изголовью!
Врачуй отъ мукъ, врачуй отъ слезъ
И осѣняй Своей любовью!

Ты былъ прибѣжищемъ ея,—
Отсрочь жестокую могилу...
Даруй ей краше бытіе,
Даруй ей разумъ, свѣтъ и силу!

---

* * *

Цвѣты пестрѣли надъ водою,
Цвѣты смотрѣли въ ручеекъ,
А я безжалостной рукою
Сорвалъ ихъ влажный стебелекъ.

Теперь они, въ мечтахъ о дикой
Свободѣ, рощѣ и веснѣ,
Склоняя вѣнчикъ златоликій,
Въ стаканѣ вянутъ на окнѣ.

Цвѣты, — и я печалюсь съ вами,
И мнѣ доступны ваши сны, —
И мнѣ не возвратить съ годами
Моей свободы и весны.

СТАТУЯ И ВѢТЕРЪ.

Подъ навѣсомъ вѣтокъ темныхъ,
Въ полумглѣ густой аллеи,
Не боясь очей нескромныхъ,
Спитъ недвижно въ грезахъ томныхъ
Обликъ мраморной Психеи.

Дума, отданная думамъ,
Вся она—лишь созерцанье...
Полночь. Въ сумракѣ угрюмомъ
Мчится вѣтеръ; листья съ шумомъ
Покрываютъ изваянье.

Вѣтка къ вѣткѣ никнетъ съ дрожью,
Звѣзды прячутся за тучи.
Вѣтеръ мчится къ бездорожью
И на статую, къ подножью,
Наметаетъ прахъ летучій...

Вѣтеръ воетъ, какъ въ припадкѣ,
Зычнымъ голосомъ пустыни...
Но недвижны въ безпорядкѣ
Бѣломраморныя складки
Очарованной богини...

О, подруга дорогая,
Для чего такъ вѣтеръ стонетъ,
Скорбью сердце надрывая?..
Онъ, бушуя и рыдая,
Неприступную не тронетъ!..

НА РАЗСВѢТѢ.

Какъ будто два туманныхъ ока,
Бѣлѣютъ смутно два окна.
Ночь, какъ преступница блѣдна,
Передъ разсвѣтомъ спитъ глубоко.
Во мглѣ забрезжившаго дня
Для этихъ тусклыхъ очертаній
Еще нѣтъ звуковъ, нѣтъ названій,
Ни пробужденья, ни огня!

Но въ чуткой длемѣ стало слышно,
Что ночь уходитъ, что разсвѣтъ,
Багрянымъ золотомъ одѣтъ,
Въ эѳирѣ блѣдномъ вспыхнетъ пышно.
Блѣднѣютъ розовые сны,
Боясь лучей и пробужденья;
Уходятъ нѣжныя видѣнья
Любви, молитвъ и тишины!

Звѣзда безмолвно въ небѣ гаснетъ,—
Ей тяжело безъ синей тьмы...
А намъ!.. Какъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ,
И какъ печально тамъ, гдѣ мы!

---

* * *

Я населилъ таинственнымъ мечтаньемъ
Надзвѣздные міры,
Въ нихъ вдунулъ жизнь, облекъ очарованьемъ,—
Принесъ свои дары.

Я острова цвѣтущіе раскинулъ,
Пустыни и лѣса,
И въ радугахъ надъ ними опрокинулъ
Иныя небеса.

Тамъ я возвелъ причудливыя горы
Изъ льдовъ и янтаря
И свѣтлыхъ рѣкъ текучіе узоры
Влилъ въ ясныя моря.

Но только-что дерзнулъ воображеньемъ
Создать безплотныхъ я,—
Мой новый міръ наполнился смятеньемъ
И воплемъ бытія.

Развѣялся туманъ очарованья—
Постигнуть я не могъ
Жизнь безъ борьбы и счастье безъ желанья,
И радость безъ тревогъ!..

---

* * *

Не знаешь ты, что я въ сѣтяхъ твоихъ,
Что вся душа въ твоей единой власти.
Не знаешь ты мученія и страсти,
И черныхъ думъ, какъ бездна роковыхъ.

Не знаешь ты—и знать тебѣ не надо:
Не все-ль равно бушующей рѣкѣ,
Чьихъ облаковъ летучая прохлада
Надъ ней скользитъ и мечется въ тоскѣ?

Не все-ль равно звѣздѣ, вдали горящей,
Кому она указываетъ путь,
Надъ чьимъ селомъ, надъ чьей лѣсною чащей
Во тьмѣ глухой придется ей блеснуть?..

Но все же я хотѣлъ бы, чтобъ порою
Чрезъ много лѣтъ, въ докучной тишинѣ,
Шептала ты съ раздумьемъ и тоскою:
Онъ мной дышалъ—и онъ молился мнѣ!

* * *

Спѣши, спѣши,—ни отдыха, ни срока,
Покуда жаръ
Кипитъ въ груди и холодомъ порока
Не смятъ твой даръ.

Люби и пой; прощая и тоскуя,
Кипи, гори!
Пока блеститъ румянцемъ поцѣлуя
Огонь зари,

Пока твой день не скрылся за горою,
Покуда мгла
Твоихъ небесъ бушующей грозою
Не обожгла.

Борись и пой, пока даруютъ силы
Живые дни,—
И на краю разверзнутой могилы
Любя вздохни!..

ПѢСНЯ.

Я выросъ на волѣ
Въ кибиткѣ степной,
Забава мнѣ — шашка
И мой конь вороной.

Я съ вѣтромъ да съ полемъ
Досугъ свой дѣлилъ
И тѣшился жизнью —
Покуда не любилъ!

Но встали преградой
На волѣ моей —
Уста моей милой,
Огонь ея очей.

О ней только думалъ
И ею я жилъ,
Но время настало —
И насъ врагъ разлучилъ.

Я встрѣтился съ ними
Въ вечерней тѣни,—
Трусливѣе зайцевъ
Убѣжали они.

Какъ два поцѣлуя
Прощальные имъ,
Двѣ пули послалъ я —
За нею и за нимъ!

И первая пуля,
Вѣрнѣй чѣмъ копье,
Его уложила,
А вторая — ее!

И третью направилъ
Я въ сердце свое,
Да, думаю, кто же
Вновь вспомянетъ ее?

Кто будетъ ночами
Рыдать о любви?
И молвилъ я съ плачемъ:
Терзайся и живи.

---

* * *

Да, мы проснулись на зарѣ,
Въ счастливый часъ святого утра,
Когда въ румяномъ янтарѣ
Дымятся искры перламутра,—
Да, мы проснулись на зарѣ,
Въ счастливый часъ святого утра!

Дышала легче и смѣлѣй
Освобожденная Россія,—
Какъ полновластная стихія
Среди не чуждыхъ ей зыбей,
Освобожденная Россія —
Дышала легче и смѣлѣй!

И что сказали? Чѣмъ почли
На насъ ниспосланное слово?
О, ничего! Или сурово
Мы гнали землю отъ земли...—
И что сказали, что могли?..

———

* * *

Сумерки шире спадали,
Ткали покровъ для ночлега;
Бѣлыя мухи летали,—
Бѣлыя звѣздочки снѣга!

Бѣлымъ ковромъ разстилалась
Даль, застывая несмѣло;
Сердце какъ птица металось,
Сердце надежду не пѣло.

Чутко и грустно прикованъ
Къ снѣжному сумраку,—снова
Былъ я на мигъ очарованъ,
Только безъ слезъ и безъ слова;

Только мечты погасали,
Словно прощальная нѣга...
Бѣлыя пчелы летали,
Бѣлыя звѣздочки снѣга...

---

* * *

Больна ли, гнѣвна ли, печальна иль сурова,—
Ты все мнѣ дорога, какъ прежде... И не нова
Тебѣ моя любовь!.. Но знаешь ли, когда
Весеннимъ вечеромъ унылая звѣзда,
Въ сіяніи небесъ безбрежныхъ утопая,
Мерцаетъ намъ лучомъ отравленнаго рая,
Я часто думаю: любила-ль ты меня,
Счастливая звѣзда заоблачнаго дня?

———

* * *

Выстрѣлъ!..

Что-то чудное въ промелькнувшемъ промахѣ!
Взору мірозданіе кажется полнѣй;
Какъ миндальный сладокъ запахъ отъ черемухи,
Какъ глубокъ и страшенъ тихій мракъ аллей.

Вотъ, еще недавно... здѣсь, гдѣ надъ обрывами
Ивы наклоненныя дремлютъ и грустятъ,—
Онъ кипѣлъ, объятый бурными порывами,
Проклиналъ онъ жизнь и призывалъ онъ адъ.

А теперь... Какъ тихо, какъ легко мучительно!
Жизнь, ужели снова ты ему горишь,
Вся преображенная вдругъ обворожительно,
Дышащая звуками въ роковую тишь!

Капля тяжко брызнула,—то росой закапала
Вѣтка отягченная... Что это—слеза?
Плачутъ очи радостно—и душа заплакала.
Улыбнулось прошлое—пронеслась гроза...

* * *

Пѣлъ соловей, цвѣты благоухали,
Зеленый май, смѣясь, шумѣлъ кругомъ.
На небесахъ, какъ на остывшей стали
Алѣетъ кровь, алѣлъ закатъ огнемъ.

Онъ былъ одинъ, онъ — юноша влюбленный,
Вступавшій въ жизнь, какъ въ роковую дверь.
И онъ летѣлъ мечтою окрыленной
Къ ней, только къ ней,—и раньше, и теперь.

А міръ предъ нимъ таинственнымъ владыкой
Лежалъ у ногъ, сіялъ со всѣхъ сторонъ,
Насыщенный весь полночью безликой
И сладкою весною напоенъ.

Онъ ждалъ ее, въ своей разлукѣ скорбной,
Весь счастіе, весь трепетъ и мечта...
А эта ночь, какъ сфинксъ женоподобный,
Темнила взоръ и жгла его уста.

---

* * *

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ и вѣтеръ щиплетъ щеки,
А небеса въ зарѣ румяны и глубоки.
Изъ трубъ кудрявый дымъ бѣжитъ подъ облака.
Озябли гордые—сидятъ у камелька,
И грѣетъ ихъ огонь, а за стѣной жилища
Природа снѣжная какъ мертвое кладбище
Молчитъ, и на стеклѣ безжизненный морозъ
Хрустальные цвѣты и лиліи принесъ,
Какъ будто бы дразня и обѣщая гдѣ-то
И розы алыя, и радужное лѣто.
Присядемъ у огня и мы съ тобой, какъ прежде.
Долой уныніе, довѣримся надеждѣ,—
Любовь придетъ сама, когда мы, глядя въ даль,
Отгонимъ темныхъ грезъ недужную печаль.
Быть можетъ и у насъ опять весна живая
Какъ солнце расцвѣтетъ, сердца отогрѣвая,
И тихой радостью блеснетъ хотя на мигъ
Жизнь полная борьбы, сомнѣній и веригъ;
Растаетъ ледъ въ груди—и трелью соловьиной
Откликнется любовь надъ жизненной долиной.

ВЪ ТИШИНѢ.

Какъ молчаливо, какъ спокойно
Въ душѣ измученной моей!
Еще неясно и нестройно
Живыя думы зрѣютъ въ ней.

Гляжу — нисходитъ вечеръ сонный,
И гаснетъ тусклый отблескъ дня,
И небеса, и садъ зеленый
Лучомъ прощальнымъ осѣня.

Сталъ воздухъ свѣжъ и ароматенъ,
Листъ тихо шепчется съ листомъ,
И грустенъ тотъ, кому понятенъ
Ихъ мертвый шопотъ ни о чемъ.

Но счастливъ я своимъ покоемъ,
И если буря, налетя,
Теперь бы пѣла дикимъ воемъ,—
Я ей внималъ бы, какъ дитя,

Безъ упованія, безъ гнѣва...
И этотъ вечеръ золотой
Не пробудитъ въ душѣ напѣва;
Я осчастливленъ тишиной.

Я радъ, что міра мощь святая
Въ природѣ зрѣетъ, чуть дыша,
И если въ ней душа живая:
То не забвенье-ль — та душа?

Она не ждетъ, не любитъ знойно,
Не знаетъ памяти моей, —
Такъ молчаливо, такъ спокойно
И такъ все счастьемъ полно въ ней!

---

* * *

Бабочка бьется въ окно;
Вечеръ серебряный таетъ...
Въ думахъ мертво и темно,
Сердце въ груди умираетъ.

Мѣсяцъ проникнулъ въ окно,—
Странныя тѣни бросаетъ...
Въ думахъ, какъ прежде, темно;
Сердце въ груди умираетъ.

1898 г.

ПАМЯТИ А. Н. МАЙКОВА.

Колыбель твоей славы могила твоя!
Возсіялъ надъ тобой новый свѣтъ бытія,
И обрѣлъ въ тайнѣ смерти ты новый вѣнецъ,
Въ смыслѣ жизни обрѣлъ величавый конецъ.

Ближе новой ступенью ты сталъ къ Божеству
И не будетъ конца твоему торжеству,—
Гдѣ горитъ незакатно заря—и куда
Не заглянетъ людская борьба и вражда.

И въ нетлѣнномъ чертогѣ сіяющихъ силъ
Ты, безсмертный, въ безсмертіе нынѣ вступилъ—
И возсѣлъ на Олимпѣ въ созвѣздьи богинь.
Миръ и славѣ тебѣ; миръ и небо! Аминь!

ПАМЯТИ Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Послѣднимъ сходишь ты, и первымъ всталъ съ зарёю
И первый ты сказалъ о нашемъ мужикѣ.
Ты Сѣверъ нашъ любилъ со снѣжною зимою
И умеръ въ сѣдинахъ—и мы стоимъ въ тоскѣ.
И вѣрить какъ-то намъ не хочется, что славный
Нашъ патріархъ угасъ навѣки... навсегда!..
И вотъ теперь, когда всѣ праздникъ православный
Повсюду чествуютъ... сошлися мы сюда,
Къ жилищу вѣчному, гдѣ спятъ твои сосѣди,
Такіе-жъ мудрые, безсмертные, какъ ты!
Поговорите же на дружеской бесѣдѣ,
Дѣля всѣ поровну надгробные цвѣты!
Крещенскихъ вечеровъ заря въ туманной дали
Освѣтитъ твой пріютъ, прохожимъ говоря,
Чѣмъ были раньше васъ и чѣмъ мы послѣ стали
И чья насъ вывела заря!
Недаромъ же тебя въ Рождественскій сочельникъ
Мы проводить пришли, когда темнѣетъ ельникъ,
Эмблема вѣчности, раскинутый кругомъ.

23

Эмблемой вѣчности не на твоей ли тризнѣ?
Писатель дорогой, ты будешь жить въ отчизнѣ:
И будешь долго ты свѣтить лучами жизни, —
Ты только спишь послѣднимъ сномъ!

1899 г., 26 декабря.

* * *

Я иду своимъ путемъ.
Свѣтитъ мѣсяцъ свѣтлорогій
Надъ садами, надъ селомъ,
Надъ проѣзжею дорогой.

Тишина въ мерцаньи звѣздъ,
Воздухъ полнъ смущенной лѣни;
У оврага, гдѣ погостъ,
Промелькнули чьи-то тѣни.

То не призракъ, не мечта
Въ царствѣ мрака и молчанья —
То влюбленная чета
Здѣсь сошлася на свиданье.

И вослѣдъ ея шаговъ
Дерева прошелестили
Между плитъ и межъ кустовъ:
«Вѣдь и мы такими были!»

И задумалась она,
Обернулся онъ смущенный, —
И на нихъ свой лучъ луна
Уронила похоронный.

И, казалося, чета
Говорила мертвымъ людямъ:
«Минетъ юность, какъ мечта,
Вѣдь и мы такими-жъ будемъ!»

1900 г., январь.

АНГЕЛЫ.

Межъ бѣлыхъ облаковъ, скользящихъ степью синей,
Я видѣлъ ангеловъ летящихъ надъ пустыней.
Въ одеждахъ голубыхъ, какъ призраки, они,
Віясь, кружилися въ оранжевой тѣни
Степного вечера, что алою каймою
Какъ уголь догоралъ надъ выжженной землею...
Куда стремилися небесные гонцы?
Ихъ крылья бѣлыя, ихъ ясные вѣнцы
Горѣли звѣздами во меракѣ близкой ночи...
И долго я стремилъ завистливыя очи
За ихъ крылатою, воздушною толпой...
И вотъ ужъ небеса закрылись синей тьмой,
А хоры ангеловъ толпились и летѣли,
Какъ хлопья золотой, нетающей метели,
Къ недосягаемымъ, какъ счастье, высотамъ,—
И звѣзды яркія разбрасывали тамъ...

NOTTURNO.

Полосы луннаго свѣта легли;
Бѣлый туманъ поднялся отъ земли.
Тощій кустарникъ и мшистые пни
Ожили, точно пигмеи въ тѣни.

Вѣтка нависла, какъ темный рукавъ,
Тянутся корни, какъ змѣи, изъ травъ.
Лунныя пятна въ вершинахъ сквозятъ,
Дремлетъ и бредитъ, и движется садъ.

Тайная жизнь, прозябая кругомъ,
Дышетъ и сыплетъ холоднымъ огнемъ.
Вѣетъ и грезитъ, и мнится сейчасъ,—
Міръ, какъ видѣнье, умчится изъ глазъ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Дѣти! Мы вамъ завѣщаемъ
Этотъ міръ борьбы и мукъ,—
Какъ игрушка дорогая,
Онъ прошелъ не мало рукъ.

Наши дѣды получили
Этотъ міръ тюрьмы темнѣй;
При отцахъ онъ сталъ добрѣе,—
Пусть при васъ еще добрѣй!

И пускай, сіяньемъ правды,
Солнцемъ знанья осіянъ,
Перейдетъ онъ къ вашимъ внукамъ
Какъ завѣтный талисманъ.

Что отцы не досказали
И чего не знали мы,
Вы внесете въ міръ сторицей,
Освѣщая холодъ тьмы!

Такъ,—пусть съ каждымъ поколѣньемъ
Ближе, ближе къ небесамъ,—
Будто съ новою ступенью
Міръ возносится какъ храмъ.

ПЕРЕДЪ ГРЯДУЩИМЪ.

Быть можетъ, такъ!—Оно случится,
То, передъ чѣмъ нѣмѣетъ умъ,—
Комета гнѣвная примчится
И въ прахъ размечетъ жизни шумъ.

Блуждая въ безднахъ отдаленныхъ,
За тьмой безчисленныхъ міровъ
Она плыветъ, какъ вздохъ огромныхъ
Непостигаемыхъ духовъ.

То въ бурю брошенная буря,
Изъ тьмы исторгнутый хаосъ,—
Предъ нею солнца, лики хмуря,
Рыдаютъ лавой жгучихъ слезъ.

Она идетъ, какъ мечъ разящій,
Смерть всѣхъ оплаканныхъ смертей...
Земля, ужели къ предстоящей
Ты мчишься гибели своей?

Ужели все, къ чему такъ жадно
Вели пытливые вѣка,
Сметется вихремъ безпощадно,
Какъ пыль летучаго песка.

Недовершенное оставить
Ужели мудрости дано,
И Божью славу обезславить
Ужель забвенью суждено!

Ужель земля въ могучей силѣ
Своихъ созданій и чудесъ—
Идетъ къ невѣдомой могилѣ
Равниной дремлющихъ небесъ!

И міръ, губившій поколѣнья
И вновь рождавшій въ свой чередъ,
Самъ, въ изступленномъ наслажденьи,
И содрогнется, и умретъ!

СМЕРТЬ.

Снилось мнѣ—я на кладбищѣ
Позабытымъ былъ одинъ;
Мѣсяцъ выплылъ въ небѣ, чище
Блѣдной лиліи долинъ.

И холодными лучами
Онъ сіялъ, какъ ледяной,
Надъ склоненными крестами,
Надъ разрушенной плитой.

Надпись стертую на камнѣ
Разбирать я сталъ едва,—
Холодъ вкругъ сковалъ уста мнѣ,
Закружилась голова.

Подымался камень-чудо,
Разверзался черный гробъ,
И вставалъ мертвецъ оттуда,
И знобилъ его ознобъ.

Кости ветхія дрожали,
Бѣлый черепъ мнѣ кивалъ,
И въ смущеньи, и въ печали
Мертвеца я вопрошалъ:

«Чѣмъ тебя я потревожилъ?
Кто ты, призракъ роковой?
Или скорбь твою умножилъ,
Твой нарушивши покой?»

И услышалъ я отъ праха
Прозвучавшія слова:
«Я—властительница страха,
Геній злого торжества!

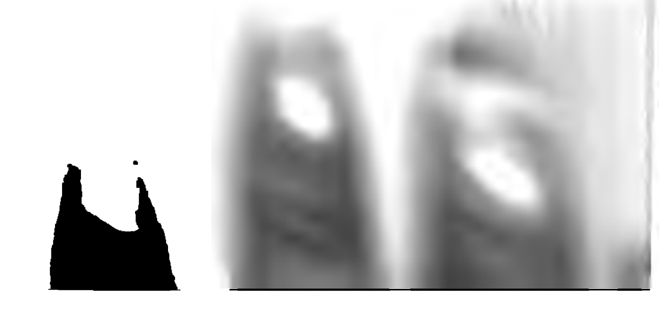
«Я—губительница жизни,
Смерть, живущая во тьмѣ!
Я за чашею—на тризнѣ,
Я съ ключами при тюрьмѣ!

«Я—любви твоей отрава,
Я—гонительница сновъ;
Я—померкнувшая слава
Въ тускломъ заревѣ вѣковъ!..»

И стучали костяныя
Длани, сжатыя въ мольбѣ,
Словно четки гробовыя,
Обращенныя къ судьбѣ...

Рѣчь звучала все короче
И растаяла, какъ вздохъ...
Серебрились тѣни ночи
И росой слезился мохъ.

День румяными лучами
Загораться сталъ во мглѣ,—
И разсыпался цвѣтами
Ветхій призракъ по землѣ!..

НА УЛИЦѢ ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Смеркается въ улицѣ сонной;
На небѣ не видно зари.
Рядами во мглѣ похоронной
Уныло зажглись фонари.

На городъ огромный туманно
Спускается влажная ночь.
Въ душѣ такъ пустынно и странно,—
Я слезъ не могу превозмочь.

Видѣньями сердце томится,
Предчувствіемъ счастья живу...
Мнѣ городъ ликующій снится,
Невиданный мной на-яву.

Кристальные блещутъ каналы,
Горитъ лучезарный закатъ,
И такъ ослѣпительно алы
И воды, и окна палатъ.

И такъ упоительно чудно
Темнѣетъ прохлада садовъ,
Что все угнетавшее трудно
Забыть я навѣки готовъ.

Забыта борьба изъ-за хлѣба,
Забыто смятеніе бѣдъ;
Далекаго, теплаго неба
Струится мнѣ въ душу привѣтъ!

Я слышу горячія рѣчи,
Огнемъ окрыляется слухъ,
И жаждетъ восторженной встрѣчи
Борьбой опечаленный духъ.

ПОЗДНІЕ ШАГИ.

Проснулся я. Глубокій мракъ
Вокругъ меня царилъ давно,
И мракъ глядѣлъ въ мое окно.
Надъ потолкомъ былъ чей-то шагъ
Такъ озабоченъ, такъ унылъ,
Такъ лихорадочно будилъ
Онъ тишь глубокую вокругъ,
Что стало боязно мнѣ вдругъ.

Я суевѣрно размышлялъ,—
Кто тамъ надъ комнатой шагалъ
И такъ поспѣшно почему
Онъ оглашалъ шагами тьму?
Ни привидѣніе, ни тать
Не могутъ громко такъ шагать;
Тѣ робки, тѣ едва слышны,—
Тѣ не тревожатъ наши сны!

А этотъ суетный жилецъ
Чѣмъ озабоченъ, что онъ ждетъ?
Быть можетъ наступилъ конецъ
Тамъ жизни чьей-нибудь... И вотъ —
Живой вчера—теперь мертвецъ
Несетъ живому ночь хлопотъ.
Раздвинутъ столъ, мертвецъ обмытъ
И въ бѣлой простынѣ лежитъ
Подъ образами, какъ въ чехлѣ
Земля, готовая землѣ!

Иль, можетъ быть, еще не все
Для жизни кончено. Судьба
Лѣнивой прялки колесо
У парки вертитъ,—и борьба
Предсмертныхъ тяжкихъ мукъ страшнѣй
Мгновенныхъ тысячи смертей.

Быть можетъ, новый человѣкъ
Влачить тамъ призванъ новый вѣкъ,
И потому тревожный шагъ
Такъ поздно будитъ тишину,—
И медлитъ отходить ко сну
Благословляемый очагъ,
Куда, вѣщая жизнь, проникъ
Младенца первый слабый крикъ.

Иль тяжкой скорбью удрученъ,
Проклявъ судьбу, забывши сонъ,
Отвергнутъ міромъ навсегда,
Томимый муками стыда,

25

ПОЗДНІЕ ШАГИ.

Проснулся я. Глубокій мракъ
Вокругъ меня царилъ давно,
И мракъ глядѣлъ въ мое окно.
Надъ потолкомъ былъ чей-то шагъ
Такъ озабоченъ, такъ унылъ,
Такъ лихорадочно будилъ
Онъ тишь глубокую вокругъ,
Что стало боязно мнѣ вдругъ.

Я суевѣрно размышлялъ,—
Кто тамъ надъ комнатой шагалъ
И такъ поспѣшно почему
Онъ оглашалъ шагами тьму?
Ни привидѣніе, ни тать
Не могутъ громко такъ шагать;
Тѣ робки, тѣ едва слышны,—
Тѣ не тревожатъ наши сны!

А этотъ суетный жилецъ
Чѣмъ озабоченъ, что онъ ждетъ?
Быть можетъ наступилъ конецъ
Тамъ жизни чьей-нибудь... И вотъ —
Живой вчера—теперь мертвецъ
Несетъ живому ночь хлопотъ.
Раздвинутъ столъ, мертвецъ обмытъ
И въ бѣлой простынѣ лежитъ
Подъ образами, какъ въ чехлѣ
Земля, готовая землѣ!

Иль, можетъ быть, еще не все
Для жизни кончено. Судьба
Лѣнивой прялки колесо
У парки вертитъ,—и борьба
Предсмертныхъ тяжкихъ мукъ страшнѣй
Мгновенныхъ тысячи смертей.

Быть можетъ, новый человѣкъ
Влачить тамъ призванъ новый вѣкъ,
И потому тревожный шагъ
Такъ поздно будитъ тишину,—
И медлитъ отходить ко сну
Благословляемый очагъ,
Куда, вѣщая жизнь, проникъ
Младенца первый слабый крикъ.

Иль тяжкой скорбью удрученъ,
Проклявъ судьбу, забывши сонъ,
Отвергнутъ міромъ навсегда,
Томимый муками стыда,

Мечтатель, устающій жить,
Рѣшаетъ—«быть или не быть!»

Но нѣтъ отвѣта на вопросъ
Моихъ колеблющихся грёзъ
Межъ бдѣніемъ и тихимъ сномъ.
Угрюмый мракъ нависъ кругомъ,—
И запоздалый чей-то шагъ
Моей души тревожитъ мракъ...

ИЗЪ СТАРЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Мнѣ снилось, ты мнѣ измѣнила,
Смѣяся, ушла отъ меня,—
И снилось—я плакалъ уныло
При блескѣ весенняго дня.

А все ликовало безпечно,
Дышало душистымъ тепломъ,
«Земное блаженство не вѣчно!»—
Шумѣли деревья кругомъ.

Ручья быстротечная пѣна
Шептала склоненнымъ цвѣтамъ:
«Какая смѣшная измѣна!
Какъ глупо предаться слезамъ!»

Въ кустахъ притаившися пѣли
Веселыя птицы о томъ,
Какъ слезы мои подглядѣли
Онѣ за открытымъ окномъ.

И перваго грома раскаты,
Рѣзвясь въ голубой вышинѣ,
Бросали цвѣтовъ ароматы
Смертельной отравою мнѣ.

И только уснулъ подъ могилой,—
Проснулся въ мерцаніи звѣздъ,
А сонъ мой и пѣсни о милой
Смѣяся освистывалъ дроздъ...

---

* * *

Я отвыкъ отъ горячаго зноя любви,
Я отвыкъ отъ страстей и отъ пѣсенъ.
Догорѣвшая жизнь тускло гаснетъ въ крови,
Душный міръ мнѣ печаленъ и тѣсенъ.

Я отвыкъ отъ того, что сіяло мечтамъ,
Что мнѣ радостно грудь согрѣвало;
Я отвыкъ, я не вѣрю горячимъ словамъ,
Потому что ихъ слышалъ не мало.

Не найти мнѣ тропы заповѣдной туда,
Гдѣ мечтой, какъ весной, жизнь богата,—
Потому что въ живую святыню труда
Я не вѣрю, какъ вѣрилъ когда-то!..

Истомленный борьбой и обманомъ любви,
Умираю съ безропотнымъ горемъ...
И печальная жизнь тускло пышетъ въ крови,
Какъ закатъ надъ остынувшимъ моремъ...

ДИТЯ И МОТЫЛЕКЪ.

Я видѣлъ, дѣвочка поймала мотылька,
И съ крыльевъ пыль его жестокая рука
Въ неумолимости стирала болѣ, болѣ...
«На волю отпусти!»—сказали ей,—пока
Еще есть въ плѣнникѣ и жизнь, и жажда воли.

И, радужную пыль одувъ съ его крыла,
Сказала весело безпечная шалунья:
«Лети, теперь лети!»—и брошена летунья,—
Но слабая, увы, подняться не могла!
Напрасно по землѣ ползла она неловко
И билася крыломъ прозрачнымъ, какъ фарфоръ.
Не такъ ли, лучшихъ грезъ и думъ стеревъ узоръ,
На волю плѣнника влюбленнаго плутовка
Отпуститъ весело, какъ рѣзвое дитя,
И говоритъ: «Лети!» Но, вновь не возлетя,
Онъ въ прахѣ передъ ней ползетъ и молитъ взоромъ
Не тѣшиться его безсильемъ и позоромъ!..

МОНОЛОГЪ.

Прекрасный мой хранитель, чье чело
Какъ облако лучистое свѣтло,
Кто въ горькій часъ холоднаго сомнѣнья
Меня не разъ крыломъ пріосѣнялъ
И мнѣ шепталъ святыя утѣшенья,
Когда, томясь, я плакалъ и роптал,—
Приди ко мнѣ!.. Ночь бѣлая согрѣта
Тепломъ весны; веселый часъ разсвѣта
Сливается съ вечернею зарей,
Какъ поцѣлуй безгрѣшныхъ устъ дитяти
Съ устами нѣжной матери... Цвѣты
Трепещутъ вздохомъ ароматнымъ. Ты,
Хранитель мой,—въ ихъ вешнемъ ароматѣ
Дыханіе, не чуждое тебѣ,
Услышишь... Ночь въ твоемъ раю такая
Всегда, не правда-ль? Блѣдно-голубая,
Скорбящая, какъ дѣва о судьбѣ,
Или о чемъ-то близкомъ, но туманномъ,
Какъ милый сонъ на возрастѣ румяномъ.

НА УЛИЦѢ ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Смеркается въ улицѣ сонной;
На небѣ не видно зари.
Рядами во мглѣ похоронной
Уныло зажглись фонари.

На городъ огромный туманно
Спускается влажная ночь.
Въ душѣ такъ пустынно и странно,—
Я слезъ не могу превозмочь.

Видѣньями сердце томится,
Предчувствіемъ счастья живу...
Мнѣ городъ ликующій снится,
Невиданный мной на-яву.

Кристальные блещутъ каналы,
Горитъ лучезарный закатъ,
И такъ ослѣпительно алы
И воды, и окна палатъ.

И такъ упоительно чудно
Темнѣетъ прохлада садовъ,
Что все угнетавшее трудно
Забыть я навѣки готовъ.

Забыта борьба изъ-за хлѣба,
Забыто смятеніе бѣдъ;
Далекаго, теплаго неба
Струится мнѣ въ душу привѣтъ!

Я слышу горячія рѣчи,
Огнемъ окрыляется слухъ,
И жаждетъ восторженной встрѣчи
Борьбой опечаленный духъ.

ПОЗДНІЕ ШАГИ.

Проснулся я. Глубокій мракъ
Вокругъ меня царилъ давно,
И мракъ глядѣлъ въ мое окно.
Надъ потолкомъ былъ чей-то шагъ
Такъ озабоченъ, такъ унылъ,
Такъ лихорадочно будилъ
Онъ тишь глубокую вокругъ,
Что стало боязно мнѣ вдругъ.

Я суевѣрно размышлялъ,—
Кто тамъ надъ комнатой шагалъ
И такъ поспѣшно почему
Онъ оглашалъ шагами тьму?
Ни привидѣніе, ни тать
Не могутъ громко такъ шагать;
Тѣ робки, тѣ едва слышны,—
Тѣ не тревожатъ наши сны!

А этотъ суетный жилецъ
Чѣмъ озабоченъ, что онъ ждетъ?
Быть можетъ наступилъ конецъ
Тамъ жизни чьей-нибудь... И вотъ —
Живой вчера—теперь мертвецъ
Несетъ живому ночь хлопотъ.
Раздвинутъ столъ, мертвецъ обмытъ
И въ бѣлой простынѣ лежитъ
Подъ образами, какъ въ чехлѣ
Земля, готовая землѣ!

Иль, можетъ быть, еще не все
Для жизни кончено. Судьба
Лѣнивой прялки колесо
У парки вертитъ,—и борьба
Предсмертныхъ тяжкихъ мукъ страшнѣй
Мгновенныхъ тысячи смертей.

Быть можетъ, новый человѣкъ
Влачить тамъ призванъ новый вѣкъ,
И потому тревожный шагъ
Такъ поздно будитъ тишину,—
И медлитъ отходить ко сну
Благословляемый очагъ,
Куда, вѣщая жизнь, проникъ
Младенца первый слабый крикъ.

Иль тяжкой скорбью удрученъ,
Проклявъ судьбу, забывши сонъ,
Отвергнутъ міромъ навсегда,
Томимый муками стыда,

25

ВЪ СТАРОМЪ САДУ.

Изъ аллей несутся звуки,
Звуки сладкихъ серенадъ
И, заслушавшися, дремлетъ
И киваетъ старый садъ.

Слышенъ шелестъ легкихъ платьевъ,
Звонъ доспѣховъ, звукъ рѣчей
И мигаетъ сквозь аллеи
Пламя красныхъ фонарей...

Дамы бѣлыя, какъ феи,
Строй изнѣженныхъ пажей...
И береты, и ливреи
Тонутъ въ сумракѣ аллей.

Греза-ль душу мнѣ плѣнила
Или грежу на яву,—
Я не знаю... только страстно
Я мечтаю и живу.

Глубже... глубже въ мракъ роскошный
Очарованный — иду,
Слышу звуки серенады...
И еще услышать жду!..

* * *

Эта ночь такъ дышала и жгла,
Такъ была ароматна, свѣтла!
Отворила окно и тревожно
Я смотрѣла въ лазурную даль,—
И, казалось, душѣ невозможна
Въ эту ночь ни вражда, ни печаль.
Я хотѣла рыдать—и любить.
И была я у ночи во власти,
Я хотѣла мучительной страсти...
Я велѣла фонтаны открыть,
Чтобы душную мглу напоить!..
Кипарисы стояли безмолвны,
Точно стража подъ окнами спальни...
Слышно было, какъ тяжкія волны
Ударяли о мраморъ купальни...
Разгорались безумные взоры...
Чайки низко кружилися въ страхѣ...
И темнѣли вдали, какъ монахи,
Въ черныхъ тучахъ почившія горы.

Надвигалась гроза... и смятенье
Выростало... и тѣни росли...
И, казалось, отъ вздоховъ земли
Исторгали цвѣты сновидѣнья
И предсмертнымъ дыханіемъ жгли.

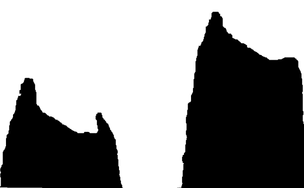
ИЗЪ КНИГИ ПРЕМУДРОСТИ ІИСУСА СЫНА СИРАХОВА.

Когда смыкаетъ смертный вѣжды,
Къ нему стремятся рои сновъ;
Ихъ тайны — ложныя надежды
И обольщенія глупцовъ.
Смѣшонъ, кто бѣгаетъ за тѣнью,—
Смѣшнѣй, кто вѣритъ сновидѣнью;
Оно какъ ликъ въ кристалѣ водъ:
Въ немъ то же зло и недостатки,
Въ немъ тѣ же муки и загадки,—
Чѣмъ сердце наяву живетъ...

ПЧЕЛА И РОЗА.

Золотистая пчела,
Ты куда летишь и рѣешь...
Гдѣ медвяный сокъ пила?
Золотистая пчела,
Ты кого въ мечтахъ лелѣешь?
Гдѣ ты будешь? гдѣ была?
Золотистая пчела,
Ты надъ кѣмъ счастливѣй рѣешь?

— Всѣ цвѣты поятъ равно;
Роза всѣхъ нѣжнѣй и слаще,—
Я люблю ее давно!
Всѣ цвѣты поятъ равно,
Но надъ розой рѣю чаще,—
Ею жить мнѣ суждено.
Всѣ цвѣты поятъ равно,—
Роза всѣхъ нѣжнѣй и слаще!

Роза, роза! не алѣй,—
Знаю я, что любитъ пчелка,
Кто дороже всѣхъ для ней...
Роза, роза, не алѣй!
Не грози шипами колко,—
Ты со пчелкою нѣжнѣй...
Не грози и не алѣй,—
Знаю я, что любитъ пчелка!

— Что мнѣ пчёлка! Я горда,—
Медъ мой холоденъ и горекъ;
Одинока я всегда!
Что мнѣ пчелка,—я горда!
Я купаюсь въ блескѣ зорекъ
И поитъ меня вода...
Я стыдлива и горда,
Медъ отравленый мой горекъ!

Вдругъ я вижу... Боже мой!
Роза молкнетъ, роза никнетъ,
Слыша пчелки золотой
Сладкій шопотъ... Боже мой,—
Роза къ пчелкѣ не привыкнетъ,—
Роза любитъ жить одной!
Что-жъ я вижу?.. Боже мой,—
Роза счастлива!—и никнетъ...

Роза, гдѣ-жъ твои шипы?
Гдѣ заносчивыя рѣчи?
Роза, пчелки не глупы —
Не наткнутся на шипы!..

Ты волнуешься отъ встрѣчи —
Поцѣлуи не скупы.
Роза, гдѣ твои шипы,—
Гдѣ заносчивыя рѣчи?...

1897 г., іюль.

РАЗДУМЬЕ.

Я спросилъ у вербы скорбной:
«Какъ она меня любила?»
И, къ плитѣ клонясь надгробной,
Верба мнѣ проговорила:
«Какъ могила!»

Я спросилъ у темной ели:
«Чѣмъ была она согрѣта,
Что мечты ея хотѣли?»
И дождался я отвѣта:
«Только свѣта!»

Я спросилъ у дуба: «Было
Чѣмъ полно ея стремленье?
И чего она просила?»
И отвѣтилъ дубъ уныло:
«Лишь забвенья!»

И спросилъ я Небо: «Боже,
Гдѣ-же правда? Гдѣ-же счастье?—
Кто ей былъ всего дороже?»
Но сіяло Небо тоже—
Безъ участья!

---

* * *

Безпредѣльная гробница
Приняла мой бренный прахъ,
И алѣетъ мнѣ денница
Балдахиномъ въ небесахъ.

Въ мракѣ ночи молчаливой
Хоры мирные свѣтилъ
Свѣтятъ въ грусти терпѣливой,
Какъ ряды паникадилъ.

Плачутъ вѣтры, воетъ море,
Словно стонущій народъ,
И въ торжественномъ просторѣ
Буря реквіемъ поетъ.

Только прахъ еще мой дышитъ,
Умъ кипитъ избыткомъ силъ,
И невольно сердце слышитъ
Ужасъ родственныхъ могилъ.

И готовъ-бы я проснуться,
Путы смерти разметать,
Новымъ міромъ обмануться,
Новой жизнью подышать!

---

* * *

Все спокойно во мракѣ;
Только лаютъ собаки,
Только лаютъ собаки
Лишь однѣ
Въ сторонѣ.

Я иду по дорогѣ,
Полный смутной тревоги,
Полный смутной тревоги,
Наобумъ,
Полный думъ.

Какъ бульвары пустынны!
Молчаливы вершины,
Молчаливо вершины
Изъ оградъ
Смотрятъ въ рядъ.

О покой безмятежный!
Лейся въ грудь мнѣ, безбрежный,
Лейся въ сердце, безбрежный,
О покой
Роковой!

Истомился я страстно,
И еще все напрасно,
И еще все напрасно
Счастья жду
И—иду!

---

* * *

Безумный гнѣвъ, безумный ропотъ
Смѣнила кроткая печаль;
Я слышу вновь весенній шопотъ,
Я вижу розовую даль.

Какъ будто кто-то осторожно
Коснулся тайныхъ струнъ души,
И зрѣетъ пѣснь въ умѣ тревожно,
Какъ цвѣтъ застѣнчивый въ глуши.

И мнѣ легко, легко такъ стало,
И понялъ я на краткій мигъ,
Чего судьбѣ недоставало,
Чего мечтой я не постигъ!

УХОДЯЩАЯ ЗИМА.

Тепло почувствовавъ и влагу
Уже растаявшихъ снѣговъ,
Поетъ задоръ, поетъ отвагу
Семья весеннихъ воробьевъ.

Съ вѣтвей намокшихъ тянетъ прѣлью,
Свѣжѣе сосенъ бахрома.
Весну къ родному новоселью
Зоветъ слезливая зима.

И, тая тихими слезами
Въ лучахъ отъ сладострастныхъ нѣгъ,
Зима подъ треснутыми льдами
Торопитъ волнъ упрямый бѣгъ.

Заходятъ воды, вздуютъ льдины, —
Надышутъ вѣтры и туманъ,
И въ пробужденныя долины
Слетитъ весна изъ южныхъ странъ.

И встрѣтитъ сѣверъ гостью юга —
И передъ ней разсыплетъ онъ,
Какъ даръ измученнаго друга,
Цвѣты и блескъ со всѣхъ сторонъ...

КНИГА БЫТІЯ.

Ты Книгу бытія раскрылъ передо мной,
Читаю я ее со страхомъ и любовью,
Всей горечью ума, всей жаждущей душой,—
Слезами тмится взоръ, и сердце плачетъ кровью.

Божественныхъ чудесъ таинственный родникъ
Кипитъ и бьетъ ключомъ въ сокровищницѣ слова,
Лишь слабый отзвукъ ихъ—нашъ трепетный языкъ,
Лишь блѣдный лепетъ ихъ—шумящая дуброва!

Огни твоихъ небесъ никѣмъ не сочтены,
И бездна ихъ высотъ ничѣмъ неизмѣрима,—
Но Ты облекъ ихъ намъ въ чарующіе сны:
Въ безсмертіе тѣней и въ пѣсни серафима.

Намъ сладокъ вѣщихъ думъ божественный родникъ,
Несносны золъ земныхъ тяжелыя вериги,—
Но къ Книгѣ бытія не первый я приникъ,
И дочитать не мнѣ страницы вѣщей книги...

ТЕБѢ ВЪ АЛЬБОМЪ.

Тебѣ въ альбомъ звучитъ, не умолкая,
Прибой волны на берегу морскомъ,
И первый громъ — веселый откликъ мая —
Тебѣ въ альбомъ.

Тамъ, въ небесахъ, несчетныхъ звѣздъ плеяды
Ткутъ письмена на языкѣ чужомъ;
Въ нихъ столько словъ блаженства и отрады —
Тебѣ въ альбомъ.

Тебѣ въ альбомъ восходы и закаты
Румяныхъ зорь на небѣ голубомъ;
Вся жизнь земли, всѣ сны и ароматы —
Тебѣ въ альбомъ.

И что-же мнѣ осталось для привѣта,
Смущенному въ раздумьи роковомъ?..
Послѣдній вздохъ и лучшій гимнъ поэта —
Тебѣ въ альбомъ!

* * *

Этотъ блѣдный цвѣтокъ въ скромныхъ травахъ полей
Какъ любовь расцвѣталъ и струилъ ароматъ...
Что-жъ онъ вянетъ въ сіяющей вазѣ твоей,
Среди стѣнъ расписныхъ золоченыхъ палатъ?
Или душно ему въ мертвотканной парчѣ?
Или онъ загрустилъ о безсмертномъ Ткачѣ,
Что и облако ткалъ, и воздушныхъ стрекозъ,
Чье дыханье къ тебѣ въ лепесткахъ Онъ принесъ?

---

* * *

Амуръ на мой порогъ весною
Цвѣты душистые принесъ.
Крылатый богъ любви со мною
Недолго рѣзвился и росъ:

Меня въ испугѣ онъ покинулъ,
Когда суровый Гименей
Жилище вольное задвинулъ
Тяжелымъ кружевомъ цѣпей.

Но каждый разъ съ весною новой,—
Внимаю-ль всплеску зыбкихъ водъ,
Брожу-ли рощею сосновой,
Грустя подъ бременемъ заботъ,—

Мнѣ вѣетъ свѣжими цвѣтами,
Поется, вѣрится въ тиши,—
И, мнится, вновь амуръ крылами,
Летя, коснулся струнъ души...

---

* * *

Вечерняя звѣзда, звѣзда моей печали,
Зажглася и горитъ межъ дымныхъ облаковъ,—
Навстрѣчу ей огни земные заблистали,—
Огни труда, моленій и пировъ.
Но не для нихъ мучительно и властно
Въ моей душѣ мечта пробуждена;
Земная ложь съ мечтами не согласна
И пѣснями не тѣшится она.
Меня влечетъ звѣзда моей печали,
И пѣсни ей пою я въ полуснѣ,
Ея лучи мнѣ тайну нашептали
Иныхъ огней въ волшебной сторонѣ,—
Иныхъ огней — на алтарѣ небесномъ
Пылающихъ измученнымъ очамъ
Земныхъ борцовъ сіяньемъ неизвѣстнымъ,
Лишь въ смутныхъ снахъ являющимся намъ...

———

УТѢШЕНІЕ.

Влача оковы міра тѣснаго
Межъ торжествующихъ клеветъ,—
Я слышу голоса небеснаго
Благословляющій привѣтъ:

«Поэтъ больной, поэтъ страдающій!
Утѣшься вольною мечтой,—
Нашъ міръ, соблазномъ искушающій,
Тебя возвыситъ надъ толпой.

Возславитъ радостнаго генія
Непреклоненное чело
За то, что сердце въ дни гоненія
Любовь и правду обрѣло;

За то, что гимномъ покаянія
Смывалъ ты грѣхъ и свой позоръ,—
Твоя тоска, твои страданія
Близки несчастнымъ съ этихъ поръ.

Утѣшься, скорбный и мечтательный!—
Къ загробнымъ не бѣги вратамъ,
И въ пѣсняхъ міръ очаровательный
Открой восторженнымъ очамъ!»

* * *

Бѣжитъ волны кипучій гребень,
Поетъ стремленію хвалу —
И, разбиваясь о скалу,
Приноситъ илъ, песокъ и щебень.

Не такъ-ли юности порывъ
Шумитъ, бѣжитъ, нетерпѣливъ,
Поетъ хвалу земной отвагѣ...
Но властный опытъ разобьетъ
Его вольнолюбивый ходъ,
Какъ жесткій берегъ — пѣну влаги.

---

* * *

Отъ любви согрѣшить — значитъ счастье вкусить;
Отъ любви умирать — значитъ жизнью кипѣть,
Восторгаться и пѣть
И надъ смертью царить!

Только злобѣ страшна ночь предсмертныхъ завѣсъ;
Только зависти — мука безсилья страшна,
Какъ уму — глубина
Безграничныхъ небесъ.

Мы идемъ между двухъ непонятныхъ дорогъ,
Мы скользимъ между безднъ очарованныхъ двухъ;
Надъ одною — нашъ духъ,
Надъ другою — нашъ Богъ.

И въ одной — лишь вражда, лишь безумство и шумъ,
И въ другой — только жизнь, только миръ и любовь.
И одна — наша кровь,
И другая — нашъ умъ!

ВАМПИРЪ.

Невидимый вампиръ сосетъ мой мозгъ и кровь.
Въ неясномъ сумракѣ, въ волшебномъ усыпленьи,
Невидимый вампиръ лобзаетъ въ изступленьи
И жжетъ, и шепчетъ мнѣ про знойную любовь.
Когда съ закатомъ дня тѣснятся сновидѣнья
На ложе тихое, — ликующій вампиръ
Скликаетъ нѣжныхъ эльфъ на свой безумный пиръ
И кружится со мной въ восторгѣ наслажденья.
Паду-ль, измученный на оргіи его
Вакхической игрой и бѣшеною пляской,—
Я всё еще томлюсь загадочною лаской,
Я всё еще молю вампира своего!
Умчится-ли вампиръ къ таинственной стезѣ,—
Вослѣдъ его стремлюсь я тѣнью неразлучной;
Онъ громко злобствуетъ, — и голосъ мой незвучный
Отвѣтствуетъ ему, какъ музыка грозѣ!
Я гасну — и люблю мучителя-вампира.
О, если-бы мечта за нимъ летѣть могла,
Летѣть какъ за орломъ мгновенная стрѣла,
И вмѣстѣ съ нимъ тонуть въ сіяніи эѳира!

Безжалостный вампиръ меня заворожилъ;
Онъ сжегъ румянецъ устъ, — заледенилъ дыханье...
Я гасну... Я погасъ... Мнѣ сладко умиранье, —
Я жизнь испилъ до дна — я сердце пережилъ!..

ГРУСТЬ СОСЕНЪ.

Шелъ я весною, въ сумеркахъ туманныхъ,
Рощей сосновой, тихою дорогой...
Хмурыя сосны въ думахъ неустанныхъ
Вслѣдъ мнѣ шептали, съ тайною тревогой:

«Грустно намъ, грустно, соснамъ молчаливымъ,
«Грустно намъ думать думы вѣковыя!
«Снѣжной метелью, вечеромъ тоскливымъ
«Мы одѣвались въ ризы ледяныя;
«Пѣли намъ, пѣли зимнія метели;
«Слаще ихъ птицы майскія споютъ намъ!
«Вотъ,— изъ-подъ снѣга воды зашумѣли,
«Птицы щебечутъ въ гнѣздышкѣ уютномъ.
«Долго и долго солнышко насъ грѣло!—
«Встрѣтили много бѣлыхъ зимъ и весенъ,
«Долго росли мы, тихо и несмѣло,—
«Много погибло насъ, косматыхъ сосенъ...

«Много сорвало бурями сердито...
«Плачемъ смолою, если вечеръ зноенъ!
«Радостное солнце нами позабыто,
«Трауръ нашъ теменъ, ропотъ нашъ нестроенъ».

Такъ мнѣ шептали сосны-великаны,
Шлемы колебля въ воздухѣ румяномъ...
Дымно вставали влажные туманы,
Плыли надъ ними тучи караваномъ.
Въ рощѣ сосновой хвоями и мохомъ
Почва дышала въ трепетѣ уныломъ...
Плакало сердце; съ облегченнымъ вздохомъ
Слезы катились о далеко миломъ!..

СТАНСЫ.

Мой другъ, у нашего порога
Стучится блѣдная нужда,
Но ты не бойся, ради Бога,
Ее — сподвижницу труда.

При ней звучнѣе пѣснь поэта,
И лампа поздняя моя
Горитъ до бѣлаго разсвѣта,
Какъ лучъ иного бытія.

И міръ иной передъ очами,
То міръ восторговъ и чудесъ,
Гдѣ плачутъ чистыми слезами
Во имя правды и небесъ.

То міръ, ниспосланый отъ Бога
Для утѣшенья... И тогда
Стучится слава у порога
И плачетъ блѣдная нужда...

* * *

Сегодня въ ночь весна-колдунья,
На молодое новолунье,
Снѣга послѣдніе смела,
Сережки ивы растрепала
И окаймлять цвѣтами стала
Озеръ сквозныя зеркала;
Зажглась румянцами по тучамъ,
Прошла дождемъ въ лѣсу дремучемъ
И бальзамичною смолой
По хвоямъ елокъ проблеснула,
Шумъ ободряющаго гула
Неся въ ихъ сумракъ вѣковой...

ПѢСНЬ МАЛЯРА.

Какъ грустна, какъ протяжно грустна
Эта пѣснь маляра,—
Въ часъ румяный утра
Въ опустѣлыхъ покояхъ поется она!

Подъ плафономъ дворца, на воздушныхъ лѣсахъ,
Эта пѣснь маляра,
Въ часъ весенній утра
Раздается въ нѣмыхъ, обветшалыхъ стѣнахъ.

Надъ карнизомъ собора, сквозь окна, съ утра
Раздается она,
Такъ протяжно грустна,—
И подъ куполъ плыветъ эта пѣснь маляра!

За рѣшеткою черной больничныхъ палатъ
Этой пѣснью живой,
Чуя жизни прибой,
Въ заточеньи болящій заслушаться радъ.

На тюремномъ дворѣ, у сырого окна,
Эта пѣснь маляра,
Какъ сіянье утра,—
Даритъ жизни призывъ заключеннымъ она!

Это грустная пѣснь,—но въ ней сила и трудъ,
И призывъ золотой
Къ волѣ, къ степи родной...
Эту пѣсню счастливые горю поютъ!..

---

* * *

Бѣлый снѣгъ мутнѣетъ въ блескѣ;
Все теплѣе день отъ дня,—
И звучнѣй сквозь занавѣски
Канареекъ трескотня.

Вѣетъ нѣгой воздухъ сладкій,
И журчитъ волна снѣговъ
Надъ поставленною кадкой
Изъ желѣзныхъ желобовъ.

За рѣшеткою ограды,
У оттаявшихъ кустовъ,
Скачутъ, оттепели рады,
Стаи рѣзвыхъ воробьевъ,

Въ мутныхъ сумеркахъ,—бульваромъ
Проходя, я вижу вновь
По очамъ и юнымъ парамъ
Пробужденную любовь.

Мнѣ взгрустнулось... Что такое?
Какъ душа моя полна!..
Здравствуй, солнце молодое
Здравствуй, юность и весна!

---

* * *

У меня горитъ лампада,
    А въ раскрытое окно
Слышенъ тихій лепетъ сада,
    Видно траурное дно
Ночи блещущей мірами.
    И какъ будто тишина
Дышетъ влажными устами
    Изъ раскрытаго окна.

Поцѣлуй ея такъ сладокъ,
    Такъ свѣтлы огни небесъ,
Что не хочется загадокъ,
    Ни сомнѣній, ни чудесъ.
Такъ все просто, такъ все ясно,
    Такъ все понято легко,
И съ природою согласной
    Такъ я вѣрю глубоко!

СТАНСЫ.

Пусть говорятъ: она пропала,
Пусть къ ней закрыта крѣпко дверь;
Она въ душѣ моей сіяла,
Она сіяетъ и теперь!

Мой другъ! У твоего преддверья
Стою я полный новыхъ силъ,—
Мертвы иступленныя перья
Въ холодномъ траурѣ чернилъ,

И все еще порою снится,—
Съ тобою снова буду жить,
Чтобъ смутной ревностью упиться
Чтобъ вновь восторги заслужить!

---

* * *

Надъ бульваромъ легла серебристая мгла,
Словно тѣни мелькаютъ чета за четой.
На балконахъ кругомъ и за каждымъ окномъ
Жизнь бойка и свѣтла, какъ призывъ молодой.

И весна, и любовь раскалила всѣмъ кровь,
И повсюду восторгъ иль томящая лѣнь...
И такъ радостенъ смѣхъ, и наивенъ такъ грѣхъ,
И такъ сладко въ саду задышала сирень.

Изъ опущенныхъ шторъ, гдѣ журчитъ разговоръ
Молодыхъ голосовъ, какъ весенній ручей,
Мнѣ мерещится день, мнѣ мерещится тѣнь,
Чей-то обликъ скользитъ... но не знаю я чей...

И все чудится мнѣ, что на сумрачномъ днѣ
Одинокой души, гдѣ гнѣздилась печаль,—
Воскресаютъ мечты, расцвѣтаютъ цвѣты,
Улыбнулась лучамъ просіявшая даль.

ЛУЧИ НА ЗАКАТѢ.

Лучами солнце брызнуло,—
Столбы косые, пыльные,
Какъ струны протянулися
Вдоль комнаты моей.
Вечерній свѣтъ, прощальный свѣтъ
Принесъ съ небесъ живой привѣтъ,
Живой привѣтъ огнемъ лучей...

Прими, о солнце жаркое:
Прими ты, небо синее,
Мою молитву скорбную,
Души моей завѣтъ...
Скажите мнѣ, откройте мнѣ —
Увижу ли ее во снѣ,
Ее, кого со мною нѣтъ!

Что съ ней, моей страдалицей,
Что съ нею опечаленной
Невѣдомой кручиною,

Незнаемой тоской?..
Въ тоскѣ она — крѣпка тюрьма...
Вокругъ ея и адъ, и тьма,
И ужасъ гробовой!

Я знаю — солнце жаркое,
И къ ней ты свѣтомъ брызнуло, —
И за окномъ рѣшетчатымъ,
Какъ полосы, легло...
Согрѣй ее — тепломъ дохни, —
Забрось ей въ грудь свои огни,
Проясни ей чело!

Снеси привѣтъ страдалицѣ!
Скажи, какъ я печалюся,
Какъ думы о ней думаю
Я ночи напролетъ;
Слезу отри, — и сномъ бодри,
Укрась въ дворецъ лучомъ зари
Въ ея покой печальный входъ!

ОСЕНЬ.

Ужъ холодомъ вѣетъ осеннимъ,
И мнится, вершины шумятъ:
Мы плащъ зеленѣющій смѣнимъ
На ярко пурпурный нарядъ.

И мнится — цвѣты, увядая,
Другъ другу прощальный поклонъ
Шлютъ, молча головки склоняя,
Какъ въ день роковыхъ похоронъ.

И вечеръ осенній такъ кротокъ,
И грусть его сердцу мила,
Какъ свѣтъ изъ больничныхъ рѣшетокъ,
Какъ дыма кадильнаго мгла.

Природа устала, — и скоро
Ко сну ее склонитъ недугъ,
Но жизнь суетная для взора,
Для сердца все то же вокругъ.

Со стукомъ проѣхали дровни,
На улицѣ стало темнѣй,—
И запахъ кофейной жаровни
Пахнулъ изъ открытыхъ сѣней.

Тамъ цѣпь фонарей потонула
Въ дали, отуманенной сномъ,
Тамъ ранняя лампа мелькнула
Въ окнѣ красноватымъ пятномъ.

И въ темной аллеѣ бульвара
Подъ вечеръ разлуки нѣмой
Гуляетъ унылая пара,
Шумя несметенной листвой.

---

* * *

Въ соборѣ сумракъ и прохлада;
Звучны шаги на камняхъ плитъ.
Передъ Пречистою — лампада,
Свѣча — предъ Вечерей горитъ.

Все тихо, все полно покоя,
Все ожиданія полно,—
И брезжутъ пятна у налоя
Сквозь разноцвѣтное окно.

Смущенный, слушаю молчанье
И самъ молитвенно молчу,
Да приметъ Богъ мой покаянье
И я возжгу свою свѣчу!..

Пускай горитъ она несмѣло,
Какъ жертва мирная безъ словъ,
Когда воспримутъ Кровь и Тѣло
Во оставленіе грѣховъ.

32

Когда-жъ растаетъ ладанъ синій
И клиръ замолкнетъ, отзвуча...
Передъ мерцающей святыней
Пусть догоритъ моя свѣча.

ВЕЧЕРЪ.

Заря не растаяла
Румянцемъ блистающимъ,
А сумерки бѣлыя
Плывутъ и колышутся,
Мѣшаяся съ пурпуромъ,
На западѣ гаснущимъ.

Двѣ ласточки рѣзвыя
Косыми полетами
Къ ночлегу завѣтному,
Къ церковному куполу
Спѣшатъ, отягченныя
Весеннею дремою.

Вонъ жукъ тяжко хлопнулся
Съ налета, о бѣлую
Березу ударившись.
Сирень замечталася
И сладкимъ дыханіемъ
Блаженство привѣтствуетъ...

Вонъ въ небѣ лазоревомъ
Сребристое облако,
Какъ ангелъ мечтательный,
Летитъ въ невозвратное
Изъ лона минутнаго...
О вечеръ... о призраки!..

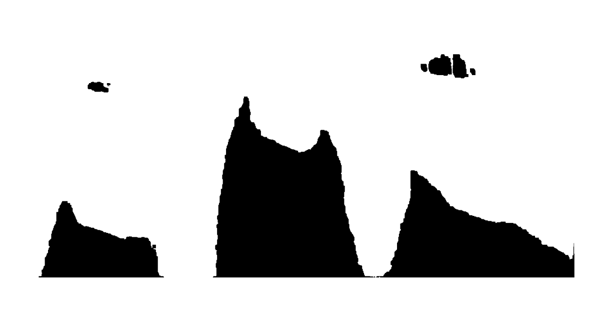
---

*
* *

Замолкъ души безплодный ропотъ,
Сердечной бури шумъ затихъ;
Съ небесъ плыветъ мнѣ тайный шопотъ
И ароматъ — съ полей земныхъ.

Благоуханныя видѣнья
Бѣгутъ, рѣзвясь, со всѣхъ сторонъ;
Ихъ блескъ, ихъ стройное движенье
Рождаетъ гуслей перезвонъ.

Я счастливъ, можетъ быть, на много
Иль на мгновенье — все равно!
И свѣтятъ въ сердцѣ взоры Бога,
Какъ солнце въ тусклое окно.

* * *

Ясный мѣсяцъ сквозь ткань занавѣски
На стѣнѣ мнѣ чертилъ арабески,
И, какъ призракъ таинственный бѣлъ,
Въ мою душу пытливо глядѣлъ.
И въ душѣ моей холодно было,
И стучалъ, и стучалъ мнѣ уныло
Мѣрный маятникъ, вѣчность суля,—
Только ту, что не знаетъ земля.
А въ углу мышь скреблась. Въ паутинѣ
Пѣлъ комаръ, и въ блестящей святынѣ
Образницы задумчивый ликъ
Былъ такъ тихъ, такъ угрюмъ и великъ!

---

* * *

Не знаю самъ я, почему,—
Когда, отпраздновавъ зиму,
Ликуя первый вешній день
Бросаетъ свѣтъ и полутѣнь,—
Сильнѣе мысль, бодрѣе умъ,
Счастливѣй хоры легкихъ думъ!
И все, что прошлое давно
Въ безсильномъ мракѣ погребло,—
Въ моей душѣ озарено,
Какъ солнцемъ мутное стекло,
Какъ это тусклое окно,
Гдѣ даль сіяетъ такъ свѣтло,—
Но суетой и шумомъ дня
Заслонена, отстранена
Отъ вдохновенья и меня,—
Хоть вѣчность гордая слышна
Въ ея движеньи роковомъ
Межъ краткимъ бдѣніемъ и сномъ.

---

* * *

Какъ будто раннею весною,
Въ дни поздней осени — свѣтло.
Озеръ прозрачное стекло
Блеститъ румяной синевою...

Лучи послѣдніе свои
Закатъ въ поляхъ роняетъ косо,
И вдоль промерзлой колеи
Стучатъ трескучія колеса...

Послѣдній блескъ, послѣдній шумъ
Въ дыханьи осени такъ внятенъ,
Холодный воздухъ такъ угрюмъ
И такъ спокойно ароматенъ,—

Что сердце въ чуткой тишинѣ
Предсмертнымъ снамъ природы внемлетъ
И, очарованное, дремлетъ,
Весну почуявъ въ полуснѣ...

———

РУСАЛКА.

(Баллада).

Вечерней порою при тусклой лунѣ
Мечтательный витязь скакалъ на конѣ.

И слышитъ, у рѣчки, въ густомъ тростникѣ,
Русалка рыдаетъ въ глубокой тоскѣ.

Онъ — ногу изъ стремя, поводья спустилъ,
Подходитъ къ русалкѣ, какъ мѣсяцъ унылъ.

«О чемъ твое горе? Могу ли помочь?»
И слышитъ: «Взгляни на родимую дочь!

«Припомни, какъ я, позабытые сны,
Лобзанья и клятвы далекой весны.

«Припомни тѣ встрѣчи, тѣ ясные дни, —
На дочку-сиротку, какъ солнце, взгляни!

«Кудрявой головкой, румянцемъ лица
Она уродилась въ родного отца;

«Несчастною долей въ родимую мать,—
И некому къ сердцу малютку прижать!

«Ее пеленаетъ сѣдая волна
И жемчугомъ звонкимъ играетъ она,

«И стая серебряныхъ рыбокъ за ней,
Ласкаяся, ходитъ по волѣ зыбей.

«Но грустно малюткѣ,—чуть ночь настаетъ,
Родимую кличетъ, родного зоветъ!..»

Замолкла русалка, рыдая въ тоскѣ...
Волна разступилась, шумя на рѣкѣ.

И мнилось, въ кипящей бурливости струй
Раздался и замеръ живой поцѣлуй.

Туманно сіяетъ ночная луна.
Надъ рѣчкой и въ рѣчкѣ давно тишина,

Лишь конь одинокій копытами бьетъ
И гривою машетъ, и весело ржетъ—

Хозяина кличетъ, но вѣрный сѣдокъ
Отъ борзаго друга понынѣ далекъ...

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ПОЭМЫ И БАЛЛАДЫ

ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1—5.

Сперва хаосъ былъ, и Духъ Божій
Милліоны лѣтъ
Надъ нимъ леталъ. И Богъ воскликнулъ:
Да будетъ свѣтъ!
И отдѣлилась тьма отъ свѣта,
Шатнулась тѣнь.
И вечеръ былъ, и утро было,
И первый день.

6—8.

И Богъ сказалъ: Пусть твердь родится.
И навсегда
Твердь поднялася, а подъ нею
Стеклась вода.

И Богъ тогда назвалъ твердь—небомъ
Передъ землей.
И вечеръ былъ, и было утро,
И день второй.

9—13.

И Богъ сказалъ: да будетъ суша
Среди воды.
И было такъ; моря омыли
Ея слѣды.
И назвалъ сушу Богъ землею,—
И далъ въ удѣлъ
Нести плоды по роду сѣмя
И повелѣлъ,
Чтобъ вышли кедры, пальмы, хвои,
Дубы, сирень.
И вечеръ былъ, и было утро,
И третій день.

14—19.

И Богъ сказалъ: въ небесной тверди
Пускай во мракъ
Мерцаютъ знаменьемъ свѣтила.
И стало такъ.
И создалъ два большихъ свѣтила:
Одно для дня,
Другое, меньшее, для ночи,
Всѣ изъ огня.

И Богъ разсыпалъ въ тверди звѣзды
Въ ночную тѣнь.
И вечеръ былъ, и было утро;
Четвертый день.

20—23.

И Богъ сказалъ: да производитъ
Земля живыхъ
И птицъ лѣсныхъ, и птицъ небесныхъ,
И рыбъ морскихъ.
И наплодили рыбы воду,
А птицы—сѣнь.
И вечеръ былъ, и было утро,
И пятый день.

24—31.

И Богъ увидѣлъ, что прекрасно
Теперь вокругъ,
Благословилъ тогда творенья
Своихъ же рукъ.
И создалъ Богъ звѣрей — и каждый
Имѣлъ свой родъ:
И левъ, и слонъ, и конь, и зебра,
И бегемотъ.
И Богъ сказалъ: Себѣ подобныхъ
Создамъ теперь.
И пусть покорны имъ всѣ гады,
И каждый звѣрь.

И сотворилъ Богъ человѣка
По образцу
И по подобію безсмертныхъ,
Въ друзья Творцу.
Онъ создалъ женщину и мужа,
И молвилъ имъ:
Плодитесь, землю наполняйте
Добромъ живымъ.
Да будутъ вамъ покорны звѣри
И птицы всѣ,
И всѣ моря, и все земное
Въ его красѣ.
И стало такъ. И Богъ увидѣлъ
Свой міръ земной.
И вечеръ былъ, и было утро,
И день шестой.

1899 г., сентябрь.

ВЪ НОЧЬ РАЗДУМЬЯ.

Онъ праздникъ весело провелъ...
Но отчего-жъ угрюмъ и золъ
Домой вернулся? Почему
Онъ такъ разсѣянно смотрѣлъ
На эту призрачную тьму
Блестящихъ улицъ, гдѣ горѣлъ
Безжизненъ, трепетенъ и бѣлъ
Свѣтъ электрическихъ шаровъ,
Когда онъ ѣхалъ, — и рысакъ
Подъ синей сѣткою, во мракъ
Металъ пыль влажную снѣговъ.

И вотъ онъ дома, — онъ одинъ,
Своихъ покоевъ властелинъ,—
Какъ будто праздный нелюдимъ,
Тоскою жадною томимъ...
Одинъ!.. совсѣмъ одинъ почти, —
И только пышность на пути

И только жадный хоръ льстецовъ
Подъ маской дружества пріязнь
Ему готовятъ, словно казнь,
Въ холодной роскоши пировъ.

Нажалъ онъ кнопку — и возникъ
Свѣтъ электрическій кругомъ
Прозрачнымъ матовымъ пятномъ.
Въ тигровой шкурѣ хищный ликъ
Зрачками мертвыми блеснулъ,
И въ складкахъ бархатныхъ портьеръ
Свѣтъ мягкой тѣнью потонулъ.
И страненъ сталъ тѣней размѣръ
Отъ пальмъ гигантскихъ,—къ потолку
Онѣ тѣснились, — и узоръ
Ихъ былъ подобенъ завитку
Утесовъ ломаныхъ и горъ.
Въ коврѣ пушистомъ шагъ тонулъ,—
И былъ извнѣ не слышенъ гулъ
Больного города. Кругомъ
Ночь тихимъ вѣяла крыломъ,
И онъ, какъ въ гробѣ золотомъ,
Шагалъ по комнатѣ одинъ,
Гдѣ холодъ блещущій зеркалъ
Отъ лампъ свѣтъ мертвый повторялъ
И нерастопленный каминъ,
Какъ пасть остывшая, зѣвалъ.
Одинъ, тщеславьемъ не согрѣтъ,
Какъ душнымъ, ледянымъ кольцомъ
Змѣи обвившейся кругомъ,
Онъ вспомнилъ время лучшихъ лѣтъ,—

Тѣхъ лѣтъ стремленій и труда,
Когда смущенная нужда,
Косясь уныло на него,
За нимъ слѣдила изъ дверей,
Чтобъ въ часъ раздумья своего
Онъ былъ смѣлѣе и бодрѣй...

Когда «она» жила при немъ,
Дитя съ дѣвическимъ лицомъ,
Съ глазами полными любви
И кроткой ласки... Сколько разъ,
Когда въ сомнѣніяхъ онъ гасъ
И умиралъ,—она «живи!»
Ему твердила,—и опять
Онъ воскресалъ, чтобъ вновь страдать
И, вслѣдъ страданья и борьбы,
Надъ силой темною судьбы
Какъ властелинъ торжествовать.

Торжествовать!.. Что торжество?
Ужъ нѣтъ ея давнымъ-давно
И безъ нея вокругъ мертво,—
Все вмѣстѣ съ ней погребено...
О, еслибъ вновь незримый магъ
Тотъ уголокъ явилъ родной;
Тотъ столъ подъ грудою бумагъ
Съ оплывшей, тусклою свѣчой,—
Тотъ нѣжный взоръ,—и прядь кудрей,
Къ нему склоненную на грудь,—
Еще, быть можетъ, какъ-нибудь
Воскресъ бы онъ душой своей!..

Но нѣтъ, онъ тщетно умиралъ,—
Онъ вынесъ тяжкую борьбу!
Ее же, слабую рабу,
Рокъ гнѣвно къ вѣчности умчалъ...
Утомлена, истощена
Суровой, гибельной нуждой,
Въ землѣ покоится она,
И торжествуетъ онъ землей...

Но что вся эта мишура?
Видѣнье ложное одно
Безъ пробужденья, безъ утра!
Безъ вдохновенія — вино!
И что же дальше ждетъ его? —
Что дальше!.. дальше — ничего,
Какъ до рожденья: ночь и тьма
Безъ пытокъ сердца и ума...

1898, декабрь.

БѢДНЫЙ ДРУГЪ.

Какъ мечты его кипѣли,
Какъ онъ счастливъ былъ и юнъ,
И его высокой цѣли,
Мнилось, близился канунъ.
Какъ его пылали очи
Въ долгихъ спорахъ поздней ночи!
Какъ онъ вѣровалъ въ добро;
Какъ былъ полнъ горячей вѣры
Въ беззавѣтныя химеры,
Въ просвѣщенье и перо!
Какъ онъ рвался мыслить жадно,
Какъ клеймилъ онъ безпощадно
Пресмыкающихся слугъ...
И, его услыша споры,
Думалъ я, потупивъ взоры:
«Ахъ, мой бѣдный юный другъ!»

Помню — май цвѣлъ бѣлоликій,
Плылъ и нѣжилъ ароматъ.
Нищій золотомъ, великой
Онъ любовью былъ богатъ.
Сердце рвалось къ новой страсти,
Къ обаянію и власти
Юной женской красоты.
И нашелъ онъ откликъ нѣжный
Въ сердцѣ дѣвушки мятежной,—
И довѣрилъ ей мечты.
Окрылила, мнилось, фея...
Стала жизнь его полнѣе,—
Шире міръ явился вдругъ...
Сталъ счастливѣе, но вскорѣ
Грусть явилася во взорѣ...
Ахъ, мой бѣдный юный другъ!

Онъ еще, какъ прежде, молодъ
И, какъ прежде, былъ хорошъ,
Но знобилъ житейскій холодъ
И язвила сердце ложь.
И пришла любви на смѣну
Ревность, ждущая измѣну,
Постучался голодъ въ дверь
И нужда взглянула строго...
Какъ теперь онъ плакалъ много,
Какъ онъ сѣтовалъ теперь!—
Сталъ въ волненіяхъ мятежныхъ—
Словно чёлнъ въ волнахъ безбрежныхъ—
То на сѣверъ, то на югъ
Кочевать подъ непогодой,

Обездоленный природой...
Ахъ, мой бѣдный юный другъ!

Долго длилася развязка
Угасающей судьбы;
Дочиталась жизнь, какъ сказка,
Сказка полная борьбы.
И, сказавъ «спокойной ночи»,
Смерть ему закрыла очи...
Помню осень... день сырой...
Свѣчи жалобно мигали,
И надъ гробомъ возглашали:
«Со святыми упокой!»
Желтый гробъ влекли двѣ клячи
Отъ крыльца «безумной дачи»
Въ міръ, гдѣ нѣтъ ни думъ, ни мукъ...
Загремѣли комья въ ямѣ, —
И конецъ невидной драмѣ...
Ахъ, мой бѣдный юный другъ!

Мартъ 1899 г.

СНѢГУРЪ.

(На мотивъ Андерсена).

На дворѣ играя, дѣти
Снѣгура слѣпили разъ;
Вмѣсто рта — кирпичъ воткнули,
Черепицы — вмѣсто глазъ.

И прямѣе чтобъ держался
Бѣлый дядька на снѣгу,
Въ остовъ дядьки положили
Изъ-подъ печки кочергу.

И, при громкихъ крикахъ «браво»
Школяровъ и шалуновъ,
Всталъ снѣгуръ въ блестящей ризѣ
Межъ сугробовъ и снѣговъ.

И вокругъ него рѣзвилась
И смѣялась дѣтвора,
Но погасъ закатъ румяный —
Всѣ забыли снѣгура.

Онъ остался одиноко
Охранять пустынный дворъ;
Изъ-за крышъ въ туманномъ небѣ
Выплылъ мѣсяцъ на дозоръ.

По строеньямъ щелкалъ звонко
И скрипѣлъ сѣдой морозъ.
И глядѣлъ снѣгуръ на мѣсяцъ,
Опечаленный до слезъ.

«Надо мной костеръ сверкаетъ
Что-то ясно черезчуръ,—
Только что-то онъ не грѣетъ?» —
Молча думаетъ снѣгуръ.

«Я любилъ тепло; когда-то
Обжигалъ меня костеръ;
Только странно мнѣ, что холодъ
Слаще съ нѣкоторыхъ поръ.

«Вотъ бы мнѣ ко огню пробраться,
Да стряхнуть съ себя снѣга!»
Это въ немъ заговорила
Изъ-подъ печки кочерга.

И глядитъ снѣгуръ — и видитъ,
Что въ окошкѣ, какъ на зло,
Печь сверкаетъ головнями
Обольстительно-тепло.

35

И снѣгуръ подумалъ: «Ладно! —
До огня когда-нибудь
Доберусь — вотъ только дайте
Бѣлымъ холодомъ дохнуть!»

И стоитъ снѣгуръ — и видитъ,
Что рѣдѣетъ ночи тѣнь,
И восходитъ въ синемъ небѣ
Золотой февральскій день.

Вышло солнце... каплетъ съ крыши...
Снѣгъ сталъ ярокъ черезчуръ...
Кочерга въ немъ зашаталась,
И расплакался снѣгуръ...

И расплакался, и таетъ...
Съ ризы капаютъ снѣга.
И, ликуя, обнажилась —
И упала кочерга.

РАСКАЯНЬЕ РЫЦАРЯ.

Старинный замокъ страшенъ,—
Надъ шумною рѣкой
Торчатъ бойницы башенъ
Какъ призракъ роковой.

Состарившійся воинъ
Въ полночной тишинѣ
Угрюмъ и безпокоенъ
Не дремлетъ при лунѣ.

Подходитъ къ окнамъ гнѣвно,
Глядитъ въ ночную даль;
Лицо его плачевно,
Въ умѣ его печаль.

Въ немъ тяжко ропщетъ совѣсть—
И въ сумракѣ прочла
Мучительную повѣсть,—
Кровавыя дѣла.

И память въ немъ уныло
Сіяетъ, какъ луна;
Онъ помнитъ все, что было,
Чѣмъ жизнь его полна:

Любовь — свою стихію,
Борьбу — ея законъ;
Красавицу Марію —
Раздоръ сосѣднихъ женъ.

И помнитъ онъ капризовъ
Безумный произволъ,
Когда, бросая вызовъ,
Онъ въ бой безстрашно шелъ...

Прошли года и схватки.
Онъ сердцемъ глухъ и нѣмъ;
Тяжелыя перчатки
Забылъ какъ тяжкій шлемъ.

Глядитъ онъ въ окна — въ сонномъ
Затишьи у рѣки,
Въ уныньи похоронномъ
Недвижны тростники.

И сумрачнаго парка
Мечтательная мгла,
Какъ трепетная арка,
Узорами легла.

Онъ знаетъ, что за сѣнью
Мечтательныхъ березъ
Часовня, гдѣ забвенью
Не слышно думъ и грезъ.

Гдѣ будетъ спать объятъ онъ
Какъ вѣчность темнымъ сномъ,
У входа запечатанъ
Прадѣдовскимъ гербомъ.

Зачѣмъ ему Богъ не далъ
Забвеніе могилъ?
Зачѣмъ друзей онъ предалъ,
Враговъ своихъ убилъ...

Въ отвѣтъ печальнымъ думамъ
Шумитъ унылый садъ;
Идетъ съ протяжнымъ шумомъ
Тѣней туманный рядъ.

Шумятъ ли то вершины
Расшатанныхъ березъ,
Иль дѣды-исполины
Роняютъ капли слезъ?..

ПРАЗДНИКЪ МОРОЗА.

У дѣдушки Мороза,
Сѣдого старика, —
Есть три румяныхъ внука
И хмурыхъ два сынка.

Одинъ сынокъ зовется
У міра Сентябремъ,
Онъ въ полѣ вѣтромъ рыщетъ
И плачетъ онъ дождемъ.

Другой Октябрь — суровый,
Угрюмый нелюдимъ,
Румяный и дрожащій
Идетъ морозъ за нимъ;

Серебряная чаша
Въ рукѣ его дрожитъ.
— «Ну что, сынокъ мой милый,—
Онъ сыну говоритъ,—

«Готова ли постелька,
Мой снѣжный пуховикъ?»
— «Еще пройдетъ недѣлька,
Улажу все, старикъ.

«Сложу свѣтелку нашу
Изъ инея и льда,
Снѣгами лѣсъ украшу, —
Иди, гуляй тогда!»

Хлопочетъ сынъ, хлопочетъ,
Обшарилъ всѣ углы;
Накрыть сугробы хочетъ, —
Что званные столы.

Расплелъ онъ космы лѣса,
Все поле онъ остригъ, —
Однѣ не тронулъ елки, —
Ихъ любитъ такъ старикъ.

Сидитъ Морозъ подъ елкой,
Расшитый серебромъ,
Подъ бѣлой треуголкой,
Съ желѣзнымъ костылемъ.

Сидитъ, скрипитъ зубами
И слушаетъ метель;
Надъ нимъ, склонясь вѣтвями,
Сквозь снѣгъ темнѣетъ ель.

Сидитъ и дремлетъ старче,—
Ждетъ праздниковъ своихъ,
Когда пестрѣй и ярче
Шумъ улицъ городскихъ.

Когда во всѣхъ окошкахъ,
Межъ лакомствъ и затѣй,
Его изображенье
Такъ радуетъ дѣтей.

Вездѣ старикъ изъ папки,
Въ огромныхъ сапогахъ,
Въ остроконечной шапкѣ
И съ елкою въ рукахъ.

Дѣдъ старый, лютъ и веселъ,
Взираетъ на разгулъ,
А тамъ и носъ повѣсилъ,
И губы вновь надулъ.

Грозитъ ему разлука:
Три рѣзвыхъ шалуна
Бѣгутъ къ нему навстрѣчу,
Какъ юная весна.

Одинъ зовется Мартомъ;
Крутенекъ онъ и золъ,
Пробралъ лучами солнца
Весь дѣдушкинъ камзолъ.

Крехтитъ старикъ, — въ догонку
Бѣжитъ за нимъ Апрѣль;
Сорвалъ съ него шубенку,
Помялъ его постель.

Грозитъ дѣдъ внуку палкой,
А третій внучекъ — Май,
Фіалку за фіалкой
Бросаетъ то и знай!

Дѣдъ видитъ: дѣло плохо, —
Ушелъ, махнувъ рукой.
Вздохнулъ — и глядь — отъ вздоха
Растаялъ надъ землей!..

1897 г.

СУЖЕНЫЙ.

Мутенъ мракъ безлунной ночи,
Замеръ сонный городокъ.
Въ полутьмѣ сѣней стрекочетъ
И скрипитъ ночной сверчокъ.

Дуня грезитъ; ей не спится, —
Разогрѣла самоваръ.
Онъ придетъ — кудрявъ и статенъ,
На лицѣ его загаръ,

На устахъ его улыбка
И привѣтливая рѣчь.
Надо ужинъ приготовить,
Свѣчи позднія зажечь...

То къ окну она подходитъ,
То выходитъ на крыльцо;
Расплелась коса густая,
Затуманилось лицо.

Горячо ее лаская,
Былъ онъ щедрымъ на посулъ...
Что же медлитъ?.. Или, видно,
Закружилъ его разгулъ.

Бѣденъ онъ, а свадьба скоро, —
Надо денегъ раздобыть,
Не съ пустой мошной пріѣхать, —
Вотъ и думаетъ — какъ быть!

Дуня грезитъ... ей не спится...
Грудь трепещетъ горячо,
Изъ-подъ сброшенной косынки
Обнажилося плечо...

Вотъ и онъ, — спѣшитъ какъ вѣтеръ!
Подъ ногой скрипитъ порогъ, —
Хмуръ какъ ночь, въ глазахъ ни искры,
Голосъ холоденъ и строгъ.

Дуня кинулась навстрѣчу,
Дуня молвитъ: «Это ты!»
И, какъ двѣ змѣи, вкругъ шеи —
Двѣ ручонки обвиты!..

«Что съ тобою, мой желанный,
Что такъ блѣденъ ты съ лица?»
— На дорогѣ повстрѣчалъ я
Захмѣлѣвшаго купца!

«Что злодѣй съ тобою сдѣлалъ?
Не обидѣлъ ли тебя?» —
Дуня съ тайною тревогой
Говоритъ ему любя.

Онъ молчитъ... «Но что съ тобою?»
— Ночь вчера была темна,
Словно врагъ меня объѣхалъ
И опуталъ сатана!..

«Ты дрожишь!..» — О, нѣтъ, то вѣтеръ
Грозно билъ меня въ пути...
Если кто придетъ за мною —
Чуръ, крестися, — не пусти!

«А кому придти бы, милый?»
— Грѣхъ приходитъ ко грѣху! —
Онъ поникъ; она съ улыбкой
Смотритъ въ очи жениху.

— Рада-ль?.. Всѣ теперь посулы
Мнѣ исполнить — нипочемъ
И кошель онъ въ уголъ бросилъ
Съ окровавленнымъ ножомъ.

1898 г., августъ.

БЫЛИНА О ЦАРѢ ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ И БОЯРИНѢ НИКИТѢ РОМАНОВИЧѢ.

I.

Отъ полудня вплоть до ночи, полупьянъ,
Въ пышномъ теремѣ пируетъ царь Иванъ.
Съ нимъ опричники, бояре и князья.
Льется въ кубки многохмѣльная струя;
Въ круговую ходятъ съ брагою ковши,
Всѣ гуторятъ, всѣ хохочутъ отъ души...
За дубовыми столами шумъ и гулъ;
Стало душно во свѣтлицѣ, распахнулъ
Торопливою рукою царь Иванъ
Соболями отороченный кафтанъ.
Хмѣльный потъ съ лица румянаго отеръ,
Разгорѣлся въ ретивомъ его задоръ,
Взоръ хвастливый устремился на гостей,
Говоритъ онъ: «Будьте, други, веселѣй, —
Коли пиръ мой вамъ пришелся по душѣ,
Осушайте брагу хмѣльную въ ковшѣ,

Рушьте лебедь,—кто задумчивъ на пиру,
Тотъ хозяину, что волкъ, не ко двору!
Бусурманскую Казань я побѣдилъ,
Я крамолу въ Новѣгородѣ смирилъ,
Изъ-подъ Пскова, изъ-подъ Астрахани я
Вывелъ лютую измѣнщину, друзья!
Дайте время — понатѣшитеся вы,
Какъ пойдете на крамольниковъ Москвы!»

Такъ сказалъ Иванъ Васильевичъ — и вдругъ
Присмирѣли гости хмѣльные вокругъ.
Рѣчи бойкія затихли, какъ на грѣхъ,
Словно сглазилъ царь рѣчами звонкій смѣхъ.
Гости смотрятъ другъ на друга — и молчатъ.

Поднимался тутъ Иванъ-царевичъ младъ,
Разрумянившись, алѣе кумачу,
Наклоняется онъ къ царскому плечу,
Молвитъ батюшкѣ — веселому царю:
«Не прогнѣвайся, что правду говорю.
Ты грозенъ — силенъ въ Москвѣ и за Москвой.
Не прогнѣвайся, мой батюшка родной,—
Нѣтъ славнѣй тебя на всей святой землѣ...
Да не вывести крамолу во Кремлѣ;
А крамола-то съ тобою за столомъ
Запиваетъ яства сладкія виномъ,—
И сидитъ къ тебѣ по правой сторонѣ:
Онъ сынокъ тебѣ, онъ кровный братецъ мнѣ!
Ты казнить велѣлъ крамолу на позоръ,—
А какъ ѣхалъ я съ Ѳеодоромъ вечоръ,—

То забылъ онъ твой родительскій приказъ,
Челобитныя выслушивалъ не разъ
И ослушниковъ не вѣшалъ, не казнилъ,—
Не спросяся твоей милости — щадилъ!..»
Хмуро грозный царь встаетъ изъ-за стола,—
Всѣ затихли, всѣ замолкли,—налегла
Туча черная надъ пиршествомъ, и вотъ
Царь къ опричникамъ такую рѣчь ведетъ:
«Гой, вы, вороны лихіе, кто изъ васъ
Мой царевый нынче выполнитъ приказъ?
Кто изъ дома, дома царскаго, птенца,
Какъ ослушника державнаго отца,
Сына юнаго Ѳеодора возьметъ
И на казнь его въ застѣнокъ отведетъ?»

Гости скромные потупились — молчатъ,
Взять царевича въ опалу не хотятъ...
Лишь одинъ Скуратовъ съ мѣста поднялся,—
Содрогнулася тогда палата вся,—
Хочетъ выполнить хмѣльной царя приказъ...
Затуманились, поднять не могутъ глазъ
Ни на грознаго царя, ни на того,
Кто какъ коршунъ взялъ царевича его
И безвиннаго въ застѣнокъ къ палачамъ
Съ пира царскаго, смѣясь, уводитъ самъ...

Оробѣли всѣ; одинъ почетный гость,—
Царскій шуринъ превозмочь не можетъ злость,
Князь Никита свѣтъ Романовичъ,—рукой
Отстраняетъ чашу съ брагою хмѣльной,

Вставши съ мѣста, низко кланяясь царю,
Говоритъ: «За хлѣбъ, за соль благодарю!»
И уходитъ за царевичемъ вослѣдъ...

Царь нахмурился; въ лицѣ кровинки нѣтъ.
Хочетъ гнѣваться, а что-то горло жметъ;
Слезы душатъ... разрыдается вотъ-вотъ!..
Но привыкшій больше къ гнѣву,— не къ добру,—
Молча, тяжко съ мѣста сходитъ,—и къ одру
Онъ нетвердою походкой на покой
Удаляется, сжимая посохъ свой...

II.

Пиръ окончился у грознаго царя...

Занимается румяная заря;
Дрогнулъ колоколъ собора. Тяжело
Подымаетъ царь похмѣльное чело;
Освѣжается прохладною водой,
Раздвигаетъ складки полога рукой;
Видитъ — солнце уже встало надъ Москвой
И проникло въ царскій теремъ и лучи
Загорѣлися на золотѣ парчи...
Сердце екнуло у грознаго царя,—
И заря ему сегодня — не заря!..

Только всталъ на ноги рѣзвыя съ одра,
Все припомнилъ царь, что сдѣлано вчера.
Словно тяжкій сонъ предсталъ вечерній пиръ,—
Помутился Божій свѣтъ и Божій міръ!

Сынъ Өеодоръ, сынъ родимый, гдѣ-то онъ?
Неужели въ самомъ дѣлѣ умерщвленъ;
Неужели онъ, родитель, сгоряча
Предалъ Өедора на пытку палача!
Для того ли онъ, какъ цвѣтикъ по веснѣ,
Сладкимъ выкормленъ и холенъ въ тишинѣ?
Для того ли черны кудри, что смола,
Разсыпалися вдоль бѣлаго чела,
Соболиную его цѣлуя бровь,
Что-бъ спаяла ихъ запекшаяся кровь!

И понесъ въ свою молельню царь тоску...
Въ кельѣ тихо, благолѣпно; къ потолку
Льется кроткое мерцаніе лампадъ,
У иконъ горитъ алмазами окладъ,
Окна алою завѣшены тафтой...
Пахнетъ воскомъ, кипарисомъ и травой...
И склонился царь въ молитвѣ теплой ницъ
Передъ тихою святыней образницъ.
Слезы горькія изъ глазъ его текли,
Онъ молилъ о вновь преставленномъ съ земли,
И шептали имя Өедора уста,
И смирялася вѣнчаннаго мечта,
Умереть ему хотѣлося теперь...

Только слышитъ онъ—стучится кто-то въ дверь.
Вздрогнулъ царь; святой молитвою смягченъ,
Отмыкалъ замокъ тесовой двери онъ.
Передъ нимъ стоялъ Никита, старый князь,
И промолвилъ онъ Ивану, наклонясь:

— Государь, нашъ свѣтелъ-батюшка, позволь
Поднести тебѣ отъ Ѳедора хлѣбъ-соль;
Проситъ милости твоей онъ — бьетъ челомъ,
Хочетъ видѣться онъ съ батюшкой-царемъ!

Царь разгнѣвался и четки уронилъ.
— Развѣ мертвые выходятъ изъ могилъ?
Что-то этого не слышалъ я доселъ...
Аль въ тебѣ еще вчерашній бродитъ хмѣль,
Али шутишь ты, Романычъ, надо мной?..
Не язви меня обидою такой?!.
Коль люба тебѣ сѣдая голова,—
Береги ты пуще золота слова!.

И держалъ царю Никита рѣчь въ отвѣтъ:
— Не на правду ли наложишь ты запретъ!
Православный царь — не ворогъ; я — не трусъ!
И — прищурился — смѣется въ сивый усъ.

Царь задумался и молвилъ не спѣша:
— Говори же мнѣ, правдивая душа,
Не вчера ли я смѣялся не къ добру,
Не вчера ли огорчился на пиру,—
И не самъ ли, внявъ навѣтамъ и рѣчамъ,
Предалъ сына я на пытки палачамъ?
Или это все одинъ постылый сонъ,
И царевичъ будетъ снова возвращенъ!..
Ахъ, когда бы!..— и тяжелая слеза
Омрачила государевы глаза...

И сказалъ царю Никита, просіявъ:
— Предъ тобою, государь мой, я не правъ!

Я вчера къ себѣ царевича увезъ,—
Жалко стало мнѣ несчастнаго до слезъ,
А въ застѣнокъ я разбойника послалъ,—
Онъ за Ѳедора казнь смертную пріялъ,—
И того ты въ поминанье запиши,
А царевича за здравіе души...
Хочетъ видѣть онъ любезнаго отца!
И повелъ царя Никита до крыльца;
То не свѣтелъ мѣсяцъ сходится съ зарей,—
Съ грознымъ батюшкой царевичъ молодой.

Всколыхнулася отцовская душа,
Обнимаетъ царь Ѳеодора спѣша,
И цѣлуетъ крѣпко въ алыя уста,
Проситъ мира ради Господа Христа,
Бьетъ повинную потупленнымъ челомъ...
И къ Никитѣ обращается потомъ:

— Спасъ ты сына мнѣ, — спасъ душу отъ грѣха!
Подарю тебѣ заморскіе мѣха,
Награжу тебя богатою казной,
Звонкой утварью и пышною парчей...
Мало этого — землями одарю!..

Отвѣчалъ Никита, кланяясь царю:
— Мнѣ не надо ни казны, ни деревень
Отъ богатства только прихоти да лѣнь.
Если въ домѣ много всякаго добра,—
Плохо спится намъ до бѣлаго утра.
А коль милость твоя будетъ,—посули,—
Слово царское правдивѣе земли,—

Кто въ Никитиной усадьбѣ погоститъ,
Милость царская грѣхи тому проститъ,—
Будь убійца, будь злодѣй онъ — но его
Богъ помилуетъ, какъ гостя моего!..

СКАЗКА ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ.

—

I.

Мистеръ Кайнъ, супругъ миссъ Евы,
Молодой негоціантъ,
Простодушенъ, какъ ребенокъ,
И огроменъ, какъ гигантъ.

Онъ не разъ, забавы ради,
Тушу мерзлую быка
Разрывалъ ножомъ съ размаху,
Словно петельку шнурка.

Но при всей могучей силѣ,
Хладнокровенъ и угрюмъ,
Онъ не прочь за кружкой джина
Произвесть безпутный шумъ.

И недаромъ говорила
Мистрисъ Ева про него:
Не ее онъ любитъ — виски, —
Виски! — больше ничего.

И съ досады чѣмъ умѣла
Отплатила въ добрый часъ:
Полюбила юнгу Тома
За сіянье кроткихъ глазъ.

За улыбку и за голосъ.
И, на мужа не сердясь,
Съ милымъ юнгой тайно длила
Очарованную связь.

Мужъ не знаетъ, мужъ не видитъ,
Мужъ къ ней вовсе не ревнивъ;
За обѣдомъ пьетъ и шутитъ,
Хвалитъ соусъ изъ оливъ.

Только разъ, случайно какъ-то,
Между пудры и духовъ,
На шкатулкѣ Евы поднялъ
Бѣлый листикъ въ двадцать словъ.

Какъ игрокъ благоразумный,
Не спѣша входить въ азартъ,
Онъ читалъ — и улыбался
Въ шелкъ волнистыхъ бакенбардъ.

Двадцать словъ — почти поэма!
Двадцать словъ — почти романъ!
Часъ свиданья... вопли сердца...
Подпись... дата... и — туманъ?

Нѣтъ, здѣсь не было тумана,—
Имя Евы и число,
Все почтенному супругу
Очень кстати помогло.

Мистеръ Кайнъ вздохнулъ, блѣднѣя,
Молвилъ: помню — хорошо-съ!
И, быть можетъ отъ досады,—
Разсмѣялся онъ до слезъ.

II.

Въ часъ условленной дуэли,
Въ сумракъ стриженныхъ аллей
Мистеръ Кайнъ спѣшитъ — и гнѣвомъ
Блещетъ взоръ его очей.

Съ нимъ два друга — секунданты;
Врачъ домашній и одинъ
Адвокатъ давно знакомый,—
И у всѣхъ во фляжкахъ — джинъ.

Вотъ и Томъ — красавецъ юный,
Тоже съ другомъ. Кайнъ вздохнулъ.
И, good bay! — цѣдя сквозь зубы,
Головой ему кивнулъ.

— Мистеръ Кайнъ, къ услугамъ вашимъ
Я готовъ! промолвилъ Томъ,—
Мы рѣшимъ свой бой на шпагахъ!
— Ладно, шпаги изберемъ —

Это будетъ ближе къ цѣли
И правдивѣй — молвилъ врачъ, —
Одновременно начнете:
Тутъ судьба сама — палачъ!

III.

Шпаги вынуты изъ ноженъ, —
Поединокъ начался...
Сталь блеснула; звякъ оружій
Поцѣлуями слился.

Блещетъ сталь; ударъ ударомъ
Отшибается звеня,
Искры сыплются отъ стали,
Накаленной до огня.

Вдругъ однимъ ударомъ ловкимъ
Кайнъ отшибъ клинокъ врага, —
И вонзилъ онъ сталь въ грудь Тома
Съ торжествующимъ: ага!

Блѣдный юнга зашатался,
Молча руки опустилъ, —
И упалъ въ траву сырую,
Окровавленъ и унылъ.

Подбѣжалъ къ нему соперникъ,
Врачъ угрюмо подошелъ, —
Вѣки блѣдныя приподнялъ,
Руки слабыя развелъ.

— Сердце бьется, но онъ раненъ
На смерть! близится конецъ...
Молвилъ докторъ и прибавилъ:
«Да проститъ его Творецъ!..»

Вздрогнулъ Томъ, рукой дрожащей
Подозвалъ къ себѣ врага
И сказалъ ему: — «Узнайте,
Какъ мнѣ Ева дорога.

«Ею только сердце билось,
Только ею я дышалъ.
Дайте слово мнѣ — исполнить
То, что я ей завѣщалъ.

«Вамъ отнынѣ опасаться
Больше нечего измѣнъ.
Я прощаю вамъ; вы честный
Семьянинъ и джентельменъ.

«Такъ исполните же просьбу
Вы предсмертную мою.
Вотъ письмо: въ немъ завѣщанье —
И его вамъ отдаю!»

Мистеръ Кайнъ пообѣщался
Все исполнить. Въ тотъ же мигъ
Томъ вздохнулъ — и омрачился
Тѣнью смерти блѣдный ликъ.

IV.

Завѣщанье вскрыли тутъ же,
Передъ трупомъ. Мистеръ Кайнъ
Вслухъ прочелъ его кичливо,
Не любя семейныхъ тайнъ.

Томъ въ сердечныхъ выраженьяхъ
Передать просилъ поклонъ
Милой Евѣ — и молиться
О себѣ напомнилъ онъ.

Не велѣлъ ей много плакать,
И — о ужасъ, о скандалъ!—
Сердце, раненое сердце,
Милой Евѣ завѣщалъ.

— Вы согласны взять подарокъ?
Докторъ весело спросилъ.
— «Да, пожалуй,— это блюдо
Слишкомъ нѣжно для могилъ,—

Я беру его съ собою!..
— Къ дѣлу! молвилъ адвокатъ,—
Я такое завѣщанье
Засвидѣтельствовать радъ!

И тогда же съ важной миной,
Озираяся кругомъ,
Докторъ вынулъ сердце Тома
Хирургическимъ ножомъ.

V.

Мистеръ Кайнъ съ письмомъ въ карманѣ
И съ добычей дорогой
Возвратился очень веселъ
И таинствененъ домой.

Долго велъ переговоры
Въ кухнѣ съ поваромъ своимъ.
Въ сухаряхъ, въ бѣлкѣ яичномъ,
И подъ соусомъ густымъ

Крѣпкой сои,— приготовитъ
Сердце жареное онъ,—
Обольстительное блюдо
Для иныхъ невѣрныхъ женъ!

И потомъ, сіяя взоромъ,
Мистеръ Кайнъ женѣ сказалъ:
— «Лордъ знакомый рѣдкой дичи
Для обѣда намъ прислалъ;

«Гдѣ-то тамъ, на австралійскихъ
Островахъ живетъ она,—
Изъ породы той Жаръ-птицы,
Что въ Россіи введена!

— Лордъ внимателенъ къ намъ очень,
За вниманіе его
Благодарна я.— Конечно,
Дичь вкуснѣе оттого!..

VI.

Скушанъ супъ; бифштексъ доѣли.
Дичь заморскую несутъ:
Сердце влюбчивое Тома
Не узнали бы вы тутъ.

Въ красномъ соусѣ, салатомъ
Гарнировано оно,—
Къ дичи поданы пикули
И венгерское вино.

— Какъ вамъ нравится дичина?
Мистеръ Кайнъ жену спросилъ.
— «Дичь вкусна, но глупый поваръ
Слишкомъ дичь пересолилъ».

Мужъ потупился лукаво.
— Ты не кушаешь? — «Я сытъ,
И, признаться, всякой дичи
Не охотникъ»,— говоритъ...

Дичь докушана; горячій
Пуддингъ подали на столъ.
Мистеръ Кайнъ, хлебнувши рому,
Сталъ язвителенъ и золъ.

Вскрылъ онъ Тома завѣщанье
И читалъ его, смѣясь,
Повторяя: «Эка, подлость,—
Эта маленькая связь!»

— Что смѣшного ты читаешь?
— «Я читаю про скандалъ,
Какъ одинъ любовникъ сердце
Милой дамѣ завѣщалъ».

— Завѣщалъ любовникъ сердце,—
Это странно черезчуръ!
— «Но она еще страннѣе,
Эта лакомка изъ дуръ!

«Кто бы думать могъ, что сердце,
Такъ страдавшее по ней,
Дама скушаетъ съ салатомъ,
Какъ дичину иль филей!»

— Фи, my Lord, какъ это страшно!
Быть не можетъ,— апетитъ
Ты нарочно отравляешь!
Ева мужу говоритъ.

— «Да-съ, кошмаръ забавный этотъ
Наяву сейчасъ свершенъ!
Мужъ сказалъ — и подалъ Евѣ
Завѣщанье Тома онъ.

— «Дичь, которую такъ сладко
Смаковали вы сейчасъ, —
Вамъ подскажетъ, что вы съѣли
Сердце любящее васъ!

Мистрисъ Ева поблѣднѣла...
— Ахъ, какой ужасный грѣхъ!
Простонала, зарыдала,
И прервалъ рыданья — смѣхъ.

Истерическій припадокъ
Потрясалъ ее до ногъ
Съ головы. Суровый мистеръ
Сценъ давно терпѣть не могъ.

Онъ съ улыбкой ядовитой
Отодвинулъ шумно стулъ,
Закурилъ свою сигару
И презрительно вздохнулъ.

— Не отчаивайтесь... Ѣду
Я на биржу — мнѣ пора!..
И въ слезахъ оставилъ Еву,
И уѣхалъ со двора.

Ева стонетъ, двѣ служанки
Суетятся передъ ней...
Мистеръ Кайнъ, какъ вы жестоки
Въ эксцентричности своей!

1897 г.

ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦЪ.

(Баллада).

1.

Жилъ маленькій принцъ въ позлащенномъ чертогѣ.
Его осѣняла съ младенческихъ дней
Счастливая доля; не зналъ онъ тревоги,
Ни строгихъ упрековъ, ни робкихъ дѣтей.

2.

Безъ сверстниковъ росъ онъ, не видѣлъ онъ сверстницъ,
Его замыкалъ очарованный кругъ;
Онъ видѣлъ лишь стражу на мраморѣ лѣстницъ
И видѣлъ поклоны блистающихъ слугъ.

3.

Прелестныя рощи дворецъ окружали,
Въ душистой прохладѣ тѣнистыхъ аллей
Изъ каменныхъ гротовъ каскады журчали
И шумъ ихъ падучій былъ вихря звучнѣй.

4.

Надъ зеркаломъ водъ, окаймленныхъ цвѣтами,
Мосты выгибали узоры перилъ;
Изъ вазы бассейна, сребрясь подъ лучами,
Фонтанъ поднимался и брызги дробилъ.

5.

Все было забавой для юнаго принца,
Лужайки и гладь серебристыхъ озеръ,—
И кроткіе звѣри подъ сѣнью звѣринца
Ему услаждали и тѣшили взоръ.

6.

Гдѣ высились пихты, на мягкихъ пригоркахъ,
Бродила кудрявыхъ барашковъ семья;
Ручныя лисицы въ искусственныхъ норкахъ
Пугливо дремали, лукавство тая.

7.

Подъ алой попоной ушатый осленокъ
Съ веселой газелью неловко игралъ;
Задумчивый аистъ, и важенъ, и тонокъ,
У плетня рѣзного, какъ сторожъ, дремалъ.

8.

Отбившись отъ рукъ замечтавшейся няни,
Царевичъ бѣжалъ къ безсловеснымъ друзьямъ.
Къ нему подбѣгали покорныя лани —
И кормъ подносилъ онъ къ ихъ влажнымъ губамъ.

9.

Бѣжалъ онъ къ озерамъ, гдѣ стройно темнѣли
Кусты молодые, тѣснясь въ полукругъ,
Гдѣ быстры, какъ змѣйки, стекались форели
И крошки ловили изъ царственныхъ рукъ.

10.

Какъ весело было малюткѣ теребить
Росою обрызганный кустъ у пруда,
Гдѣ вдругъ былъ разбуженъ испуганный лебедь,—
И шумно отъ крыльевъ вскипала вода.

11.

Но только все чаще, все больше съ годами
Счастливаго принца темнили мечты.
Онъ думалъ: зачѣмъ за моими садами
Возвысились стѣны, какъ вражьи щиты?

12.

Тѣ стѣны его ограждали отъ міра,
Отъ гнѣвной борьбы, отъ несчастныхъ людей.
А принцъ жилъ для счастья; вѣнецъ и порфира
Должны быть невиннѣй небесныхъ лучей.

13.

Со взоромъ ребенка, съ душою поэта,
Смиренный наставникъ ему говорилъ,
Что тамъ, за стѣною, сокрыта отъ свѣта
Толпа свѣтозарныхъ, таинственныхъ силъ.

14.

Онѣ ему ткутъ кружева на подушки,
И шелкъ для одежды, и ткань на ковры,
И феи оттуда приносятъ игрушки
Ему съ недоступной высокой горы.

15.

— «А можно ихъ видѣть?» принцъ спрашивалъ робко.
— Нельзя, недоступно!—онъ слышалъ въ отвѣтъ.
И дѣтскимъ разбѣгомъ пробитая тропка
Все шире къ стѣнѣ пролагала свой слѣдъ.

16.

Чуть вечеръ вершины деревъ зарумянитъ,
Ребенокъ бѣжитъ къ неприступной стѣнѣ,
На цоколь статуи задумчиво встанетъ
И долго мечтаетъ въ нѣмой тишинѣ.

17.

«Какіе счастливцы живутъ за стѣною?—
О, если хоть разъ заглянуть бы туда!»
И много видѣній лучистой толпою
Въ умѣ проплываютъ—бѣгутъ безъ слѣда.

18.

И долго сидитъ у стѣны онъ, вздыхая...
Онъ мнитъ, что подъ вечеръ взойдетъ за стѣной
Луна въ небесахъ, но луна не такая,
Какую онъ видитъ всегда надъ собой.

19.

А тамъ, за стѣной, суетою и торгомъ
Жизнь дико шумѣла, какъ въ морѣ гроза.
Онъ ждалъ, онъ кипѣлъ непонятнымъ восторгомъ;
Уста улыбались, пылали глаза.

20.

На пряжкахъ чулокъ развязалися банты...
Темнѣло... туманъ поднимался съ земли...
Вечернюю зорю играли куранты,
И звуки, какъ слезы, въ затишьи текли.

21.

День снова ушелъ. Онъ какъ прежде не знаетъ,
Что скрылъ такъ ревниво стѣною чертогъ?
Когда-жъ онъ загадку свою разгадаетъ,
Когда же отпустятъ за темный порогъ?

22.

И слышитъ въ отвѣтъ онъ: «увидитъ—поспѣетъ!»
Увидитъ, что скрыто за крѣпкой стѣной
Тогда лишь, какъ пухъ надъ губой зачернѣетъ
И ростомъ онъ будетъ съ дубокъ молодой.

23.

И вотъ надъ губою усы затемнѣли;
Онъ строенъ; онъ выросъ съ дубокъ молодой...
Заздравные кубки въ чертогѣ звенѣли,
Привѣтствуя принца съ расцвѣтшей душой.

24.

Но, чокаясь дружно отвѣтнымъ бокаломъ,
Улыбкой даря обольщенныхъ гостей,
Принцъ нѣжною думой слѣдитъ не за баломъ
И ждетъ не дождется разсвѣтныхъ лучей.

25.

Онъ жаждетъ увидѣть желанное чудо,
Что скрыто стѣною, какъ мракомъ завѣсъ,—
Какіе онъ перлы добудетъ оттуда,
Чѣмъ гордость насытитъ изъ міра чудесъ.

26.

Онъ ждетъ и трепещетъ огнемъ лихорадки,
Онъ кудри пышнѣй разметалъ по плечу,
Оправилъ плаща драгоцѣннаго складки
И весь онъ сіяетъ, подобенъ лучу.

27.

По лѣстницамъ звучнымъ принцъ шествуетъ бодро...
Онъ радъ, что дождался свободнаго дня,
И треплетъ коня горделивыя бедра...
Вотъ шпорами брякнулъ — и сѣлъ на коня.

28.

Раскрылися стѣны. Принцъ ѣдетъ — и что же
Онъ видитъ, свергая тяжелый запретъ?
Какъ мало все это на грезы похоже,
На сны золотые младенческихъ лѣтъ.

29.

Сырая дорога чернѣетъ неровно;
У стѣнъ заповѣдныхъ тѣснятся кругомъ,
Какіе-то камни, и щебень, и бревна,
Кирпичъ, и рогожи, и кучи съ пескомъ.

30.

Въ тяжелыхъ одеждахъ поспѣшные люди
Снуютъ съ озабоченнымъ мракомъ лица...
Такъ вотъ о какомъ онъ загадывалъ чудѣ,
Такъ вотъ что скрывалось за паркомъ дворца!

31.

Онъ ѣдетъ въ селенье. Какъ мрачно! Заранѣ,
Привѣтствуя славнаго принца приходъ,
Спѣшитъ въ драпировки, гирлянды и ткани
Скрыть ветхую бѣдность тщеславный народъ.

32.

Но что-жъ не скрываетъ онъ копоть одежды,
Убогія дровни и жалкихъ коней?
Царевичъ блѣднѣетъ, и меркнутъ надежды
Предъ горькою правдой прозрѣвшихъ очей.

33.

Такъ вотъ эти гномы, кѣмъ созданы парки,
Кѣмъ созданъ его величавый чертогъ...
Такъ вотъ эти феи, что слали подарки
Къ нему, чтобъ онъ счастьемъ насытиться могъ!

34.

Задумчиво ѣдетъ царевичъ обратно
И грустно онъ входитъ подъ своды дворца...
Теперь ему стало несчастье понятно,
И нѣтъ ему счастья подъ кровомъ отца.

35.

Онъ бархатъ свой роздалъ, онъ мечъ свой забросилъ,—
Былыя забавы постыли ему;
На лодкѣ любимой не слышенъ плескъ веселъ,
Не будитъ звукъ арфы вечернюю тьму.

36.

Онъ чаще, все чаще чертогъ покидаетъ,—
Онъ учится жизни въ иной сторонѣ,
И радость былая дымится и таетъ,
Какъ воскъ ароматный на яркомъ огнѣ.

37.

Бѣднѣе одежда на ласковомъ принцѣ,
Грустнѣе мерцанье стыдливыхъ очей,
И перстень не блещетъ на бѣломъ мизинцѣ—
Онъ голоду брошенъ въ пучину страстей.

38.

Принцъ темныя кудри остригъ; какъ невольникъ,
До ночи глубокой скрывается онъ,—
Гдѣ жизнь и жужжитъ, и хлопочетъ, какъ пчельникъ,
Какъ будто бы ищетъ умчавшійся сонъ.

39.

И скоро покинутъ былъ принцемъ печальнымъ
Дворецъ заповѣдный. Напрасно гонцы
Искали по странамъ и ближнимъ, и дальнимъ,—
Надменно стучася въ чужіе дворцы.

40.

Принцъ сгинулъ! Исчезъ, какъ залетная птица
Въ разсвѣтномъ туманѣ. Какъ вздохъ отошелъ!
И если погибъ онъ, то гдѣ же гробница?
И если живетъ онъ,—то гдѣ же престолъ?

ДѢДУШКИНА ТАЙНА.

Пьеса въ одномъ актѣ.

ЛИЦА.

Дмитрій Авдѣеевичъ Кременьковъ, молодой художникъ, пріѣхавшій на побывку въ имѣніе.

Егоръ Никитичъ, старикъ, бывшій садовникъ изъ крѣпостныхъ.

Дуня, дочь Никитича.

Агриппина Арсеньевна, портретъ бабушки.

Ксенофонтъ Ивановичъ Кременьковъ, портретъ дѣдушки, мужа Агриппины.

Мѣсто дѣйствія въ старой дворянской усадьбѣ. Время — шестидесятые годы.

Сцена представляетъ комнату помѣщичьяго дома. Мебель старинная, изъ краснаго дерева; глубокіе диваны и кресла; массивный комодъ, шкафъ. Большая изразцовая печь.—На стѣнѣ два портрета: Агрипины и Ксенофонта Кременьковыхъ. Онъ—мужчина среднихъ лѣтъ, съ орденомъ въ петличкѣ; прическа и костюмъ временъ Павла I. Она—моложавая женщина, съ желчнымъ лицомъ, въ букляхъ, затянутая въ рюмочку, на плечахъ легкая шаль.—На столѣ передъ зеркаломъ ваза съ искусственными цвѣтами. Вся обстановка, тяжелая и мрачная, напоминаетъ начало нынѣшняго столѣтія.—Въ большія окна виденъ садъ. Вечерѣетъ.—При поднятіи занавѣса сцена нѣсколько мгновеній пуста.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входитъ **КРЕМЕНЬКОВЪ** съ дорожнымъ сакомъ, за нимъ съ лампою **НИКИТИЧЪ** и **ДУНЯ**, которая вноситъ вещи Кременькова.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Вотъ, старина; я здѣсь и заночую.

НИКИТИЧЪ.

Такъ-съ, ваша милость, слушаю! Дуняша,
Оставь здѣсь вещи барина; да живо
Распорядись поставить самоварчикъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Не хлопочи! поѣлъ я на вокзалѣ;
Теперь—не прежде, по дорогѣ можно
Наѣсться и напиться.

40

ДУНЯ.

Все же баринъ,
На радости свиданья хлѣба соли
Откушать просимъ и у насъ.

НИКИТИЧЪ.

Соленья
Есть разныя, наливки и настойки.
Все сами варимъ, сушимъ—мастерица
Моя Дуняша все умѣетъ справить.
[Дунѣ] Чего стоишь разиня ротъ... ступай!

[Дуня уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, безъ ДУНИ.

НИКИТИЧЪ.

Давненечко васъ, баринъ, не видали.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Да, лѣтъ двѣнадцать, а пожалуй больше...
Неужли же та дѣвочка Дуняша,
Съ которою въ горѣлки мы играли
Сейчасъ была?

НИКИТИЧЪ.

Та самая, такъ точно.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Ужель она! Совсѣмъ бы не узналъ,

Какъ выросла и какъ похорошѣла,—
Такихъ красавицъ рѣдко я встрѣчалъ.

НИКИТИЧЪ.

Пошли Господь ей добраго здоровья,—
Помощница она мнѣ старику.
Что самъ не догляжу—она поправитъ.
Вотъ и теперь—все помнила о васъ,
Все горницы почище прибирала.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Спасибо, въ добрый часъ!
Совсѣмъ, совсѣмъ красавицею стала...
А въ комнатахъ попрежнему тепло
И непривѣтливо. Въ саду еще свѣтло,
А здѣсь ужъ сумерки.

НИКИТИЧЪ.

Да-съ, отъ деревьевъ это.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Игра тѣней и свѣта!
Все чистенько, опрятно, тишиной
Келейною проникнуто, уныло.

НИКИТИЧЪ.

Да-съ, такъ же, какъ и прежде было.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

И также пахнетъ мятною травой!

НИКИТИЧЪ.

А ночевать не боязно вамъ будетъ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Чего бояться? Привидѣній, что ли!

НИКИТИЧЪ.

Всего бываетъ, ваша милость.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Только
Не привидѣнья. Это — предразсудокъ,
Пустыя бредни, бабьи сказки, ложь!

НИКИТИЧЪ [указывая на портретъ Агриппины Арсеньевны].

А посмотрите, ваша милость, ровно
Покойница-то, бабушка смѣется,
Нехорошо смѣется,—не къ добру!

КРЕМЕНЬКОВЪ [разсматривая портретъ].

Гдѣ, на портретѣ? Я не замѣчаю;
Довольно плоско тощее лицо.
Художникъ былъ неважный подражатель
Старинныхъ итальянскихъ мастеровъ.
Ишь сколько мраку въ тонѣ напустилъ!
Какъ кружево онъ вырисовалъ тонко,
Какъ каждый штрихъ прилежно закруглилъ!
А все же въ общемъ—блѣдно и несмѣло.
Рисунокъ виденъ—и не видно тѣла.

НИКИТИЧЪ.

Вотъ въ дѣдушкѣ, покойномъ Ксенофонтѣ
Ивановичѣ, ласковости больше.
А тоже, будь не къ полночи помянуть,
Куда какъ крутъ былъ на руку покойникъ.
Чуть не по немъ что выйдетъ,—на конюшню
Велитъ прогнать, а тамъ ужъ судъ плохой!

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Да было время грубыхъ произволовъ
И пошлости и всяческихъ обидъ!
Не вспоминай, Никитичъ,—и молися,
Что старыя напасти миновали.
Богъ дастъ во слѣдъ зари освобожденья
И солнце просвѣщенія блеснетъ.

НИКИТИЧЪ.

Вамъ, молодымъ, дай Богъ увидѣть больше
Хорошаго, а мы ужъ въ землю смотримъ!
Довольно послужили, потерпѣли;
Намучилися косточки,—намъ счастье
Одно теперь—подъ крышкой гробовою.
Что мы несли—то знаетъ Богъ да горбъ!

[Входитъ **Дуня**, уставляетъ приборы и закуску на столъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и ДУНЯ.

КРЕМЕНЬКОВЪ [ласково слѣдитъ за Дуней, потомъ подходитъ къ ней].

Какъ поживаешь? Здравствуй, дорогая!
Давненько мы съ тобою разлучились;
Вѣдь я тебя совсѣмъ бы не узналъ.
Ну, дай же ручку—будемъ какъ родные.

ДУНЯ.

Ахъ, баринъ, что вы,—я простая дѣвка!

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Вотъ пустяки, смѣшная отговорка!
Вѣдь мы съ тобой такіе же ребята,
Какими прежде были. Только проще,
Наивнѣе смотрѣли мы на жизнь,
И ты тогда нѣжнѣй меня любила.
Какъ плакала ты горько при прощаньи,
Когда меня родные отвозили
Въ военный корпусъ. Вспомни-ка то время!

ДУНЯ.

Какъ мнѣ не помнить! Очень помню, баринъ,
То времечко, что зорька, золотое!
Тамъ за рѣкой, въ сосновой рощѣ, много
Я плакала, какъ съ вами разставалась.
А вы меня утѣшить все старались

И слезы мнѣ платочкомъ утирали,
Платочекъ тотъ на память подарили,
И до сихъ поръ его я берегу.
И, помните,—тогда вы говорили,
Что къ намъ вернетесь въ киверѣ, въ мундирѣ.
Что-жъ, баринъ, вы военнымъ не вернулись?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Не по душѣ военное мнѣ дѣло!
Ты вспомнила ребяческія бредни.
Себѣ избралъ другую я дорогу.
Художникъ сталъ; пишу картины. Это
Со мной багажъ. Тутъ краски и наброски.
Я думаю заняться здѣсь, въ деревнѣ.
Вотъ и тебя, красавицу, пожалуй
Перенесу на полотно. Хотѣла-бъ?

ДУНЯ.

Смѣетеся. Ужъ будто я красива?
Видали, чай, получше насъ, мужичекъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Съ чего взяла, что я смѣюсь? Неправда!
Вотъ подожди; я красками въ такую
Тебя принцессу превращу, что любо!
Къ тебѣ пристанетъ золото и бархатъ.
Что-жъ, хочешь быть натурщицей моей?

ДУНЯ.

Не понимаю вашихъ словъ я, баринъ,
А чуется, что доброе сказали.
Спасибо вамъ за ласковое слово.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Ты точно всё чуждаешься меня
И всё косишься въ сторону... дикарка!

ДУНЯ.

Напрасно, баринъ, это говорите.
Я рада такъ, что и глазамъ не вѣрю,
А высказать всё—словъ не нахожу.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Такъ говори хотя на «ты» со мною;
Все «вы», да «вы»—вѣдь это не по-братски!

ДУНЯ.

Ужъ если ты писать съ меня такъ хочешь,—
То не принцессу—больно я космата,
Пиши съ меня морское чудо лучше.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Морское чудо!—Это что такое?

ДУНЯ.

А вотъ тѣ дѣвки, что въ руслѣ ютятся,
Что ткутъ на днѣ тенета для пловцовъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Русалку?

ДУНЯ.

Да, малюй съ меня русалку.

НИКИТИЧЪ.

Ишь выдумала, глупая дѣвчонка—
Какіе страхи на ночь говорить.
Отъ словъ такихъ наспитъ немного баринъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Вотъ глупости, вѣдь не ребенокъ я.

ДУНЯ [всматриваясь въ портретъ Агрипины Арсеньевны].

А старая-то барыня какъ будто
Все хмурится. Глядите-ка: блѣднѣе,
Суровѣе лицо ея, чѣмъ было.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Пускай себѣ! Чего тебѣ пугаться.
То копія съ оригиналовъ блѣдныхъ!
Ты у меня не такъ заговоришь,
Когда съ холста правдиво улыбнешься.

НИКИТИЧЪ [боязно озирая комнату и стараясь перемѣнить разговоръ].

Что-жъ, баринъ, не закусите съ дорожки?

КРЕМЕНЬКОВЪ [наливаетъ и пьетъ].

За Дунино здоровье!

ДУНЯ.

Пейте, баринъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Ну, чокнемся.

41

ДУНЯ.

Виномъ я не балуюсь.

НИКИТИЧЪ.

Она и точно, сударь, у меня
Немного избалована. Съ пріѣздомъ!
На доброе здоровье, пейте, сударь. [Низко кланяется].

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Да, да... у васъ я погощу подольше.
И Дуня попривыкнетъ—и чуждаться
Меня не будетъ... такъ ли говорю я?

НИКИТИЧЪ.

Спасибо вашей милости; Дуняша,
Да кляняйся же барину пониже.

ДУНЯ.

Сердечко мое чувствовало ровно,
Что и въ разлукѣ баринъ не забудетъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Да, милая, тебя не забывалъ я,—
Всегда въ мечтахъ со мною ты была.
И, можетъ быть, недолго ждать осталось,
Когда тебѣ принадлежать я буду.

НИКИТИЧЪ [про себя].

Вотъ истиннаго счастья дождалися,—
Вѣдь баринъ-то влюбился не на шутку.

ДУНЯ.

Что ты сказалъ? Я плохо разумѣю
Тои слова.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Уразумѣешь послѣ.

ДУНЯ.

Аль я тебѣ пришлася по душѣ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Да, милая, тебя одну люблю я,
Какъ никого доселѣ... Что съ тобою?
Ты будто бы дрожишь.

ДУНЯ.

Мнѣ показалось,—
Вашъ дѣдушка съ портрета мнѣ мигнулъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Вамъ спать пора — я не даю покоя!
Я думаю, вы рано здѣсь ложитесь?..
Сегодня сонъ перегуляла, Дуня,
И стала дурь мерещиться тебѣ.
Спокойной ночи — спать пора ложиться.

НИКИТИЧЪ.

Такъ, сударь, здѣсь и ляжете?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Конечно.
Не безпокойтесь, спать скорѣй идите...

Спокойной ночи, милая моя,
Пусть счастье снится... больше, больше счастья.

НИКИТИЧЪ.

И вамъ дай Богъ, за вашу доброту —
И сладкихъ сновъ, и добраго здоровья,
И счастья столько наяву, сколь Дунѣ
Желаете во снѣ увидѣть вы.

[Кланяются и уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

КРЕМЕНЬКОВЪ [одинъ].

Какъ много разъ я порывался вновь
Увидѣть Дуню—и теперь увидѣлъ.
Красавица! Ее воображая,
Не могъ себѣ представить я такой
Плѣнительной, наивной и прелестной!
Дитя природы—милое дитя!
Въ ея глазахъ мелькнулъ мнѣ свѣтъ забытый
Моихъ надеждъ и юности моей.
Какъ счастливъ тотъ, кто назоветъ своею
Ее на вѣкъ... Ужели я не буду
Счастливцемъ тѣмъ и въ бракъ съ ней не вступлю.
Нѣтъ, кончено,—и рѣшено теперь же!
Она мнѣ музой ласковою будетъ,
И доброю хозяйкой, и женой.
Какъ много думъ и замысловъ прекрасныхъ
Родилося въ душѣ моей при взглядѣ
На свѣтлую улыбку милой Дуни.
Но для чего ей вздумалось, чтобъ чудо

Морское я писалъ съ нея... Чудачка!
Я подсмотрю ее на огородѣ,
Или въ лѣсу, иль въ полѣ за работой—
Съ нея эскизъ правдиво набросаю
Такой, какая есть она: простая,
Наивная,—красивѣй всѣхъ принцессъ...
Признаться стыдно,—а на самомъ дѣлѣ,
Вѣдь я сюда пріѣхалъ изъ-за ней же,—
А то удралъ куда-нибудь бы къ морю,
На теплый югъ, гдѣ ярче краски; тоны
Живѣе и сочнѣе; гдѣ завиднѣй
Для творчества художника просторъ.
[За окномъ слышно, какъ сторожъ бьетъ въ доску].
Однако спать пора! напоминаютъ,
Что мой покой оберегаютъ здѣсь.
[Подкладываетъ подъ голову подушку, укрывается пледомъ, гаситъ лампу].

Нѣкоторое время на сценѣ тихо. Изъ оконъ ослѣпительно ярко сіяетъ луна. Слышно, какъ за обоями скребутся мыши; звенитъ сверчокъ. Слышны вздохи спящаго Кременькова. Въ сосѣдней комнатѣ часы гулко бьютъ полночь. Въ портретахъ движеніе. Фигура **Агрипины** исчезаетъ въ рамѣ, оставляя одинъ коричневый фонъ.

Въ то же время, какъ изображеніе **Агрипины Арсеньевны** исчезаетъ въ рамѣ,—она появляется изъ-за печки въ такомъ же нарядѣ, какъ была на портретѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АГРИПИНА АРСЕНЬЕВНА и спящій **КРЕМЕНЬКОВЪ**.

АГРИПИНА.

Кто это здѣсь? Кого судьба послала?
А, узнаю!—нашъ внучекъ дорогой.

Добро пожаловать! [**Обращаясь къ портрету мужа**].
А вы, мой мyженекъ!
Сегодня вы не вышли изъ засады,—
Припомнили, небось, свои грѣшки.
Припомнили еще одну подробность
Изъ вашихъ дѣлъ... неправда ли, ха, ха!

ГОЛОСЪ МУЖА [**изъ портрета**].

Mon ange, Agrie, опять браниться будешь;
Опять жабо съ досады изомнешь!—
А все же выйду. Старый бригадиръ,
Виды видавшій, съ княземъ Италійскимъ
Суворовымъ ходившій на врага,
Не побоится никого на свѣтѣ!
Allons! Разъ-два!

Изображеніе на фонѣ рамы исчезаетъ и **Ксенофонтъ Ивановичъ** выходитъ изъ-за угла печки.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и КСЕНОФОНТЪ ИВАНОВИЧЪ.

КСЕНОФОНТЪ.

Вотъ какъ шагаемъ мы!

АГРИПИНА.

Сюда, сюда поближе! Къ полосѣ
Сіяющаго мѣсяца поближе!
Не то растаять можете вы.

КСЕНОФОНТЪ.

Агри!
Какъ ты блѣдна; блѣднѣй, чѣмъ постоянно.
Отъ пудры это, или отъ луны?

АГРИПИНА.

Я вся дрожу. Вы слышали — здѣсь новость;
Законный внучекъ—Митя нашъ пріѣхалъ.

КСЕНОФОНТЪ.

Я, кажется, его здѣсь голосъ слышалъ?

АГРИПИНА.

Да, онъ былъ здѣсь—и внучка ваша Дуня
Его успѣла взять къ себѣ въ полонъ.

КСЕНОФОНТЪ.

Какая внучка? и какая Дуня?

АГРИПИНА.

Да внучка той коровницы несчастной,
Той Акулины, дочку отъ которой
Вы прижили!.. И выдали,—какъ помню,—
За вашего садовника. Никитичъ
Зовется онъ.

КСЕНОФОНТЪ.

Для памяти оглохъ я!

АГРИПИНА.

Нѣтъ, давности грѣхамъ не можетъ быть.

Вы скрыть хотѣли тайну вашу. Помню,
Въ крещенскій холодъ выгнали зачѣмъ-то
Въ село другое Акулину.

КСЕНОФОНТЪ.

Агри!
Брр! Холодно!.. Да, холодно тогда
И страшно было, какъ въ могилѣ страшно!

АГРИПИНА.

Дрожите вы! Умереть или замерзнеть,
Вы думали, несчастная въ дорогѣ —
Съ ребенкомъ вмѣстѣ,—съ тѣмъ, который бился
У ней подъ сердцемъ... и—вашъ грѣхъ схоронитъ!

КСЕНОФОНТЪ.

Не вспоминай, мнѣ это тяжело.

АГРИПИНА.

Но суждено иное было. Бѣдный
Ребенокъ спасся—грѣхъ вашъ сохранился!..
Припомните Настасью старушонку,
Ту жалкую, что уличнымъ мальчишкамъ
Посмѣшищемъ служила... Не она ли
Иззябшую родильницу въ избушку
Къ себѣ взяла!?.. была ей повитухой, —
Спасла младенца... Мать же волей Божьей
Скончалася въ горячкѣ.

КСЕНОФОНТЪ.

Помню, помню!

Не вспоминай! Несчастная Настасья
Всегда грѣхи замаливала наши.

АГРИПИНА.

Да, муженекъ! И дочка той Машутки,
Той вашей дочки, вынянченной соской, —
Теперь прекрасно расцвѣла. Дыханье
Ея здѣсь слышно въ воздухѣ. Дуняшей
Красавицей зовутъ ее.

КСЕНОФОНТЪ.

Мнѣ дурно!
Не говори,—я точно въ молокѣ
Купаюся, въ мерцаньи бѣломъ этой
Тоскующей попрежнему луны.

АГРИПИНА.

О, не шатайтесь! Если дурно — къ сердцу
Вы зеркало скорѣе приложите.
Оно, какъ мы, холодное, — насъ грѣетъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ [во снѣ].

Лунатики!

АГРИПИНА.

То бредитъ внукъ нашъ.

КСЕНОФОНТЪ.

Слышу.
Онъ видитъ насъ, но я его не вижу!
Гдѣ онъ теперь?

АГРИПИНА.

Онъ былъ недавно здѣсь.
Онъ съ Дуней подружился и пожалуй
Въ союзъ съ ней брачный вступитъ безразсудно.

КСЕНОФОНТЪ.

Тѣмъ лучше... пусть несчастье Акулины
Хоть счастьемъ Дуни будетъ.

АГРИПИНА.

Никогда!

КСЕНОФОНТЪ.

Но вѣдь они другъ друга любятъ страстно.
Прости же ихъ...

АГРИПИНА.

О, я любовь разрушу!
Я, урожденная графиня Киребо,
Не потерплю насмѣшки надъ собою.
Я помню кровь своихъ любезныхъ предковъ.
И если онъ судьбу свою замыслитъ
Слить съ жалкою судьбой рабыни бывшей —
Я, какъ игрушку, счастье разобью.

КРЕМЕНЬКОВЪ [во снѣ].

Какъ тяжело!

АГРИПИНА.

Но будетъ тяжелѣе,
Когда меня ослушаешься. Если

Ты вступишь въ бракъ съ презрѣнною дѣвчонкой,
Тебя лишу я славы и богатства.
Изсякнетъ твой талантъ, а капиталы
Съ имѣньями, съ угодьями, съ землею
Всѣ утекутъ, какъ дождевыя капли
Сквозь рѣшето дырявое. Ты будешь
Несчастье мыкать въ чердакахъ, въ подвалахъ
И проклянешь день встрѣчи съ Дуней...

КРЕМЕНЬКОВЪ [во снѣ].

Тяжко!

КСЕНОФОНТЪ.

Какъ зла ты стала, какъ несправедлива.
Не къ вѣдьмамъ ли лукавымъ приписалась,
Въ ихъ шалый цехъ?

АГРИПИНА.

Но вы должны сознаться,
Что вѣчная хозяйка въ этомъ домѣ —
Я — только я!

КСЕНОФОНТЪ.

Была хозяйкой прежде...
А нынче ты не болѣе чѣмъ призракъ.
И власть твоя подобна тѣмъ личинкамъ
Голодной моли, что, съ весной воскреснувъ,
Согрѣтыя лучами, портятъ мебель
И портятъ холстъ портретовъ дорогихъ!

АГРИПИНА.

А, вы меня хотите уколоть.
Но знайте же, что гнѣвъ мой — громъ не

До времени сокрытый. Не даю я
Согласія на избранный союзъ.
Пусть выбираетъ что-нибудь любое
Нашъ юный внукъ: богатство, роскошь, славу,
Или союзъ съ дѣвчонкой крѣпостной.

КРЕМЕНЬКОВЪ [во снѣ].

Пророчества! Угрозы... Боже мой!

АГРИПИНА.

Да, милый внукъ, тебя предупреждаю
И ворожу, какъ бабка, надъ тобой!
Когда рѣшенью измѣнишь — то вѣрно
Прославишься ты знатною судьбой.
Изъ края въ край твое промчится имя
И славою за Альпы ты шагнешь.
Ты въ студіяхъ своихъ увидишь принцевъ,
Придворныхъ дамъ и даже королевъ.
На берегахъ шести морей роскошно
Раскинутся твои помѣстья. Слуги
Благословятъ твое великодушье,
И лучшіе умы всѣхъ государствъ
Доискиваться дружбы твоей станутъ.
Ты будешь тѣмъ, о чемъ мечталъ когда-то:
Богатъ, какъ Крезъ, великъ, какъ Рафаэль!

КРЕМЕНЬКОВЪ [во снѣ].

О, счастіе какое ты пророчишь!

АГРИПИНА.

И это счастье огненною вязью
Начертано уже твоей звѣздою

Въ небесныхъ сферахъ. Если же къ рѣшенью
Останешься ты твердъ и непреклоненъ,—
Тогда фортуны гнѣвной колесо
Сломаетъ ось... и съ брачнымъ поцѣлуемъ
Начертаннаго счастья письмена,
Какъ чертежи на аспидной доскѣ,
Отъ влажнаго дыханія растаютъ!

КСЕНОФОНТЪ.

О, пожалѣй! Ему должно быть тяжко
Отъ словъ твоихъ пророческихъ.

АГРИПИНА.

Довольно
Сказала все — и мой обѣтъ исполненъ.
Онъ долженъ самъ свой жребій довершить.
Подайте руку.

КСЕНОФОНТЪ.

Гдѣ твоя рука?
Я не могу найти ее. Мнѣ страшно—
Луна заходитъ.

АГРИПИНА.

Поскорѣй! Я слышу
Въ саду проснулся воронъ, отряхая
Съ тяжелыхъ крыльевъ блѣдную росу.
Какъ страшенъ сумракъ передъ утромъ. Тише!
Подпольныхъ крысъ покой не потревожь!

[**Агрипина** и **Ксенофонтъ** тихо уходятъ. Въ ту же минуту в рамахъ появляются изображенія портретовъ].

Сцена **нѣкоторое время пуста. Свѣтаетъ. Слышно пѣніе пѣтуховъ Сквозь окна видна заалѣвшая заря. Кременьковъ тревожно ворочается, вздыхаетъ и просыпается.**

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРЕМЕНЬКОВЪ [проснувшись, одинъ].

Ужъ разсвѣло! Вотъ странный сонъ я видѣлъ.
Изъ рамъ своихъ портреты снова смотрятъ,
Какъ будто бы невинные! Ну, бабка!
Ну, Агрипина — вѣщая колдунья!
Ужели шагъ замыслилъ я преступный!
Чего, чего она не насулила!
Отъ духоты кошмаръ, должно быть, это.
Пора вставать. Окно открыть не худо.
Какое утро! Что за благодать!

[Встаетъ, открываетъ окно. За сценой слышится пѣніе **Дуни**].

ДУНЯ [за сценой].

«Здравствуй, милая красотка,
Изъ какого ты села?
— «Вашей милости крестьянка»,
Отвѣчала ему я.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Она поетъ. Какой пріятный голосъ.
Но что за блажь ей въ голову пришла!..
Зачѣмъ бы пѣть ей сладенькую пѣсню?..
Ну, задалъ же задачу мнѣ кошмаръ!

[За сценой снова пѣніе **Дуни**].

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Когда еще я дорожу собою,
То надо вѣрить предразсудку. Надо
Отъ бреда сердца отказаться. Съ Дуней
Скорѣй разстаться—и удрать, покуда
Я не совсѣмъ еще въ ея сѣтяхъ.
А то совсѣмъ заплеснѣешь здѣсь, въ старомъ,
Глухомъ гнѣздѣ... И поминай, какъ звали
Фантазій горделивыхъ вдохновенья...
Прощайте, слава! И прощайте — силы!

[Снова слышно пѣніе **Дуни** за сценой].

Зачѣмъ поешь ты крѣпостную пѣсню,
Наивное, несчастное дитя?

[Подходитъ къ портрету Агриппины].

Какой сарказмъ на складкахъ горделивыхъ
Холодныхъ губъ. Не замѣчалъ я раньше.
Недаромъ же Никитичу она
Не нравилась... Ну, задала-жъ задачу!..
Не то смѣюсь, не то какъ будто плачу...

[Входитъ **Никитичъ**].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

НИКИТИЧЪ и **КРЕМЕНЬКОВЪ**.

НИКИТИЧЪ.

Какъ почивать изволили, Димитрій
Авдѣевичъ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Какъ почивалъ... недурно.

Сцена нѣкоторое время пуста. Свѣтаетъ. Слышно пѣніе пѣтуховъ Сквозь окна видна заалѣвшая заря. Кременьковъ тревожно ворочается, вздыхаетъ и просыпается.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРЕМЕНЬКОВЪ [проснувшись, одинъ].

Ужъ разсвѣло! Вотъ странный сонъ я видѣлъ.
Изъ рамъ своихъ портреты снова смотрятъ,
Какъ будто бы невинные! Ну, бабка!
Ну, Агрипина — вѣщая колдунья!
Ужели шагъ замыслилъ я преступный!
Чего, чего она не насулила!
Отъ духоты кошмаръ, должно быть, это.
Пора вставать. Окно открыть не худо.
Какое утро! Что за благодать!

[Встаетъ, открываетъ окно. За сценой слышится пѣніе **Дуни**].

ДУНЯ [за сценой].

«Здравствуй, милая красотка,
Изъ какого ты села?
— «Вашей милости крестьянка»,
Отвѣчала ему я.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Она поетъ. Какой пріятный голосъ.
Но что за блажь ей въ голову пришла!..
Зачѣмъ бы пѣть ей сладенькую пѣсню?..
Ну, задалъ же задачу мнѣ кошмаръ!

[За сценой снова пѣніе **Дуни**].

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Когда еще я дорожу собою,
То надо вѣрить предразсудку. Надо
Отъ бреда сердца отказаться. Съ Дуней
Скорѣй разстаться—и удрать, покуда
Я не совсѣмъ еще въ ея сѣтяхъ.
А то совсѣмъ заплеснѣешь здѣсь, въ старомъ,
Глухомъ гнѣздѣ... И поминай, какъ звали
Фантазій горделивыхъ вдохновенья...
Прощайте, слава! И прощайте — силы!

[Снова слышно пѣніе **Дуни** за сценой].

Зачѣмъ поешь ты крѣпостную пѣсню,
Наивное, несчастное дитя?

[Подходитъ къ портрету Агрипины].

Какой сарказмъ на складкахъ горделивыхъ
Холодныхъ губъ. Не замѣчалъ я раньше.
Недаромъ же Никитичу она
Не нравилась... Ну, задала-жъ задачу!..
Не то смѣюсь, не то какъ будто плачу...

[Входитъ **Никитичъ**].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

НИКИТИЧЪ и **КРЕМЕНЬКОВЪ.**

НИКИТИЧЪ.

Какъ почивать изволили, Димитрій
Авдѣевичъ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Какъ почивалъ... недурно.

Сцена нѣкоторое время пуста. Свѣтаетъ. Слышно пѣніе пѣтуховъ Сквозь окна видна заалѣвшая заря. **Кременьковъ** тревожно ворочается, вздыхаетъ и просыпается.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРЕМЕНЬКОВЪ [проснувшись, одинъ].

Ужъ разсвѣло! Вотъ странный сонъ я видѣлъ.
Изъ рамъ своихъ портреты снова смотрятъ,
Какъ будто бы невинные! Ну, бабка!
Ну, Агрипина — вѣщая колдунья!
Ужели шагъ замыслилъ я преступный!
Чего, чего она не насулила!
Отъ духоты кошмаръ, должно быть, это.
Пора вставать. Окно открыть не худо.
Какое утро! Что за благодать!

[Встаетъ, открываетъ окно. За сценой слышится пѣніе **Дуни**].

ДУНЯ [за сценой].

«Здравствуй, милая красотка,
Изъ какого ты села?
— «Вашей милости крестьянка»,
Отвѣчала ему я.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Она поетъ. Какой пріятный голосъ.
Но что за блажь ей въ голову пришла!..
Зачѣмъ бы пѣть ей сладенькую пѣсню?..
Ну, задалъ же задачу мнѣ кошмаръ!

[За сценой снова пѣніе **Дуни**].

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Когда еще я дорожу собою,
То надо вѣрить предразсудку. Надо
Отъ бреда сердца отказаться. Съ Дуней
Скорѣй разстаться—и удрать, покуда
Я не совсѣмъ еще въ ея сѣтяхъ.
А то совсѣмъ заплеснѣешь здѣсь, въ старомъ,
Глухомъ гнѣздѣ... И поминай, какъ звали
Фантазій горделивыхъ вдохновенья...
Прощайте, слава! И прощайте — силы!

[Снова слышно пѣніе **Дуни** за сценой].

Зачѣмъ поешь ты крѣпостную пѣсню,
Наивное, несчастное дитя?

[Подходитъ къ портрету Агрипины].

Какой сарказмъ на складкахъ горделивыхъ
Холодныхъ губъ. Не замѣчалъ я раньше.
Недаромъ же Никитичу она
Не нравилась... Ну, задала-жъ задачу!..
Не то смѣюсь, не то какъ будто плачу...

[Входитъ **Никитичъ**].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

НИКИТИЧЪ и КРЕМЕНЬКОВЪ.

НИКИТИЧЪ.

Какъ почивать изволили, Димитрій
Авдѣевичъ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Какъ почивалъ... недурно.

Сцена нѣкоторое время пуста. Свѣтаетъ. Слышно пѣніе пѣтуховъ Сквозь окна видна заалѣвшая заря. **Кременьковъ** тревожно ворочается, вздыхаетъ и просыпается.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРЕМЕНЬКОВЪ [проснувшись, одинъ].

Ужъ разсвѣло! Вотъ странный сонъ я видѣлъ.
Изъ рамъ своихъ портреты снова смотрятъ,
Какъ будто бы невинные! Ну, бабка!
Ну, Агрипина — вѣщая колдунья!
Ужели шагъ замыслилъ я преступный!
Чего, чего она не насулила!
Отъ духоты кошмаръ, должно быть, это.
Пора вставать. Окно открыть не худо.
Какое утро! Что за благодать!

[Встаетъ, открываетъ окно. За сценой слышится пѣніе **Дуни**].

ДУНЯ [за сценой].

«Здравствуй, милая красотка,
Изъ какого ты села?
— «Вашей милости крестьянка»,
Отвѣчала ему я.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Она поетъ. Какой пріятный голосъ.
Но что за блажь ей въ голову пришла!..
Зачѣмъ бы пѣть ей сладенькую пѣсню?..
Ну, задалъ же задачу мнѣ кошмаръ!

[За сценой снова пѣніе **Дуни**].

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Когда еще я дорожу собою,
То надо вѣрить предразсудку. Надо
Отъ бреда сердца отказаться. Съ Дуней
Скорѣй разстаться—и удрать, покуда
Я не совсѣмъ еще въ ея сѣтяхъ.
А то совсѣмъ заплеснѣешь здѣсь, въ старомъ,
Глухомъ гнѣздѣ... И поминай, какъ звали
Фантазій горделивыхъ вдохновенья...
Прощайте, слава! И прощайте — силы!

[Снова слышно пѣніе **Дуни** за сценой].

Зачѣмъ поешь ты крѣпостную пѣсню,
Наивное, несчастное дитя?

[Подходить къ портрету Агрипины].

Какой сарказмъ на складкахъ горделивыхъ
Холодныхъ губъ. Не замѣчалъ я раньше.
Недаромъ же Никитичу она
Не нравилась... Ну, задала-жъ задачу!..
Не то смѣюсь, не то какъ будто плачу...

[Входитъ **Никитичъ**].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

НИКИТИЧЪ и **КРЕМЕНЬКОВЪ.**

НИКИТИЧЪ.

Какъ почивать изволили, Димитрій
Авдѣевичъ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Какъ почивалъ... недурно.

Сцена нѣкоторое время пуста. Свѣтаетъ. Слышно пѣніе пѣтуховъ Сквозь окна видна заалѣвшая заря. **Кременьковъ** тревожно ворочается, вздыхаетъ и просыпается.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРЕМЕНЬКОВЪ [проснувшись, одинъ].

Ужъ разсвѣло! Вотъ странный сонъ я видѣлъ.
Изъ рамъ своихъ портреты снова смотрятъ,
Какъ будто бы невинные! Ну, бабка!
Ну, Агрипина — вѣщая колдунья!
Ужели шагъ замыслилъ я преступный!
Чего, чего она не насулила!
Отъ духоты кошмаръ, должно быть, это.
Пора вставать. Окно открыть не худо.
Какое утро! Что за благодать!

[Встаетъ, открываетъ окно. За сценой слышится пѣніе **Дуни**].

ДУНЯ [за сценой].

«Здравствуй, милая красотка,
Изъ какого ты села?
— «Вашей милости крестьянка»,
Отвѣчала ему я.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Она поетъ. Какой пріятный голосъ.
Но что за блажь ей въ голову пришла!..
Зачѣмъ бы пѣть ей сладенькую пѣсню?..
Ну, задалъ же задачу мнѣ кошмаръ!

[За сценой снова пѣніе **Дуни**].

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Когда еще я дорожу собою,
То надо вѣрить предразсудку. Надо
Отъ бреда сердца отказаться. Съ Дуней
Скорѣй разстаться—и удрать, покуда
Я не совсѣмъ еще въ ея сѣтяхъ.
А то совсѣмъ заплеснѣешь здѣсь, въ старомъ,
Глухомъ гнѣздѣ... И поминай, какъ звали
Фантазій горделивыхъ вдохновенья...
Прощайте, слава! И прощайте — силы!

[Снова слышно пѣніе **Дуни** за сценой].

Зачѣмъ поешь ты крѣпостную пѣсню,
Наивное, несчастное дитя?

[Подходитъ къ портрету Агрипины].

Какой сарказмъ на складкахъ горделивыхъ
Холодныхъ губъ. Не замѣчалъ я раньше.
Недаромъ же Никитичу она
Не нравилась... Ну, задала-жъ задачу!..
Не то смѣюсь, не то какъ будто плачу...

[Входитъ **Никитичъ**].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

НИКИТИЧЪ и **КРЕМЕНЬКОВЪ.**

НИКИТИЧЪ.

Какъ почивать изволили, Димитрій
Авдѣевичъ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Какъ почивалъ... недурно.

НИКИТИЧЪ.

Моя Дуняша въ лѣсъ пошла съ разсвѣта
По ягоды. Для барина, вишь, надо.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Что вздумалось ей — угождать мнѣ?

НИКИТИЧЪ.

Право,
Не знаю я... Дите-то неразумно.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Такъ то она за рощей пѣла... Глупость
Она поетъ.

НИКИТИЧЪ.

Извѣстно неразумно.
Что научили—съ голоса чужого.

КРЕМЕНЬКОВЪ [напустивъ небрежность].

Да... я хотѣлъ спросить тебя, Никитичъ, —
Ты бабушку-то Дуни зналъ?.. Ну, тещу
Свою ты зналъ?

НИКИТИЧЪ.

Чего-съ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Ну, бабку Дуни... тещу
Ты зналъ свою?

НИКИТИЧЪ.

А хто е зналъ! — Не знаю.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

А дѣдушка покойный мой ни разу
Не говорилъ тебѣ о бабкѣ Дуни?

НИКИТИЧЪ.

Чего-съ сказали?.. Дѣдушка вашъ мало
Съ холопьями своими разсуждалъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Такъ не было о ней съ нимъ рѣчи... Дуня
На матушку похожа, иль на бабку?

НИКИТИЧЪ.

Вотъ это мнѣ и невдомекъ доселя.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

А почему не нравится тебѣ
Портретъ покойной Агрипины?

НИКИТИЧЪ.

Право,
Не знаю, баринъ, — почему вамъ надо
Допытывать меня о разномъ дѣлѣ.

43

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Ну, хорошо... допытывать не буду...
А ты пока мнѣ собери подводу
До станціи...

НИКИТИЧЪ.

Аль спали не покойно?
Пошаливаютъ «сами», чай?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Кто «сами?»
Не домовые-ль?

НИКИТИЧЪ.

Да они — конечно.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Все это вздоръ. Ты старый человѣкъ,
А въ домовыхъ и въ чертовщину вѣришь!

[Входитъ **Дуня**, принарядившись].

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и ДУНЯ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Какъ ты принарядилась, Дуня.

ДУНЯ.

Здравствуй,
Хорошій баринъ.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Здравствуй... Да и скоро
Прощай скажу. Пора въ Москву мнѣ ѣхать

ДУНЯ.

А ты съ меня хотѣлъ «Морское чудо»
Еще писать?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Раздумалъ—мало время.

ДУНЯ.

А что-жъ у насъ еще не погостишь?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Спѣшу. Дѣла есть важныя,—сегодня
Я только вспомнилъ.

ДУНЯ.

Можетъ быть, неладно
Ты почивалъ? Аль сны дурные видѣлъ,
Али не спалъ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

И ты за то же, Дуня,—
Помѣшаны вы всѣ на предразсудкахъ.

НИКИТИЧЪ.

Не любитъ, баринъ, если говорятъ
Ему о навожденіяхъ. Не вѣритъ
Онъ разуму холопскому.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Ну, полно!
Ты сталъ суровъ, старинушка, не въ мѣру.

ДУНЯ.

И ты сегодня хмуръ, какъ туча, баринъ!
А я тебя такъ крѣпко полюбила.
Вотъ, думаю, сулитъ Господь мнѣ счастье.
Твои слова всю ночь я повторяла,
Да, видно, ты шутилъ со мной вечоръ.

НИКИТИЧЪ.

Ты дѣвка неразумная; съ тобою
Маленько баринъ пошутилъ, а ты
Его слова шутливыя за правду
И ненарокомъ къ сердцу приняла.
Не каждое же лыко ставить въ строку!
Охъ, Боже мой! [Ворчитъ про себя]. На рѣчи всѣ вы медъ!
До дѣла же коснися — горше рѣдьки.
Ишъ глупую съ ума свелъ. Вотъ такъ баринъ!
[Нюхаетъ съ досадой табакъ и уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ безъ **НИКИТИЧА.**

ДУНЯ.

Такъ ты меня совсѣмъ покинуть хочешь?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Хотя-бъ совсѣмъ! Вѣдь надъ собой я властенъ!
Съ тобою же не связанъ я ничѣмъ.

ДУНЯ.

Вѣнчаться мнѣ съ холодною могилой,
Аль съ омутомъ — и вправду быть русалкой.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Нѣтъ, эти думы брось изъ головы.
Ты жениха найдешь себѣ по нраву;
Любой изъ парней съ радостью хозяйку
Такую въ домъ къ себѣ введетъ.

ДУНЯ.

Ахъ, кабы
Не отъ тебя мнѣ слышать эти рѣчи!

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Подумай же: вѣдь я тебѣ не пара.
Ну, хочешь самъ сосватаю тебѣ
Красавца-парня.

ДУНЯ.

Брось, пустыя рѣчи!
Ты думаешь, что вмѣсто сердца бьется
Веретено въ груди моей.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Голубка!
Не знаю самъ, что говорю я нынче.
И звонъ въ ушахъ, и голова въ огнѣ!

ДУНЯ.

Я вижу, баринъ, горькою докукой,

Тебѣ любовь мужицкая моя.
Дай хоть на память перстенечекъ, либо
Портретикъ свой. Я обложу его
И бисеромъ, и разными шелками;
Повѣшу я его надъ изголовьемъ.
Поутру онъ зарей свѣтить мнѣ будетъ,
Подъ вечеръ сны мои благословлять.

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Я знаю самъ, что искренно ты любишь,—
И тѣмъ вѣрнѣй разстаться мы должны.
Но, милая, ты плачешь... Перестань!
Когда-нибудь увидимся.

ДУНЯ [рыдая].

Прощайте!
Зачахну я въ тоскѣ — кручинѣ лютой...
А вы меня не вспоминайте лихомъ.
Пусть знаетъ только ночка да подушка,
Какъ много слезъ о васъ я пролила!..
Прощай... Прощайте!.. Силъ нѣтъ!.. [Убѣгаетъ].

ЯВЛЕНІЕ XI.

КРЕМЕНЬКОВЪ [одинъ].

Дуня, Дуня!
Не убѣгай... подумать дай!.. Ушла!
Зачѣмъ сюда пріѣхалъ я... О, Боже!
Какой разладъ въ душѣ моей теперь!
Стыжусь любви—и самъ себя стыжуся.

Повѣрилъ сну,—а сердцу не внимаю!
За призраками славы, за богатствомъ
Гоняюся, какъ за мечтами ночи.
А счастіе, а истинное счастье,
Что дня яснѣй — безумно разбиваю!
И кто виною? Вымыселъ! Сухая
Жеманница изъ стараго портрета
Посѣяла въ душѣ моей разладъ.
О, Боже, Боже, что за испытанье!
Красавица, морское чудо—Дуня!
Тебя-ль покинуть. Не могу, не въ силахъ!
Гдѣ счастіе другое? Нѣтъ, другого
Не можетъ быть! Двумъ солнцамъ не свѣтить.
Вернуть ее, пока не поздно. [Кличетъ]. Дуня!
Вернись ко мнѣ... Я пошутилъ... я плачу...
Вернись, прости!..

ЯВЛЕНІЕ XII (послѣднее).

ДУНЯ [въ дверяхъ нерѣшительно].

Меня вы звали, баринъ;
Аль это такъ—почудилося мнѣ?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Прости меня. Я робокъ, малодушенъ;
Но я люблю такъ горячо, такъ крѣпко.

ДУНЯ.

Желанный мой, сердечная родимка!
Такъ ты взаправду... ты не шутишь?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Нѣтъ!
Счастливыми минутами не шутятъ
И чувствами святыми не играютъ.
Я твой на вѣки... ты — моя...

ДУНЯ.

На вѣки
Ты говоришь!?

КРЕМЕНЬКОВЪ.

Пускай войдетъ Никитичъ
И нашъ союзъ своимъ благословеньемъ
На счастіе, на славу закрѣпитъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ПОЭТЕССА.

Повѣсть въ стихахъ.

Посвященіе памяти В. И. Бибикова.

Усопшій другъ, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Ты, вѣтреный мечтатель и поэтъ,
Простившійся съ надеждами и лаской,—
Услышишь-ли мой дружескій привѣтъ?
Порадую-ль тебя своею сказкой?

Ни ропота, ни дерзости невѣждъ
Въ загробной мглѣ безсмертнаго Эдема! —
Тамъ жизнь течетъ какъ звучная поэма
Въ сіяніи безоблачныхъ надеждъ...

Нѣ—отемненъ ни клеветой, ни торгомъ,
Въ толпѣ тѣней, вдали земныхъ тревогъ,—
Рыдаешь-ли у Байроновыхъ ногъ,
Заслушался-ли Пушкина съ восторгомъ?

Иль, можетъ быть, съ тоскою неземной
Еще слѣдишь земныхъ друзей скитанья,
Пока горишь лучомъ воспоминанья,
Пока въ мечтахъ бесѣдуешь со мной...

О, если такъ,—склони свой слухъ любя
Къ моимъ стихамъ, знакомымъ по печали,
Ты слышалъ ихъ, тебѣ они звучали...
Въ нихъ я теперь привѣтствую тебя,
Какъ ты меня привѣтствовалъ вначалѣ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На склонѣ лѣтъ Ефимъ Гарголинъ
Своей судьбою недоволенъ;
Онъ, оглянувшися назадъ,
Увидѣлъ дней безцѣльныхъ рядъ.
Мелкнула жизни половина
И даже болѣе,—ему
Подъ пятьдесятъ. Свою зиму
Пріятно встрѣтить у камина
Съ супругой нѣжною своей,
Въ кругу ликующихъ дѣтей...
Но онъ все холостъ. Жизни бремя
Его измяло; передъ нимъ
Недалеко уже то время,
Когда, недугами томимъ,
Вздыхать онъ будетъ, ждать кончины,—
И сердцу чуждая рука

Закроетъ очи старика.
И, глядя на свои сѣдины,
Рѣшилъ разсчетливый скупецъ
Осмыслить старость наконецъ.
Двухъ богадѣленъ членъ почетный,
Наскучивъ жизнью беззаботной,—
Онъ одинокій свой удѣлъ
Хозяйкой скрасить захотѣлъ...
Вокругъ бросая взоръ прилежный,
Какъ вольный ястребъ на птенцовъ,—
Остановилъ онъ выборъ нѣжный
Не на красѣ почтенныхъ вдовъ
И не на дѣвушкѣ жеманной
Изъ многочисленной семьи,—
Онъ годы поздніе свои
Съ любовью, съ дружбой постоянной
Рѣшилъ отдать одной изъ тѣхъ,
Кому всю жизнь отдать не грѣхъ.
Остановилъ онъ выборъ чинный
На Глашѣ—дѣвушкѣ невинной,
Чье лучезарное чело
Какъ день безоблачный свѣтло.

Сиротка, чванствомъ не надута,
Росла, наивностью цвѣтя,
Богоугоднаго пріюта
Благословенное дитя.
Провинціальныя мамаши
Не одобряли этотъ бракъ,—
Однако старый нашъ чудакъ
Женился всетаки на Глашѣ

Вѣнчали ихъ въ соборѣ людномъ
И молодымъ отецъ Степанъ,
Передъ толпою поѣзжанъ,
Сказалъ напутствіе о трудномъ
Земномъ пути; о томъ, что ждетъ
Въ грядущемъ множество заботъ,
Но что Господь ихъ путь житейскій
Для новыхъ чадъ благословилъ,
Зане и въ Канѣ Галилейской
Въ вино Онъ воду превратилъ!..
И вотъ отъ паперти церковной
Откушать къ молодымъ хлѣбъ-соль,
Кареты ѣдутъ цѣпью ровной;
И Глашу—дѣвочку дотоль,—
Уже зовутъ Глафирой Львовной.

II.

Но нѣтъ счастливыхъ браковъ въ мірѣ!
Подъ нашимъ солнцемъ и луной
Лишь птицы вольныя въ эѳирѣ
Живутъ счастливою четой,—
Да и на тѣхъ есть коршунъ лютый,
Есть горе въ гибели птенца...
Идетъ минута за минутой,
Проходятъ дни и мѣсяца.
Жизнь мчится медленно и ровно,
И все груститъ Глафира Львовна,
Припоминая иногда
Былые дѣтскіе года.
Они прошли, имъ нѣтъ возврата...

Неволей смутною объята
Ея душа теперь. Къ тому-жъ
Нерѣдко боленъ старый мужъ;
Хандритъ, придирчиво тоскуетъ,
Его капризный апетитъ
Обѣдъ невкусный критикуетъ,—
Онъ расточительность бранитъ.
Глядитъ надменно и сурово—
И не промолвитъ съ ней ни слова;
Порою лаской надоѣстъ.
Чуть въ кухнѣ чадно, чуть угаромъ
Пахнетъ надъ дымнымъ самоваромъ,—
Онъ заявляетъ свой протестъ.
То колетъ въ бокъ ему, то въ спину,—
Конца нѣтъ оханью и сплину,
И заставляетъ Глашу онъ
Себя тереть со всѣхъ сторонъ
То уксусомъ, то скипидаромъ,
То масломъ отъ святыхъ мощей,—
И длится жизнь на утрѣ дней
Больнымъ, мучительнымъ кошмаромъ!
А жизнь, а молодость не ждетъ!
Душа тоскуетъ и томится,
Былое дѣтство чаще снится
Въ однообразіи заботъ.
И Глаша съ тайною тоскою
Глядитъ на прошлое; она
Всегда задумчиво-грустна.
Какъ ей хотѣлось-бы порою
Перенестись опять туда,
Въ пріютъ ученья и труда,—

Бродитъ въ знакомомъ дортуарѣ,
Мечты подругамъ повѣрять
И при вечернемъ самоварѣ
Молитву въ хорѣ повторять.
Ей жаль до боли игръ бывалыхъ,
Невинныхъ школьничьихъ проказъ,
И свѣтлый залъ, и шумный классъ,
Гдѣ лицъ и робкихъ, и усталыхъ
Тѣснилась дружная толпа,
Боясь заслуженнаго гнѣва
Наставницы. Старушка-дѣва
Уже была полуслѣпа;
Въ очкахъ, въ лиловой душегрѣйкѣ,
Со строгой важностью въ чертахъ,
Она глядитъ на тѣ скамейки,
Гдѣ смѣхъ смолкаетъ впопыхахъ,—
И, поднимая палецъ тощій,
Грозится... Въ праздникъ иногда
Веселыхъ дѣвочекъ орда
Шумитъ, шалитъ въ пріютской рощѣ.
А въ дни весны!—Когда земля
Едва оттаетъ,—залъ имъ тѣсенъ;
Въ классъ льются трели птичьихъ пѣсенъ,
Восторгомъ душу веселя.
Святая! Выставили рамы,—
И свѣтъ, и шумъ со всѣхъ сторонъ,
И звучный голосъ классной дамы
Колоколами заглушенъ!..

III.

Отъ скуки время убиваютъ,
Отъ скуки часто влюблены,
Отъ скуки пѣсни напѣваютъ
И всѣ—отъ скуки рождены.
И жизнь, какъ повѣсть безъ интриги,
Однообразна и темна.
Всегда печалью смущена,
Глафира жадно ищетъ книги,
Чтобы отъ скуки чѣмъ-нибудь
И умъ, и сердце обмануть.

Но что читать? Томясь неволей,
Глафира въ мужниномъ бюро
Находитъ скудное добро:
Рецептъ пространный отъ мозолей,
Уставъ судебный и одинъ
Томъ руководства для мужчинъ,—
Запасъ для чтенья очень малый...
Въ богоспасенномъ городкѣ
Народъ, злорѣчіемъ усталый,
Дремалъ безъ чтенія въ тоскѣ.

Тамъ былъ соборъ и рынокъ длинный,
Былъ клубъ вмѣстительный и чинный,
Гдѣ старцы важною толпой
Сходились повинтить порой,
Посплетничать, поспорить малость,
И гдѣ два раза, каждый годъ

На святкахъ, по рублю за входъ,
Кутила вѣтряная шалость
Подъ маскараднымъ домино,
Мѣняя карты на вино.

Маститый клуба завсегдатай,
Ефимъ Гарголинъ—и женатый,
Какъ въ оны дни—былъ вѣрный членъ
Своимъ партнерамъ; перемѣнъ
Онъ въ жизни избѣгать старался:
Привычка—счастья талисманъ;
Онъ каждый вечеръ въ клубъ являлся,
Какъ прежде, выбритъ и румянъ.

Его покорная Глафира
Осеннимъ вечеромъ одна;
Ея душа въ объятьяхъ мира
Неясной грустью смущена.
Горитъ ея воображенье,
И непонятныя мечты
Блѣдны, но полны вдохновенья,
Какъ въ книгѣ смятые листы.
Она для памяти унылой
Найти старается въ быломъ—
Хоть звукъ, хоть сонъ когда-то милый,
Хоть ложь въ туманѣ золотомъ.
Она старается украдкой
Вообразить волшебный міръ:
Крылатыхъ фей лучистый пиръ,
Гдѣ обольстительной загадкой
Томится умъ и ноетъ грудь,

Гдѣ пѣснь звучитъ сама собою,
Гдѣ все пророчитъ новый путь
Съ иной, веселою зарею...
Но нѣтъ забвенія тоскѣ, —
И одинокіе досуги
Твердятъ, что есть невдалекѣ
Иная жизнь, — не въ этомъ кругѣ,
Не въ этомъ душномъ городкѣ, —
Гдѣ даль пустынна и тосклива,
Гдѣ изъ окна печаленъ видъ,
Гдѣ надъ плетнемъ склонилась ива
И, замечтавшися, молчитъ.
Здѣсь спячкой дышетъ воздухъ самый,
Лишь полицейскій на посту
Торчитъ унылой эпиграммой
На городскую суету.

IV.

Гдѣ-жъ счастье? Жизнь Глафира знала,
Но жизнь, какъ сказка, солгала.
Она читать прилежно стала
Все, что случайно добывала
И что добыть она могла.
Украдкой въ рощѣ, ночью дома
Прочла Державина два тома,
Но смыслъ его кудрявыхъ одъ
Не поняла она сначала,
И мысли путались вразбродъ,
Когда вторично прочитала.

Лѣниво Пушкина взяла, —
И онъ, нашъ геній величавый,
Своей немеркнувшею славой
Коснулся юнаго чела.
Его властительныя мысли,
Какъ гармоническіе сны,
Какъ тучи звучныя весны,
Надъ сердцемъ вспыхнувшимъ нависли.
Съ тѣхъ поръ, въ созвучья влюблена,
Не разлучалась съ нимъ она!
Но и другихъ поэтовъ въ руки
Она брала порой отъ скуки.
Прочла Козлова «Чернеца»,
Прочла Жуковскаго, — хотѣла
Его осилить до конца, —
И на гекзаметрахъ сробѣла.
Кольцова пѣсни наизусть
Почти до слова затвердила,—
И душу сладко полонила
Его любви живая грусть.
Глафира стала понемногу
Языкъ поэтовъ понимать,
И стало сердце бить тревогу,
А скука — риѳмы диктовать.
Упала тусклая завѣса
Съ ея тоскующихъ очей, —
И въ ней проснулась поэтесса
Для новыхъ пѣсенъ и страстей.

V.

Замѣтилъ мужъ,—Глафира Львовна
Не такъ, какъ прежде, хладнокровна;
Въ ея застѣнчивыхъ очахъ
Мелькаетъ непонятный страхъ.
Какъ будто тайна роковая
Ей сердце жжетъ; нерѣдко днемъ
Она стоитъ передъ окномъ,
Глазами тучи провожая.
Слѣдитъ за шорохомъ вершинъ,
Когда осенній вѣтеръ стонетъ
И листья сорванные гонитъ
Во мракъ невѣдомыхъ долинъ.
И по утрамъ у туалета
Она стоитъ полураздѣта
И что-то шепчетъ нараспѣвъ;
Въ лицѣ разсѣянность младенца,
И сохнетъ пудра, отвердѣвъ
На мягкой ткани полотенца,
И медлитъ гребень роковой
Надъ бѣлокурою косой...

VI.

Теперь всѣ пишутъ. Съ каждымъ годомъ
Поэты множатся у насъ;
Сидѣлецъ пишетъ, мимоходомъ
Зайдя изъ лавки на Парнасъ.

Въ стѣнахъ веселаго трактира
Гремитъ непризнанная лира
Самолюбивыхъ половыхъ
О незнакомкахъ молодыхъ.
И въ кассѣ ссудъ оцѣнщикъ юный
Поетъ о блескѣ ночи лунной,
Межъ тѣмъ какъ признанный поэтъ
Несетъ къ мечтательному Гиршѣ,
Едва закончившему вирши,
Свою жакетку и лорнетъ.
И въ назиданіе поэтамъ
Брадовскій издалъ цѣлый томъ
Нравоучительно о томъ,
Какъ надо овладѣть сонетомъ,
Какъ надо ямбы подбирать,
Какъ созидать хореи надо,
И, чтобы легче риѳмовать,
Согналъ въ словарь созвучій стадо.

Пока въ постели возлежитъ
Мужъ, утомленный преферансомъ, —
Теперь Глафира, какъ піитъ,
Рукой послушною строчитъ
Стансъ легкомысленный за стансомъ.
Стихи готовы; разъ иль два
Она ихъ бѣгло повторяетъ,
И грусть, одѣтую въ слова,
Въ свою шкатулку заключаетъ
Какъ въ темный склепъ, межъ лоскутковъ,
Гребенокъ, шпилекъ и духовъ.
И вдругъ, какъ спугнутая серна,

Дрожитъ — супругъ проснулся вѣрно:
Ужъ за досчатою стѣной
Раздался кашля хрипъ густой,
Зѣвота тяжкая и вздохи.
Онъ входитъ, щурясь отъ сна,
И слышитъ робкая жена:
— Я плохо спалъ, — кусали блохи!
И ты какъ будто бы блѣдна,
Здорова ли? — Вполнѣ здорова!
Мужъ подозрительно глядитъ.
За чайный столъ чета сурово
Садится, не промолвивъ слова.
У мужа скверный апетитъ,—
Глафира мужу не дивится;
Лѣниво разливаетъ чай —
И вдругъ улыбкой озарится,
Поймавши риѳму невзначай.
Мужъ вспыхнетъ, гнѣвно отвернется:
Чему жена его смѣется?
И что нашла смѣшного въ немъ?
Зачѣмъ разсѣяна некстати, —
Не влюблена-ль уже, грѣхомъ! —
И отъ волненія перстомъ
Играетъ кистью на халатѣ.

VII.

Теперь Глафира ждетъ съ отрадой
Ухода мужа своего.
Съ улыбкой проводивъ его,
Одна, съ предъобразной лампадой,

Она безъ лампы и свѣчей
Мечтаетъ въ комнатѣ своей.
Въ меланхоличномъ полумракѣ
Все дышетъ важностью святой;
Порою слышенъ шагъ глухой
И лай сторожевой собаки.
Тяжелый маятникъ стучитъ,
Какъ сердце вѣчности унылый,
И за грядущею могилой
Ей вѣчность новую сулитъ.
На кухнѣ сумрачно и жарко;
На сундукѣ храпитъ кухарка.
Старуха Мавра у плиты
Пекла, возилася день цѣлый,
И мракъ, и кухни воздухъ прѣлый
Повергнулъ лѣнь ея въ мечты.
Конечно, у старухи Мавры
Не дрогнетъ сердце на стихѣ;
Погребены давно въ ухѣ
Ей предназначенные лавры—
Хоть нѣкогда и ей слагалъ
Дьячокъ, чахоточный піита,
Не очень скромный мадригалъ, —
Но ею молодость забыта!

Межъ тѣмъ Глафирѣ на-яву
Мечты восторженно рисуютъ
Лѣса, и степи, и траву,
И строфы пышныя диктуютъ.
Она вполголоса поетъ,—
Бумагу и перо беретъ;

Выводитъ строчки, еле дышетъ,
Перечеркнетъ — и снова пишетъ,
И снова зачеркнетъ, и вновь
Поетъ луну, поетъ любовь...
Еще она кипитъ и бредитъ,
Но у крыльца ужъ дребезжитъ
Пролетка,—мужъ изъ клуба ѣдетъ!
Смѣшалась муза и дрожитъ;
Ее, какъ звонъ церковный бѣса,
Пугаетъ бѣшеный звонокъ...
Скорѣй въ постелю поэтесса,
Скорѣе риѳмы на замокъ!

VIII.

Сердцамъ, которыя жестоки,
И непонятны, и смѣшны
Поэтовъ облачные сны,
Стиховъ размѣренныя строки.
Глафира смутно сознаетъ,
Что скоро, скоро день придетъ,—
Когда супругъ ея узнаетъ,
Чему она во тьмѣ ночной
Свои досуги посвящаетъ,
Къ чему стремится всей душой.
Ей часто снится сонъ опасный:
Узналъ супругъ ея секретъ,—
Вбѣгаетъ злобный и ужасный;
Разрылъ комоды, туалетъ,

Въ шкатулкахъ шаритъ торопливо —
Находитъ всѣ ея стихи...
Глафира вскрикиваетъ — и
Вновь пробуждается счастливо!
И скоро часъ насталъ, судьбой
Давно назначенный жестоко.
Какъ птица пѣвчая грозой,
Она разбита волей рока:
Ея мучительные сны
И въ явь, и въ жизнь облечены!

Ночь поздней осени была.
Луна покоя не давала;
Меланхолична и свѣтла,
Межъ дымныхъ тучъ она сіяла;
Лучи роняла сквозь окно,
И сѣть древеснаго навѣса,
Какъ лапа сказочнаго бѣса,
Темнила сторы полотно.
Съ постели встала поэтесса, —
Писать ей нынче суждено!
Въ туфляхъ, въ сорочкѣ бѣлоснѣжной,
Волшебнымъ сномъ упоена,
Волнуясь тихо грустью нѣжной,
Глафира сѣла у окна.
Бѣгутъ ласкающія строки
Изъ тайника души, спѣша,
Подъ легкій взмахъ карандаша,
Какъ гармоничные потоки...

И вдругъ неслышно, хмуръ и золъ,
Мужъ проигравшійся вошелъ:

Онъ въ клубѣ былъ все это время.
Увидѣвъ предъ окномъ жену,
Свое лысѣющее темя
Погладилъ онъ и молвилъ: ну! —
И голосъ свой возвысилъ звонко,
Отъ гнѣва тяжело дыша:
— Да ты въ умѣ-ль, моя душа,
Иль обезумѣла спросонка?
Позволь узнать твои мечты!
Кому ты пишешь? Вотъ занятья—
Сидѣть лунатикомъ безъ платья!

— Ахъ, Боже мой, да это ты!
Глафира вымолвить успѣла, —
И вдругъ, смѣшавшись, поблѣднѣла;
Рукой дрожащею своей
Тетрадку спрятать отъ очей
Она въ смущеньи не успѣла!

IX.

Мужъ все открылъ, мужъ все узналъ, —
Стихи со смѣхомъ прочиталъ,
И этотъ смѣхъ, злорадства полный,
Какъ ядовитая стрѣла
Язвилъ Глафиру... И безмолвной,
Съ холодной блѣдностью чела
Она стояла передъ мужемъ
И даже плакать не могла.

46

— Мы все печалимся и тужимъ,
Теперь я знаю отчего,—
Мужъ говорилъ, — но для кого
Ты это пишешь? Вотъ загадка!
Не для меня — такъ это гадко,
А мнѣ не надо ихъ совсѣмъ,
Всѣхъ этихъ стансовъ и поэмъ!
Гдѣ-жъ это видано, чтобъ дамы
Мужьямъ строчили эпиграммы,
Или пріятелямъ романсъ!..
Чѣмъ съ глупой нянчиться тетрадью,—
Отъ скуки вышивай-ка гладью,
Или раскладывай пасьянсъ..
Отнынѣ, чтобъ къ такимъ утайкамъ
Не прибѣгать!.. А чтенье дамъ, —
Ужъ такъ и быть, — куплю я самъ
«Подарокъ молодымъ хозяйкамъ».
Безъ думъ, безъ помощи, безъ силъ,
Жена его внимала рѣчи.
Мужъ дверцу печки отворилъ
И сталъ сжигать тетради въ печи.

«О, пощади! Не жги, — не тронь!»
Жена въ смятеньи умоляла.
Мужъ не внималъ. Сверкнулъ огонь,—
И струйка дыма пробѣжала...
Дымясь, свиваются листы...
Прощайте, пѣсни и мечты!
Прощайте, милыя видѣнья,
Игра заоблачныхъ утѣхъ —
Вы, молодыя вдохновенья,

Еще сокрытыя отъ всѣхъ!
Какъ цензоръ, въ ярости багровый,
Уничтожаетъ огнь суровый
Ея души невинный грѣхъ!

Глафира плачетъ какъ ребенокъ,
Ложится въ обморокъ потомъ, —
Но поздно! Пепелъ, сѣръ и тонокъ,
Темнѣетъ сумрачнымъ пластомъ.
Проснулась ночью, — снова дурно:
Слезами полнъ стыдливый взоръ,—
Ей снилась пламенная урна,
Ей снилась жертва и костеръ!..

Съ тѣхъ поръ Глафира не писала
Ни новыхъ пѣсенъ, не поэмъ,
Но сердце чуткое межъ тѣмъ
Съ воображеньемъ не дремало, —
Оно искало новыхъ темъ:
Оно любить ей подсказало!

X.

Тепло. На солнцѣ, у забора,
Гдѣ снѣга мутная струя,
Шумя, сбѣгаетъ съ косогора,—
Проснулась сѣрыхъ мухъ семья.
Зима прошла, какъ сонъ минутный.
Насталъ великій постъ, когда,
Весны приходъ почуя смутный,
Слезится мерзлая вода;

Когда подъ звонъ великопостный
Молчать нахмуренныя сосны,
Стряхая снѣгъ съ густыхъ вѣтвей
Подъ лаской солнечныхъ лучей;
Когда заѣзжіе Гамлеты,
Немного постны и смѣшны,
Намъ декламируютъ куплеты
Изъ сборника «Живой струны».

Тогда въ тотъ городъ молчаливый,
Гдѣ поэтесса расцвѣла,
Какъ птица въ вольности счастливой,
Къ намъ труппа новая пришла,
И трехъ-аршинныя афиши
Провозгласили на углахъ,
Что будетъ здѣсь теперь не тише,
Чѣмъ и въ столичныхъ городахъ,—
Что «въ постъ читать» намъ будутъ «сцены»
Изъ Грибоѣдова «ума»,
А только кончится зима—
Пойдутъ большія перемѣны:
«Тартюфъ» Мольера и «Скупой»,
«Гамлетъ» Шекспира,—и Островскій,
Бытописатель нашъ московскій,
Здѣсь также выступитъ съ «Грозой».

Хоть нашъ театръ былъ доморощенъ
И зналъ артистовъ небольшихъ,—
Теперь какой-то Ролинъ-Рощинъ
Собой затмить кичился ихъ.

Хоть не рожденъ онъ новымъ Свифтомъ,
Хоть не Мольеръ онъ—ничего!—
Афиши очень крупнымъ штрифтомъ
Пропагандируютъ его.

XI.

Глафиру Рощинъ встрѣтилъ какъ-то
Внѣ сцены; вскинулъ свой лорнетъ,
Повелъ глазами не безъ такта
И поцѣлуй послалъ вослѣдъ.
Глафира робкая смутилась
И отвернулась, хмуря бровь.
Себѣ признаться не рѣшилась,—
Зачѣмъ такъ сердце вдругъ забилось
И обожгла лицо ей кровь?
Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь это не любовь!

Она не разъ его видала
На сценѣ, въ клубѣ. Боже мой,
Какъ недоступенъ ей сначала
Казался этотъ молодой
Кумиръ театра и герой!..
И вотъ теперь онъ съ пьедестала
Спустился,—и, смѣльчакъ какой!—
Ей поцѣлуй послалъ рукой.
Что это значитъ? Онъ смѣется,
Иль въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть,
Ее готовъ онъ полюбить?
И сердце поэтессы бьется

Все громче, громче съ каждымъ днемъ
При думѣ сладостной о немъ.

Она въ часъ ранній для прогулокъ
Нарочно стала избирать
Тотъ театральный переулокъ,
Гдѣ можно Рощина встрѣчать.
Но съ нимъ встрѣчалась очень мало;
Зато, когда его встрѣчала,—
То цѣлый день—его поклонъ,
Иль взглядъ кокетливо-небрежный
Припоминала съ грустью нѣжной,
Мечтая: не влюбленъ ли онъ?—
Вотъ будетъ смѣхъ, когда влюбленъ!—
Какъ странно съ нимъ вести бы рѣчи,
Вдали отъ всѣхъ, наединѣ...
И скоро, скоро по веснѣ
Съ нимъ дождалась желанной встрѣчи.

XII.

На старомъ кладбищѣ, куда
Полвѣка мертвыхъ не хоронятъ
И терпѣливыя стада
Щипать траву лѣниво гонятъ;
Гдѣ бѣлоствольный рядъ березъ,
Какъ новый памятникъ, возросъ
Надъ позабытыми холмами
Могилъ, оплаканныхъ давно,
Гдѣ птицы съ вешними лучами
Поютъ безсмертіе одно,

Гдѣ полусгнившая скамейка
Стоитъ надъ сломанной плитой
И гдѣ тропинка, точно змѣйка,
Досужей выбита ногой,—
Тамъ, подъ развѣсистою ивой,
Въ виду разрушенныхъ гробницъ,
Внимая звучной жизни птицъ,—
Глафира въ грусти молчаливой,
Или за книгою, не разъ
Въ вечерній сиживала часъ.
И тамъ же встрѣтила весною
Она героя своего,
Артиста громкаго того,
Предъ кѣмъ смущенною мечтою
Она молилась въ тайникѣ
Души довѣрчивой и нѣжной...
Онъ шелъ походкою небрежной
Въ пальто и легкомъ башлыкѣ.
Его Глафира увидала,
Смутилась,—и въ его рукѣ
Рука Глафиры задрожала.

Онъ къ ней подсѣлъ... и, томныхъ глазъ
Съ лица Глафиры не спуская,
Сказалъ: «Погода-то какая!—
И, несмотря на поздній часъ,
Еще не холодно. Конечно,
Природу любите вы?..»—Да!
Глафира молвила сердечно
И покраснѣла отъ стыда.
Потомъ они разговорились

О томъ, объ этомъ, о другомъ.
Разстались нѣжно и потомъ
Другъ въ друга искренно влюбились,
Пылая юности виномъ.

XIII.

Любовь сводить ихъ стала чаще;
Ихъ разговоры стали слаще,
И свой романъ отъ зоркихъ глазъ
Они таили въ добрый часъ.
Онъ ей расхваливалъ искусство.
Онъ говорилъ, полушутя:
«Вѣдь вы—ребенокъ, вы—дитя!
Хоть возмужали, но безъ чувства
Въ васъ дремлетъ сонная душа,—
А жизнь-то, жизнь какъ хороша!..
Вотъ мы—совсѣмъ иное дѣло;
У насъ душа, у насъ и тѣло.
Мы рвемся, жаждемъ и горимъ,—
Да, мы—артисты, мы не спимъ!
Мы родились не подъ звѣздой,
А подъ кометою случайной,
Что безнаказанною тайной
Скользитъ межъ небомъ и землей!
Сегодня здѣсь—а завтра броситъ
Судьба куда—не знаю самъ!
Артистъ любви у смертныхъ проситъ
И даръ свой жжетъ, какъ ѳиміамъ!»

Онъ говорилъ, она внимала
Его возвышеннымъ рѣчамъ,
И что-то сладкое къ глазамъ,
Какъ слезы счастья, подступало:
То голосъ родственный въ глуши
Коснулся струнъ ея души!
И поняла Глафира снова,
Что въ мірѣ есть еще сердца,
Что жаждутъ жизни, жаждутъ слова
Съ тоской и мукой мудреца.

XIV.

Глафира Рощину тревожно
Все довѣряла, что могла
И что довѣрить было можно:
И то, какъ скучно здѣсь жила,
И то, что много зла терпѣла,
Что ей живого надо дѣла,
И что у ней талантъ, хотя
Она, быть можетъ,—и дитя!
Она призналась, что въ тетради
Завѣтныя, досуга ради,
Стихи писала,—скорбь души
Правдиво въ нихъ переливала,
Но для чего она писала
Здѣсь, въ этой пасмурной глуши?
Ее не поняли! Быть можетъ
Она могла бы стать умнѣй
Въ кругу иномъ, иныхъ [illegible]
Здѣсь мужъ тиранитъ, [illegible]

Онъ запрещаетъ ей писать,
За ней подсматриваетъ тайно.
Онъ сжегъ стиховъ ея тетрадь,—
И опротивѣлъ чрезвычайно!

Глафиру Рощинъ утѣшалъ.
— Довѣрьтесь мнѣ,—онъ ей сказалъ,—
Раздѣлимъ жизни путь короткій
До гроба вмѣстѣ!..—И смотрѣлъ
Въ ея глаза, такъ милъ и смѣлъ,
Такой довѣрчивый и кроткій.
Въ его лицѣ пылалъ огонь,
И, у щеки ея вздыхая,—
Изъ рукъ своихъ не выпуская,—
Онъ долго жалъ ея ладонь.

И говоритъ Глафира робко:
— Я передъ мужемъ иногда,
Какъ беззащитная холопка,
Скучаю, плачу безъ труда...
Уже почти полгода ровно
Я не брала пера... и словно
Какой-то червь внутри меня
Живетъ и зрѣетъ день отъ дня!
Что-бъ вы о женщинѣ сказали,
Которая, какъ я, въ печали,
Нераздѣляемой никѣмъ,
Богъ знаетъ, жизнь влачитъ зачѣмъ?

РОЩИНЪ.

Я вѣрю—женщина отъ вѣка
Была святыней человѣка,

Царицей жизни и земли!
Ей пѣли гимны, ей служили,
Ее какъ жертву нарядили,—
И на закланье повлекли...
Она, какъ сказочная фея,
Проснулась въ теремѣ, не смѣя
Поднять испуганныхъ очей.
Она въ гаремѣ и въ неволѣ,—
И не съ кѣмъ раздѣлить ей доли,
Весь ужасъ одинокихъ дней!
Она—игрушка и забава,
Она—раба своихъ дѣтей
У просвѣщенныхъ дикарей!
Недаромъ длилася облава,
Недаромъ усыпляла лесть,—
Пришлось ей бремя жизни несть!
Но вотъ стряхнуть позоръ и цѣпи
Ей захотѣлось,—и она
Напрасно мечется, какъ въ склепѣ,
Безъ силъ, живой погребена.
Напрасно!—Тяжкая завѣса
Не отпадетъ... Какъ это жаль,
Что осторожную печаль
Хоронитъ въ сердцѣ поэтесса,
Не смѣя высказаться намъ,
Своимъ кумирамъ и рабамъ!
Вѣдь это пытка, это мука—
Такую жизнь влачить!.. Бѣжимъ
Со мною, бѣдный херувимъ,
Когда васъ не страшитъ разлука
Съ супругомъ-деспотомъ...

ГЛАФИРА.

Богъ съ нимъ!
Вы—счастья моего порука—
Я васъ люблю, я вѣрю вамъ!
Въ моемъ невольномъ заточеньи
Вы оживили вдохновенье,
Открыли свѣтъ моимъ очамъ...
На все, на все для васъ согласна!
Теперь я ваша навсегда
И зову вашему подвластна.
Возьмите—все равно куда!

РОЩИНЪ.

Такъ рѣшено! Я съ вами ѣду,
Благословяся, въ Петербургъ.
Тамъ есть знакомый драматургъ,—
Къ нему по праздникамъ къ обѣду
Литературная семья
Съѣзжается; немного кутятъ,
А больше все читаютъ, шутятъ...
Тамъ познакомлю съ вами я
Всѣхъ знаменитостей. По праву
Въ писательскій войдите кругъ,—
И, можетъ быть, поймаемъ славу,
Къ которой гнѣвенъ вашъ супругъ.

ГЛАФИРА.

— Благодарю васъ, добрый другъ!

И тутъ же скораго побѣга,
Они, обдумывая планъ,

Рѣшили выбрать для ночлега
Уединенный ресторанъ...

XV.

Живя у новаго преддверья,
У новой пристани,—жена
Всегда подъ маской лицемѣрья
Къ супругу вкрадчиво нѣжна.
Тогда нѣтъ ссоръ съ нимъ постоянныхъ,
Капризовъ нѣтъ у ней жеманныхъ;
Она въ ласкающую лесть—
Какъ ядъ цвѣтокъ—въ пурпурный вѣнчикъ,
Умѣло прячетъ злую месть,
И мужъ обманутъ вдругъ, какъ птенчикъ,
Какъ глупый школьникъ, какъ шалунъ...
Глафира ревность усыпила
Въ несчастномъ мужѣ очень мило.
Никто не думалъ, что канунъ
Насталъ побѣга рокового,—
Такъ весела она при немъ:
Отъ ласкъ, отъ хохота живого
Воскресъ мужъ сердцемъ и умомъ.

Казалось, нѣкій геній къ миру
Настроилъ шаткій ихъ очагъ;
Казалось, хмурую Глафиру
Помолодилъ незримый магъ!
Свои комоды отворяя,
Иль разбирая туалетъ,
Она, какъ горлинка лѣсная,
Поетъ и прыгаетъ чуть-свѣтъ.

Она не пишетъ, не читаетъ,
А въ часъ хандры или тоски
«Ему» подтяжки вышиваетъ
И мужу штопаетъ чулки.

И даже, въ день передъ побѣгомъ,
Супруга мягкой сѣдиной
Залюбовалася какъ снѣгомъ.
И, растрепавъ его рукой,
Смѣясь, сказала: «Ангелъ мой!»
Въ уста и въ лобъ поцѣловала,—
А къ ночи стала вдругъ блѣдна,
И нездоровиться ей стало,
И затуманилась она...
А утромъ...
Утромъ, до разсвѣта,
Она исчезла, какъ туманъ,
Какъ мысль летучая поэта...
И скоро мужъ узналъ обманъ!

Жена Гарголину писала
Высокопарно и темно.
Письмо не длинно, тронетъ мало,
Прочесть хотите—вотъ оно:

«Иду на новую дорогу!
Довольно мукъ, довольно слезъ!
Меня мой лучшій другъ увезъ
Отъ васъ навѣкъ—и слава Богу!
Я покидаю навсегда
Вашъ домъ,—терпите и молитесь!

Я васъ забуду безъ труда,
Меня забыть вы потрудитесь!»

Не понимая ничего,
Читалъ Гарголинъ эти строки,—
И въ холодъ бросило его,
И въ сердцѣ замерли упреки.
Ее одну онъ могъ любить,—
Ее бы снова возвратить!
Обнять преступныя колѣни,
Прощенье нѣжное изречь,—
Ее лелѣять и беречь...

За ней въ погоню легче тѣни
Хотѣлъ бѣжать... но вотъ вопросъ —
Куда паяцъ ее увезъ?
Когда и гдѣ фигляръ бездушный
Ее плѣнилъ? Ахъ, можетъ быть,
Онъ будетъ ею, простодушной,
Еще мучительнѣй шутить,
Чѣмъ самъ супругъ ея злосчастный!..
И долго образъ, сердцу властный,
Игралъ его полночнымъ сномъ.
Гарголинъ плакалъ и терзался
И долго сѣтовалъ...

Потомъ
Онъ экономку нанялъ въ домъ,—
И милый образъ стушевался
Въ его измученныхъ мечтахъ.
Такъ все пройдетъ, увы и ахъ!

Уже не сѣтуетъ онъ громко,
И снова жизнь его полна,—
Имъ завладѣла экономка
Какъ полновластная жена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вторыя сутки поѣздъ мчится.
Ужъ Петербургъ недалеко;
Туманный паръ, какъ молоко,
Съ равнины низменной дымится.
По сторонамъ бѣгутъ столбы
И нити проволокъ... и рѣже
Въ лощинахъ сѣрые гробы—
Избушки ветхія; но тѣ же
Поля унылыя кругомъ.
Порой мелькнетъ кустарникъ тощій,—
Останки вырубленной рощи,—
И снова поле подъ овсомъ
Или подъ зрѣющею рожью.
Глафира смотритъ изъ окна
Вагона, волей смущена,—
И съ непонятной сердца дрожью
Взираетъ на природу Божью.
И молча думаетъ она:
Когда же кончатся всѣ эти
Поля и телеграфовъ сѣти;

Когда-жъ блеснетъ ея очамъ
Великолѣпная столица,—
И жутко трепетнымъ мечтамъ,
И сердце бьется, словно птица.

Засуетилися; свистокъ
Далъ знать, что городъ недалекъ.
Снимаютъ съ полокъ чемоданы,
Спѣшатъ надѣть манто иль плэдъ;
Сегодня мутный былъ разсвѣтъ,—
И городъ въ бѣлые туманы,
Какъ въ ризу влажную, одѣтъ.

II.

Въ недоумѣньи озиралась
Глафира; шумъ ее смутилъ.
Туда-ль попали мы? казалось,
Взоръ удивленный говорилъ.
Осеннiй день, еще безъ стужи;
На мостовой мерцаютъ лужи,
А люди ѣдутъ и идутъ.
Весь городъ тонетъ въ мутныхъ краскахъ.
Верхи подняты на коляскахъ;
Кареты мчатся тамъ и тутъ.
Гремятъ звонками бойко конки,
Бѣгутъ и брызжутъ рысаки,
И, отставая въ перегонки,
Везутъ дрова ломовики...

48

Дома одѣлися, какъ въ латы,
Въ желѣзо вывѣсокъ; кругомъ
Мерцаютъ вѣщія заплаты,
Гордясь французскимъ языкомъ.
Пестро въ роскошныхъ магазинахъ
Блестятъ товары на витринахъ
И шлютъ, надменные, вослѣдъ
Свой раздражающій привѣтъ.
Вонъ, за окномъ, какъ въ панорамѣ,
Шелкъ цѣнный, сложенный рядами,
Лоснится въ буфахъ. Чудный цвѣтъ!
Какихъ оттѣнковъ только нѣтъ:
Есть блѣднорозовый, есть цвѣта
Морской волны, есть цвѣта кремъ, —
Такого милаго букета
Не могъ создать бы самъ Эдемъ!

А вонъ еще въ окнѣ зеркальномъ,
Какъ будто въ залѣ музыкальномъ
Блеститъ паркетъ — и тамъ стоятъ,
Еще въ невинности неловкой,
Гордясь нарядной полировкой,
Какъ идолы рояли въ рядъ.
Что ни окно — то цѣнный кладъ!
Вонъ за окошкомъ ювелира
Кресты и серьги изъ сапфира,
Булавки въ видѣ комара;
На перстняхъ искрятся рубины,
Какъ будто на травѣ долины
Роса весенняго утра;
Алмазы свились въ ожерелья,

И бредитъ звуками веселья
Ихъ сладострастная игра...
Еще окно: тамъ люстры, лампы
И въ рамахъ темные эстампы,
А вотъ еще: здѣсь все вѣнки,
Букеты, роги изобилій,
Гдѣ межъ камелій, розъ и лилій,
Синѣютъ скромно васильки,
Тюльпаны гордо расцвѣтаютъ, —
И взоръ наивно обольщаютъ,
Какъ будто люди — мотыльки!

III.

Глафира съ Рощинымъ въ то время
Къ намъ прикатили въ Петроградъ,
Когда поэтовъ новыхъ племя
И беллетристовъ новый рядъ
Въ печати стали состязаться;
Когда Буренинъ сталъ смѣяться
Еще язвительнѣй и злѣй, —
То было въ юности моей,
Когда я, блѣдный и печальный,
Казалось, къ счастью расцвѣталъ
И Рѣпинъ кистью геніальной
Мои черты живописалъ.

Чета влюбленная квартиру
Въ одной изъ улицъ, на Пескахъ,
Себѣ нашла, гдѣ сталъ Глафиру
Невольно мучить тайный страхъ.

Немного радовали эти
Двѣ комнатки, двѣ равныхъ клѣти,
Подъ крышей, въ этажѣ шестомъ,
Съ довольно низкимъ потолкомъ.
То былъ чердакъ почти, откуда
Изъ оконъ видно, какъ кругомъ
Домовъ неряшливая груда,
Тѣснясь, лѣпится; какъ домъ
Надъ домомъ высится, алѣя
Кирпичными задами стѣнъ,—
Гдѣ виденъ весь коварный плѣнъ
Большого города-злодѣя,
Гдѣ блещутъ маковки церквей,
Торчатъ, дымяся, трубы фабрикъ, —
И далеко, въ красѣ своей,
Нева мерцаетъ — и на ней
Темнѣетъ барка иль корабликъ.
Синѣетъ небо въ облакахъ:
Столица вся — какъ на ладони,
Внизу ползутъ, какъ мухи, кони,
Какъ норы—окна на домахъ.
И люди, какъ маріонетки,
Отъ клѣтки каменной до клѣтки
Плетутся въ тяжкихъ хлопотахъ...

Глафира проклинать готова
Свою воздушную тюрьму;
Ей душно, страшно потому,
Что все такъ холодно и ново!
Подъ вечеръ, въ часъ, когда зари
Румянецъ гаснетъ, — лентой длинной

Віяся, въ улицѣ пустынной
Горятъ безмолвно фонари, —
И въ окнахъ блескъ огней повсюду...
И поэтессѣ грустно вновь
Затѣмъ, что каменному чуду
Огни согрѣть не могутъ кровь.
Весь городъ въ саванѣ кисейномъ —
Туманъ!.. А даль еще бѣлѣй,
Еще прозрачнѣй: надъ Литейнымъ
Свѣтъ электрическихъ лучей!..

IV.

Нашъ Петербургъ кого полюбитъ,
Какъ самовластный домовой, —
Того пригрѣетъ, приголубитъ,
Нашепчетъ счастье и покой;
Тотъ не услышитъ въ немъ проклятья
И самъ его не проклянетъ, —
Какъ въ мѣхъ кудрявый упадетъ
Въ его гранитныя объятья.
Но горе тѣмъ, кто для него
Не ко двору, — онъ взглянетъ косо —
И броситъ съ хохотомъ его
Къ судьбѣ жестокой подъ колеса!
Столицы мертвенной красой
Изумлена сперва Глафира,
Потомъ привыкла — и порой
Ея воскреснувшая лира
Опять бряцаетъ подъ рукой.

Потомъ Глафиру Рощинъ вводитъ
Въ литературные кружки;
Она участіе находитъ
Въ пожатьяхъ пишущей руки.
Всѣ тѣ, кого она читала
Въ провинціальномъ городкѣ, —
Теперь отъ ней невдалекѣ.
Съ какою жадностью сначала
Она внимала ихъ рѣчамъ
У М. въ четвергъ, по вечерамъ.
Тутъ былъ Л — ій, благородный
Поклонникъ вѣчной красоты,
Губившій славу и мечты
Въ сатирѣ легкой и безплодной.
Здѣсь былъ едва вступавшій въ свѣтъ
Неразговорчивый поэтъ.
Здѣсь былъ и онъ, ораторъ невскій,
Защитникъ музъ и христіанъ,
Нашъ майскій жукъ, нашъ талисманъ,
Неутомимый А—скій.
Здѣсь критикъ лысый и сухой,
Сверкая ясными очками,
Когда смѣялся надъ стихами,
Дрожалъ бородкою сѣдой.
Тогда бывали на журфиксѣ
Порой и тѣ, чей вопль земной
Теперь умолкъ передъ толпой,
Тѣ, что плывутъ на мирномъ Стиксѣ
Въ ладьѣ Харона гробовой.

V.

Вы на журфиксъ литературный
Со мной хотѣли бы попасть?—
Но я боюсь, чтобъ въ тонъ бравурный
Стихомъ играющимъ не впасть.
Однако мы туда заглянемъ,
Когда желаете, — и встанемъ
Вотъ здѣсь, какъ риѳмы для строфы,
За книжнымъ шкафомъ, у софы.

Не видно много здѣсь движенья,
Зато гостей довольно здѣсь;
Въ ихъ лицахъ незамѣтна спѣсь,
Замѣтнѣй грусть иль утомленье.
Горятъ задумчиво огни.
Сидятъ всѣ чинно, даже хмуро,—
И разговоръ ведутъ они
О томъ, чѣмъ живы наши дни
И что даетъ литература.
Одинъ косматый руссофилъ
Степеннымъ басомъ возгласилъ:
— «Долой Европу! — для народа
Она не можетъ быть — народъ!
Намъ православіе — свобода,
Насъ вдохновеніе влечетъ!..»

Другой, немного кривобокій,
Но также вѣрный руссофилъ —
Потеръ рукою лобъ широкій
И, усмѣхнувшись, возразилъ:

— «Но тамъ всѣ ѣздятъ на резинахъ;
Тамъ нѣтъ кредита въ лавкахъ винныхъ, —
И всѣ трезвѣе потому...
И тамъ просторнѣе уму!
Тамъ, посмотрите — мостовыя,
Ни дать, ни взять — что твой паркетъ!»

— Пожалуй, нравы тамъ иные,
Но мнѣ милѣе русскихъ нѣтъ!
Кто такъ радушенъ, какъ нашъ русскій,
Нашъ воспріимчивый народъ?
Хоть мѣркой мѣряетъ онъ узкой,
Да широко зато шагнетъ.
Всѣ ваши Лондоны, Берлины,
Не стоютъ русскаго села!..

— Гдѣ мысли, кажется, не длинны,
Но длинны всякія дѣла!
Съострилъ артистъ широколицый.
Тогда хозяинъ споръ прервалъ:
— Не всѣмъ же: veni! vidi! vici,
Инымъ нужнѣе идеалъ!
Рѣчь оживлялась понемногу.
Казалось бы — и слава Богу,
Но тутъ смиренный беллетристъ
(Онъ былъ къ тому же пессимистъ)
Сталъ озираться все угрюмѣй,
Все беззащитнѣй... наконецъ
Онъ сталъ таинственнѣе мумій,
И блѣденъ, блѣденъ какъ мертвецъ.

Измялъ свой усъ нетерпѣливо,
Какъ будто нѣкихъ ждалъ чудесъ,
И, озираясь боязливо,
Не попрощался и — исчезъ...

Тогда, чтобъ тишину развѣять
И снова общество увлечь, —
Поэтъ NN задумалъ сѣять
Свою пророческую рѣчь.
Со взоромъ зайца биржевого,
Но духомъ римлянинъ и россъ,
Поэтъ сказалъ: «Прошу я слова!» —
И важно поднялъ смуглый носъ.

Поэтъ былъ другъ Замоскворѣчью,
Но въ Римѣ чтилъ вторую мать;
Своей возвышенною рѣчью
Хотѣлъ онъ древность воскрешать,
И началъ онъ: «Сюжетъ беру я
Изъ давнихъ лѣтъ... Представьте: пиръ.
При звонѣ лютенъ, арфъ и лиръ,
При звукѣ чудномъ поцѣлуя,
Ликуетъ Клавдій по утру...
Но вдругъ измѣна: шумъ и крики! —
И вотъ сверкаетъ мечъ владыки...
Такъ римскій Клавдій на пиру,
Среди страстей своихъ пожара,
Бывалъ страшнѣе ягуара
Или смѣшнѣе кенгуру!»

Поэтъ замолкъ. Сказать по правдѣ,
Немного тронулъ римскій Клавдій

49

Безъ хмеля заспанныхъ гостей,
Но всѣ одобрили спросонка;
Одни сказали: «Это громко!»
Другіе: «Можно бы смѣлѣй!..»

Чай допитъ. Часъ насталъ разъѣзда, —
И гости тянутся гуськомъ.
Имъ отворяетъ дверь подъѣзда
Швейцаръ съ озлобленнымъ лицомъ.

VI.

Глафира съ Рощинымъ два года
Живетъ въ столицѣ. Первый годъ
Ее все манитъ и влечетъ, —
Скупая финская природа
И шумной жизни важный ходъ.
Годъ первый, полный впечатлѣнья,
Мелькнулъ, какъ легкое видѣнье,
Среди знакомствъ, среди толпы.
Ей ново все: театры, чтенья,
Въ соборахъ пышные попы
И въ рынкахъ вѣчное движенье, —
И ночи бѣлыя въ Лѣсномъ,
Гдѣ Рощинъ въ клубѣ небольшомъ
Вновь гастролируетъ съ успѣхомъ,
Гдѣ дачной жизни мишура
Гуляетъ съ ранняго утра,
А день оканчиваетъ смѣхомъ
У самовара, за столомъ,
На полусумрачномъ балконѣ,

Гдѣ пахнетъ влажнымъ цвѣтникомъ.
И на Невѣ ей милы «тони»,
Гдѣ сѣть намокшую, какъ кладъ,
Рыбакъ изъ волнъ влечетъ назадъ.

Но вотъ сезонъ проходитъ дачный.
Смѣнился мракъ ночей прозрачный
Холодной тьмою. Желтый листъ
Мелькаетъ въ зелени древесной;
Темно нахмуренъ сводъ небесный,
А листъ рѣдѣющій огнистъ.
Въ садахъ поломаны куртины,
Цвѣты пришиблены дождемъ,
И тянетъ гарью изъ долины
Подъ набѣжавшимъ вѣтеркомъ.
Жалюзи выцвѣли у оконъ
И гуще плѣсень на прудѣ,
И у заборовъ кое-гдѣ
Уже виситъ прозрачный коконъ.
Пора изъ вольныхъ деревень,
Пора пріютъ покинуть дачный, —
Забыть разсѣянную лѣнь
И вновь уѣхать въ городъ мрачный,
Гдѣ хмурой жизни хлопотня
Не молкнетъ и съ закатомъ дня;
Гдѣ фабрикъ дымящія трубы
Кадятъ несчастью ѳиміамъ,
Гдѣ такъ свѣтло по вечерамъ,
Гдѣ говоромъ щебечутъ клубы
И щелканьемъ игральныхъ картъ...
Тамъ все Глафиру развлекало:

Базаромъ убранное зало
И даже городской ломбардъ.
Тамъ, словно геніи въ видѣньяхъ,
Литературный рядъ гостей, —
Въ гостиныхъ модныхъ и на чтеньяхъ, —
Мелькнулъ и скрылся передъ ней:
Быковъ, Пятковскій, Оболенскій,
Кругловъ, П. Вейнбергъ, А. Введенскій,
К. Баранцевичъ, И. Щегловъ,
А. Сальниковъ, Н. Соколовъ,
В. Тихоновъ, Максимъ Бѣлинскій,
А. Леманъ, Чюмина, Н. Минскій,
Д. Григоровичъ — джентельменъ;
Н. Лейкинъ — нашъ россійскій Твэнъ;
А. Скабическій, Засодимскій,
Д. Мережковскій; лысый Фругъ;
В. Л. Величко — нѣжный другъ,
Ф. Фидлеръ — переводчикъ славный
Поэтовъ русскихъ; А. Заринъ —
Какъ спичка тонкій господинъ;
Н. Плисскій — кроткій и забавный;
М. Альбовъ, В. А. Колмаковъ,
Несмѣловъ-Соловьевъ, и просто
Владиміръ Соловьевъ, К. Льдовъ,
И. И. Посадовъ-Горбуновъ; —
Именъ безъ малаго-ль не до ста
Я насчитать бы вамъ готовъ.
Но время тратить нѣтъ мнѣ нужды, —
Вамъ имена иныя чужды,
А мнѣ знакомы по уму —
И я люблю ихъ потому.

VII.

— А что же Муза поэтессы?
Читатель спроситъ. Можетъ быть,
Ей удалось открыть завѣсы
И въ храмъ безсмертія вступить?
Она зарей на горизонтѣ
Не возгорѣлась ли теперь?
Предъ ней вездѣ-ль открыта дверь:
И въ душномъ классѣ, и въ бомондѣ,
Въ простой чиновничьей семьѣ
И въ скромной кельѣ у студента?
Увы! На выходъ нѣтъ патента, —
Она еще подъ прессъ-папье.
Нельзя сказать, чтобъ очень сладкій
Отъ ней хозяйки былъ почетъ;
На бѣдномъ столикѣ, въ тетрадкѣ,
Таяся, Муза славы ждетъ.

Не разъ, не два уже читала
Глафира судьямъ записнымъ
Свои стихи; они сначала
Вниманье прилагали къ нимъ, —
Въ нихъ исправляли выраженья,
Читали ей нравоученья
Немного вялымъ языкомъ.
Редакторъ дѣтскаго журнала
Ей посовѣтовалъ сначала
Заняться прозой, а потомъ
Уже работать надъ стихомъ.

«Писать попробуйте вы въ прозѣ,
Вотъ, напримѣръ, хоть о березѣ,—
Какъ расцвѣла она,—и какъ
Ее срубилъ купецъ-кулакъ.
Конечно, надо назиданье
Для дѣтокъ сдѣлать подъ конецъ:
Что и березка-де — созданье,
И что не вовсе правъ купецъ!»

Одинъ поэтъ, ей предрекая
Большую будущность, сказалъ:
«Теперь погода не такая,
Чтобы печаталъ васъ журналъ!»
И, въ самомъ дѣлѣ, возвращали
Стихи журналы, а въ одномъ
Юмористическомъ журналѣ
Ее обидѣли стишкомъ.
И лишь однажды поэтессѣ
Успѣхъ блеснулъ: въ листкѣ одномъ
Былъ стансъ (благодаренье прессѣ!)
Съ названіемъ «Христосъ Воскресе».
Иниціалы подъ стихомъ
Темнѣли сочно на бумагѣ,
Какъ бы изюмъ на творогѣ,
Изображая Г. Л. Г.
О, запахъ типографской влаги,
Какъ сладко юныя мечты
Бодришь и окрыляешь ты!

VIII.

Но жизнь, подобная химерѣ,
Солгала въ ложной красотѣ, --
И къ артистической четѣ
Нужда стучаться стала въ двери.
Исчезъ любви минутный сонъ!
Суровъ, печаленъ Рощинъ-Ролинъ,
И часто жалуется онъ,
Что недостойно обездоленъ,
Судьбой жестоко обойденъ.
Его Глафира стала чаще
Недосыпать, недомогать,
И голосъ, радостью звучащій,
Сталъ утомленіемъ звучать.

Скучаетъ Рощинъ; безъ возврата
Отъ нихъ умчалась тишина.
И чуть ли не во всемъ одна
Его Глафира виновата,—
Затѣмъ, что властвуетъ она
Надъ нимъ то ревностью суровой,
То милой нѣжностью своей.
Она—межъ лавровъ кустъ терновый;
Артистъ нахмуренъ передъ ней.
Напрасны всѣ ея усилья,
Чтобъ усладить тоску его,—
Онъ знать не хочетъ ничего!—
Она подрѣзываетъ крылья
Его успѣхамъ, оттого,

Что родилась натурой мелкой.
Она не любитъ, а ханжитъ;
Надъ каждой глупою бездѣлкой
Теряетъ сонъ и апетитъ.

Онъ въ заточеніи постыдномъ.
Она же съ тайною тоской
Его къ артисткамъ миловиднымъ
Ревнуетъ. Экій стыдъ какой!
Въ недоумѣніи обидномъ
Сердитъ и важенъ нашъ герой.
Къ тому же вѣчно недостатки:
Расходы стали велики;
Онъ меньше тратитъ на перчатки,
А больше ей на башмаки.

Какая скука! Правый Боже,
Вокругъ всегда одно и то же!
Нѣтъ, нѣтъ, — плохой онъ семьянинъ;
Нѣтъ, то ли дѣло жить на волѣ,—
Всегда свободенъ и одинъ,
Одинъ какъ вольный вѣтеръ въ полѣ,
Какъ смѣлый челнъ среди пучинъ!

По счастью, какъ-то на концертѣ,
Одинъ добрѣйшій человѣкъ,
Артистовъ любящій до смерти —
Знакомитъ Рощина съ фонъ-Блекъ,
Съ пѣвицей, доживавшей вѣкъ
Въ уединеніи, безъ службы,—
И жаждущей взаимной дружбы
И — можетъ быть — взаимныхъ нѣгъ.

IX.

Мадамъ фонъ-Блекъ была старушкой,
Замаринованной отъ лѣтъ;
Носила узенькій корсетъ,
Чернила волосы,— и, мушкой
Морщины скрасивши у рта,
Смотрѣла бодро, безъ печали,
И часто зубы обнажали
Ея карминныя уста.

Она въ дни юности далекой
Была красива, спору нѣтъ,—
Въ то время кринолинъ широкій
И букли украшали свѣтъ.
Тогда за нею лучшій цвѣтъ
Всей петербургской молодежи
Гонялся, — и ея привѣтъ
Былъ «сотни душъ» инымъ дороже.
Она въ концертахъ иногда
Богиней модной выступала,—
Ахъ, тѣ счастливые года
Неслись шумнѣе карнавала!
Воспоминанія о нихъ
Она хранитъ въ мечтахъ живыхъ,
Но молчаливѣй съ каждымъ годомъ,—
Чтобы, обмолвясь мимоходомъ,
Не выдать тайну лѣтъ своихъ.
Двѣнадцать лѣтъ назадъ—не болѣе
Она любила вспоминать,

Какъ Гоголь, посѣтивъ ихъ въ школѣ,
Ей сталъ молитву диктовать.
Теперь не будетъ это много-ль
Вредить лѣтамъ ея?—и вотъ
Уже забытъ любимый Гоголь,
Чтобъ съ толку не сбивать народъ.

Довольно было перемѣны
Въ ея судьбѣ. Она шутя
Свою любовь, свои измѣны
Переживала какъ дитя.
Послѣднiй другъ, уже покойный,
Достопочтенный графъ Мишель,
Красавецъ вѣтреный и стройный,
Еще ей памятенъ досель.

Къ ней заходить сталъ часто Ролинъ;
Ей льстилъ, съ ней въ шахматы игралъ,
Порою былъ съ ней богомоленъ,
Порою сплетничалъ и лгалъ.
Ея онъ восторгался вкусомъ,
Ея обѣдомъ и бурнусомъ.
Когда же тягостный мигрень
Ее томилъ,—то Ролинъ грустно
Вздыхалъ съ ней вмѣстѣ цѣлый день
И соболѣзновалъ искусно.

Такъ жизнь ведя легко и праздно,
Артистъ нашъ сталъ имѣть доходъ,
Взимая заимообразно
Рублей то двѣсти, то пятьсотъ

Съ фонъ-Блекъ, старушки очень щедрой.
И, далеко за поздній часъ,
Они зачитывались «Федрой»,
Читая «Федру» пятый разъ.

Вотъ быть что значитъ благороднымъ
И мѣтить въ избранную цѣль:
Онъ сталъ ходить въ цилиндрѣ модномъ,
Завелъ бобровую шинель;
Онъ въ ресторанѣ у Контана
Теперь сталъ ужинать порой,
И съ горделивой головой
Къ Глафирѣ возвращался рано
По утру,—въ часъ, когда она
Его ждала безъ думъ, безъ сна,
Исполнена недоумѣнья...
А онъ, веселый и живой,
Твердилъ съ усмѣшкою кривой:
«Ну, что, какъ наши вдохновенья?»

X.

Невольно въ ужасѣ ревнивомъ,
Уже предчувствуя разрывъ,
Глафира взоромъ молчаливымъ
Глядитъ на Ролина. Приливъ
То злобы, то любви мятежной
Въ душѣ измученной храня,
Она съ довѣрчивостью нѣжной
Ему послушнѣй день отъ дня.

Что если онъ ее покинетъ?
И кровь невольно въ жилахъ стынетъ,
И съ устъ сорвавшійся упрекъ
Подавленъ вздохомъ. Нѣтъ, не можетъ
Онъ быть такъ дерзокъ и жестокъ!
И не нарочно онъ тревожитъ
Въ ней ревность вспыхнувшую. Что-жъ,
Вѣдь онъ такъ молодъ и хорошъ.
И диво-ль, если имъ другая
Увлечена! Конечно, съ той
Капризомъ вѣтрено играя,—
Онъ все же вѣренъ ей одной.

Межъ тѣмъ фонъ-Блекъ все суевѣрнѣй
Глядитъ на жизнь, и все нѣжнѣй
Заботы о здоровьѣ въ ней.
Она все чаще въ часъ вечерній
Боится, чтобы кто изъ слугъ
Трехъ свѣчекъ не зажегъ бы вдругъ.
И если воронъ на сосѣдней
Трубѣ закаркаетъ,—она,
Волненьемъ тайнымъ смущена,
Едва-ль не плачетъ. Разъ въ передней
Скрипѣлъ сверчокъ,—и цѣлый день
Она ходила точно тѣнь.
Разъ какъ-то ей приснилась яма,—
Она съ тѣхъ поръ тревожнѣй спитъ;
Съ тѣхъ поръ мечтательная дама
Вдругъ потеряла апетитъ—
И все о смерти говоритъ.
Но Ролинъ въ нѣжности всесиленъ;

Онъ снялъ съ нея ярмо тоски,
Сказавъ, что къ смерти снится филинъ,
Все остальное—пустяки!
Она сама себѣ боится
Признаться въ дряхлости, и вотъ—
Еще успѣшнѣй молодится,
Еще румянѣе цвѣтетъ!

И какъ-то разъ, подъ вечеръ хмурый,
Когда каминъ ронялъ свой свѣтъ
И на стѣнѣ каррикатурой
Чертилъ двухъ тѣней силуэтъ;
Когда фонъ-Блекъ, а съ нею Ролинъ,—
Тепломъ уютности доволенъ,—
Сидѣли въ креслахъ у огня,
Въ затишьи меркнувшаго дня,
Сидѣли молча, разговора
Не находя,—старушка вдругъ
Съ привѣтомъ вспыхнувшаго взора
Сказала: «Знаете-ль, мой другъ,
Мнѣ вашъ визитъ всегда отраденъ,—
Не будете ли такъ добры,
Чтобъ проводить меня въ Висбаденъ.
Я умираю отъ хандры!
Тамъ все же общество и воды,
А здѣсь отстала я отъ моды
И не показываюсь въ свѣтъ,—
И до него мнѣ дѣла нѣтъ.
Къ тому же я на новомъ мѣстѣ
Всегда привыкла воскресать.
Не правда-ль, мы поѣдемъ вмѣстѣ?»

И онъ рѣшилъ сопровождать
Фонъ-Блекъ...
Но какъ же быть съ квартирой,—
Срокъ выйдетъ мѣсяцевъ чрезъ пять!
Какъ оправдаться предъ Глафирой,
Чѣмъ свой отъѣздъ растолковать?

XI.

День ото-дня его Глафира
Нѣжнѣй и ласковѣе съ нимъ,
Но онъ желалъ бы лучше мира
Вражду съ разрывомъ роковымъ.
Долой тяжелую обузу!
Давно пора расторгнуть плѣнъ,—
Конецъ несносному союзу;
Онъ волю обрѣтетъ взамѣнъ.
Унылъ притворною любовью,
Склонивъ коварное чело,—
Прибѣгнулъ Рощинъ къ пышнословью—
И усладилъ рѣчами зло.

ОНЪ.

Мой нѣжный ангелъ, я не стою
Твоей слезы, твой любви;
Зови меня своей грозою,
Своимъ несчастіемъ зови!
Зачѣмъ держать въ неволѣ птицу?
Скажи: лети! — и полечу.

ОНА.

Куда?

ОНЪ.

Я ѣду заграницу.

ОНА.

Возьми меня -- и я хочу.

ОНЪ.

Ахъ, если-бъ можно это было!
Иду — куда тебѣ нельзя, —
Иду, надъ бездною скользя.

ОНА.

Что-жъ дѣлать мнѣ?

ОНЪ.

Вотъ это мило! —
Что раньше дѣлала. Спѣши
Опять на родину, къ супругу;
Скажи, что измѣнила другу,
Что не нашла во мнѣ души!
Покайся передъ нимъ сердечно.
Стиховъ тамъ больше не пиши, —
И онъ проститъ тебя, конечно.

ОНА.

О, какъ жестокъ твой смѣхъ.

ОНЪ.

Ничуть!..

Вѣдь твой старикъ — супругъ законный:
Моли его, пади на грудь...
И онъ, растроганный, смущенный,
Тебя проститъ.

ОНА.

Проститъ! О, нѣтъ, —
Я не хочу его прощенья.
Разъ было съ нимъ разъединенье —
И навсегда!

ОНЪ.

Тогда совѣтъ
Другой даю. Возьми работу, —
Правь корректуру... ну, пиши!
Трудись, какъ я тружусь до поту;
Иди на сцену и — смѣши!
А жить нельзя намъ дольше вмѣстѣ...
На время первое я дамъ
Хоть сто рублей... пожалуй — двѣсти...
Ну, что-жъ, согласна?.. По рукамъ!..

Напрасны всѣ ея стенанья,
Напрасны всѣ ея мольбы:
Онъ — властелинъ; его желанья
Для опрометчивой рабы
Вѣрнѣе, чѣмъ законъ судьбы...

XII.

Отъѣзда день, часы разлуки.
Глафира, блѣдная какъ тѣнь,
Не ѣстъ и плачетъ цѣлый день,
Ломая судорожно руки.
Безстрашный Рощинъ не скучалъ.
«Не плачь! Вернусь еще быть можетъ!»
Онъ мимоходомъ ей сказалъ.
Вотъ скоро вещи всѣ уложитъ
Онъ въ чемоданъ. И говоритъ:
«Не провожай!» — и на прощанье
Такъ нѣжно, весело глядитъ,
Какъ будто въ первое свиданье.

Уѣхалъ! Пусто и темно
Въ ея квартирѣ опустѣлой...
Съ тоской горячей и несмѣлой
Она слѣдитъ за нимъ въ окно.
За нимъ бѣжать? Но нѣтъ, — напрасно, —
Онъ не возьметъ!.. Въ ея душѣ
О смерти мысль темнѣетъ ясно,
Какъ слѣдъ на первой порошѣ.
Она въ раздумьѣ молчаливомъ
Глотаетъ слезы, — и потомъ
Въ уединенiи ревнивомъ
Стихъ плавно льется за стихомъ:

«Пусть мститъ судьба суровая коварно,
Пусть мнѣ грозитъ разлука навсегда,
Мой милый другъ, за все я благодарна,—
За ночь любви, за черный день труда.

«Прости меня за ревность и за слезы;
Тебя люблю,—съ тобой однимъ слилась!
Не погуби колеблющейся лозы,
Что въ часъ грозы вкругъ дуба обвилась!

«Прощай, прости! Сопутствуя повсюду
Вослѣдъ тебѣ на крыліяхъ мечты,
Шептать всегда и пѣть, рыдая, буду:
«Зачѣмъ, зачѣмъ меня оставилъ ты!»

Глафира плачетъ, — и не въ силахъ
Послѣдней строчки написать...
Она одна! Одна опять!
И гдѣ искать ей сердцу милыхъ?
Невѣрный другъ ея исчезъ,
Какъ тать трусливый и преступный,
И городъ, счастью недоступный,
Всталъ передъ ней какъ темный лѣсъ...
Куда бѣжать искать защиты,
Чьего участія просить?
Пылаютъ гнѣвныя ланиты...

О, горе! Жить или не жить?
Она порывисто хотѣла
Прибѣгнуть къ яду иль ножу,
Или къ шестому этажу,
Чтобъ духъ освободить изъ тѣла;
Но пораздумала — и вотъ
Опять томится и живетъ!

О, Фебъ! Какъ зло, какъ тяжко предалъ
Ты поэтессу въ цвѣтѣ силъ:
Ей лучезарной славы не далъ,
А счастье блѣдное разбилъ!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Быть можетъ, онъ еще вернется,
О ней соскучится — и вновь
Веселымъ солнцемъ улыбнется
Ея счастливая любовь.
Быть можетъ, онъ еще напишетъ, —
Глафира ждетъ, — а писемъ нѣтъ.
Ея рукою, какъ привѣтъ,
Ему второй подчасникъ вышитъ.
Но онъ забылъ ее совсѣмъ!
Ростетъ отчаянье Глафиры,
Безмолвствуютъ и струны лиры,
И холодны мечтанья темъ.
Какой заняться ей работой,
Какое мѣсто отыскать?
Холодный городъ докучать
Ей сталъ кичливой позолотой.

Подъ осень длинны вечера;
Печаль сегодня и вчера.
До утомленія гуляетъ
Въ садахъ Глафира, и порой

Лорнетомъ зорко наблюдаетъ
Ея походку франтъ иной.
Ей грустно; сердце, слава Богу,
Подъ взоромъ новымъ и чужимъ
Не бьетъ стыдливую тревогу,—
Оно полно безмолвно «имъ».
Писать романъ она готова,
Но гдѣ же красокъ взять и слова,
Да и кому же будетъ милъ
Романъ о томъ, «какъ онъ любилъ»!

Однажды вечеромъ туманнымъ,
Октябрьскимъ вечеромъ, одна
Глафира шла, волненьемъ страннымъ
И тяжкой думой смущена.
А суета была все та же;
Въ туманѣ мчались экипажи,
И свѣтъ мелькающихъ каретъ
Ей говорилъ, не безъ пристрастья,
Что если счастья въ мірѣ нѣтъ, —
То есть пародія на счастье.
И захотѣлось какъ-нибудь
Себя Глафирѣ обмануть,—
Упиться зрѣлищемъ иль баломъ,
Грусть въ шумѣ потопить... И вотъ
Подъѣздъ — обитый тикомъ входъ —
Ее манитъ блестящимъ заломъ.
Билетъ на право входа лишь
Полтинникъ; красный рядъ афишъ
Гласитъ, что клоунъ музыкальный
Здѣсь представленія даетъ,

Что здѣсь оркестръ играетъ бальный
И молдаванскій хоръ поетъ.
Глафира мало разумѣла
Увеселенія, — взяла
Она билетъ, — и входитъ смѣло
Куда-бъ, робѣя, не вошла...

II.

Какое странное веселье!
На лицахъ тяжкій слѣдъ похмелья;
Блуждаютъ пары здѣсь и тамъ;
Оркестръ гремитъ, поютъ арфистки;
Когда-жъ танцуютъ, то у дамъ
Ланиты алыя такъ близки
Къ лицу мужчинъ и къ ихъ усамъ...

На сценѣ клоунъ съ носомъ длиннымъ,
Въ зеленомъ фракѣ и въ очкахъ,
Давъ волю выходкамъ и минамъ,
Играетъ вальсы на губахъ.
Потомъ нѣмецкія тирады
Мѣшаетъ съ русскимъ языкомъ
И наконецъ, сходя съ эстрады,
Кричитъ индѣйскимъ пѣтухомъ.
И вотъ налѣво и направо
Въ ладони бьютъ; со всѣхъ сторонъ
Пошелъ трескучій перезвонъ
И восклицанья: браво, браво!

Въ недоумѣньи и тоскѣ
Глафира бродитъ одиноко;
Межъ тѣмъ за ней невдалекѣ
Слѣдитъ внимательное око:
Усачъ пятидесяти лѣтъ,
Пестро и вычурно одѣтъ,
Къ ней подошелъ; онъ весь сіяетъ
Отъ круглой лысины до пятъ;
Жилетъ съ цѣпочкой выставляетъ
И помутнѣвшій щуритъ взглядъ.
На галстухѣ рубинъ булавки,
На пальцахъ перстни... Кто такой?
Военный вахмистръ ли въ отставкѣ,
Приказчикъ ли изъ модной лавки,
Иль просто шулеръ записной?

—«Ma chère, не выпить ли лафиту?»
Глафира смотритъ — и молчитъ.
— Вы не изъ невскаго гранита?
Онъ ей, смѣяся, говоритъ.
И остротой своей не мало
Довольный, рѣчь повелъ сначала:
— Ну что-жъ, мы будемъ пить лафитъ?
Глафира ходитъ — и молчитъ.
За ней усачъ, какъ песъ дозорный,
Идетъ — на шагъ не отстаетъ.—
— На васъ корсажъ я вижу черный,
И вы... вы холодны какъ ледъ!
Быть можетъ, тяжкая потеря
Васъ посѣтила?.. Трауръ вашъ
Развеселимъ мы звономъ чашъ!..

И онъ смотрѣлъ глазами звѣря
На грудь Глафиры и корсажъ.

Глафира, трепетъ ощущая,
Готова къ выходу идти,—
Но онъ, ей путь преграждая,
Какъ змѣй лукавый на пути,
Учтиво вьется, осторожно
Ей руку жметъ, въ глаза глядитъ
Молящимъ взоромъ, гдѣ намъ можно
Прочесть лишь волчій апетитъ.

— Вы благороднѣйшая дама,
Я вижу, шепчетъ кавалеръ,—
Вы замужемъ, parole d'honneur!..
Глафира все молчитъ упрямо.
— Одну бутылочку клико
Мы выпьемъ,—это такъ легко!
Да говорите же мнѣ прямо,
Чего хотите? Боже мой,
Вѣдь не обидѣть же хочу я,—
Прошу не ласкъ, не поцѣлуя,
А только ужинъ небольшой
Я раздѣлить хотѣлъ бы съ вами,—
Здѣсь очень скучно одному...
И съ опущенными глазами
Глафира молвитъ: «Почему?»
— Да потому, что я не знаю
Здѣсь никого; я здѣсь чужой...
Я полагалъ, что въ клубъ вступаю —
И что-жъ, представьте ужасъ мой:

Вхожу; гляжу — и вижу массу
Какихъ-то крашеныхъ головъ!
И онъ въ невинную гримасу
Скривилъ свой ротъ изъ-подъ усовъ.
— И вы, я думаю, случайно
Сюда попали?— Да, почти!
— У васъ есть въ сердцѣ скорбь и тайна?
Но какъ рѣшились вы войти?
— Изъ любопытства; я не знала,—
Я думала здѣсь лучше зало,
И больше сцена, а не то
Я не пошла бы низачто!
— Но все же кстати забрели вы,
Не то бы я скучалъ безъ васъ...
Итакъ,— надѣюсь, не брезгливы,—
Мы будемъ ужинать сейчасъ...
Вотъ здѣсь присядемте за столикъ,
Къ сторонкѣ, дальше отъ людей;
Отъ здѣшнихъ фокусовъ и полекъ
Угарный чадъ въ душѣ моей!

III.

Была Глафира голодна
И съ апетитомъ ростбифъ ѣла;
Три рюмки выпила она
И, разгорѣвшись, покраснѣла.
Усачъ съ ней весело шутилъ
И выпить вновь ее просилъ.

Имъ дали кофе и ликеру.
Еще усачъ довольно милъ,
Хотя и выпилъ черезъ мѣру.
Онъ говорилъ: — «Я изъ дворянъ,
А вовсе не пройдоха дерзкій...
Эй, малый! это сыръ мещерскій,—
Дай бри и рюмку финь-шампань!
Я самъ былъ прежде семьяниномъ;
Вдовѣю; прежде съ сыномъ жилъ,
Теперь я не живу ужъ съ сыномъ,—
Два года, какъ его женилъ.
Я въ Петербургъ по дѣлу сына
Пріѣхалъ — ненадолго жить.
Еще полрюмки мараскина
Позвольте въ чашечку налить.
Имѣнье у меня большое
На югѣ есть — и родовое,
А здѣсь живу я какъ бобыль!
Я радъ ужасно встрѣчѣ съ вами...
Ну, что же, будемте друзьями...
Эй, малый! дай еще бутыль
Шампанскаго, — да лучшей марки!»

Глафирѣ сдѣлалось тепло,—
Огни ей кажутся такъ ярки,
Пылаютъ уши и чело.
Въ душѣ внезапно перемѣна;
Исчезла грусть, — она пьяна —
Въ бокалѣ брызжущая пѣна—
И та ей кажется смѣшна.

32

Но вотъ ей сдѣлалося душно.
«Ахъ, мнѣ давно пора домой!»
Она сказала простодушно
Съ улыбкой блѣдной и хмельной.
— Поѣдемте въ одной коляскѣ!
Хотите васъ я подвезу?—
Сказалъ усачъ, смигнувъ слезу
И щуря масляные глазки.
Сталъ умиленнѣе теперь
Не въ мѣру добродушный звѣрь.
Ему Глафира довѣряла...
Они идутъ; шумнѣе зала;
Въ глазахъ двоится свѣтъ огней.
Какъ много блеску и людей!
Вотъ вышли на подъѣздъ. Садятся
Неловко въ тѣсный экипажъ;
Какъ фонари смѣшно двоятся
И даже прыгаютъ! Когда-жъ
Она пріѣдетъ? Какъ лазурна
Ночная высь! Какъ много звѣздъ!
Какъ длиненъ этотъ скучный мостъ!
Ее мутитъ. «Мнѣ очень дурно!»
Она, блѣднѣя, говоритъ.
— «Вамъ дурно! Боже, въ самомъ дѣлѣ,
Вы такъ ужасно поблѣднѣли!»
Онъ ей сочувственно шипитъ.
— Однако, вотъ мы и у цѣли...
Я вамъ сейчасъ лекарства дамъ!...
И вотъ подъѣздъ. Они въ отелѣ
Идутъ, ступая по коврамъ.

IV.

Они вошли. Зажгли имъ свѣчи.
Усачъ ей что-то прошепталъ,—
Она его не слышитъ рѣчи.
Онъ подаетъ большой бокалъ
Съ водою сельтерской; третъ уши
О-де-колономъ; нюхать соль
Даетъ,— и говоритъ ей глуше:
«Корсажъ твой разстегнуть позволь».
Она глядитъ въ негодованьи
Кругомъ себя. Куда завелъ
Лукавый спутникъ? Стулья, столъ
И въ недалекомъ разстояньи
За полинялыми драпри,
Какъ эшафотъ,— ночное ложе...
Она въ гостинницѣ! О, Боже!
Дверь не закрыта-ль изнутри?
Она бѣжитъ поспѣшно къ двери;
Усачъ дорогу преградилъ.
— Куда вы? онъ ее спросилъ.
— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ,
Гдѣ я?— Въ гостяхъ!—Зачѣмъ?—Лѣчу,
Сидите здѣсь!—Я не хочу,—
Пустите...

— Нѣтъ, не уходите;
Я за любовь озолочу!
— Въ окошко брошусь! Отпустите,—
Городового закричу!

Усачъ дрожалъ, сжимая губы
Въ улыбку.
— Выхода прошу!
Я васъ молю,— не будьте грубы!
— Останьтесь, дайте лучше въ зубы,
А я объятьемъ задушу!..
— Да я убить сейчасъ готова
Себя и васъ,— пустите прочь!
— Куда? теперь глухая ночь.
— Людей кричать начну...
— Ни слова!
Я самъ васъ вытолкну за дверь,—
Прочь, шарлатанка!
— Дикій звѣрь!
И съ этимъ словомъ безъ оглядки
Глафира, комкая перчатки,
Прыгнула въ коридоръ скорѣй...
Бѣжитъ стремглавъ по коридорамъ;
На стулѣ заспанный лакей
Слѣдитъ за ней усталымъ взоромъ
И говоритъ, ворча съ укоромъ,—
«Покоя нѣтъ отъ нихъ, чертей!»

V.

И вновь на улицѣ Глафира...
Въ какихъ мѣстахъ теперь она?
Повсюду мракъ и тишина...
Какъ грустно конченъ вечеръ пира!
Куда идти, не все-ль равно.
Ночь безучастна на зенитѣ.

Въ душѣ угарно и темно;
Слеза застыла на ланитѣ,—
Обида жарче, чѣмъ вино!
Бушуйте, вѣтры,—и несите
Ее скорѣй куда-нибудь,
Гдѣ-бъ можно сердцемъ отдохнуть...
Что-бъ «онъ» сказалъ? О стыдъ, о горе!
И какъ могла она попасть
Въ такой разгулъ, гдѣ на просторѣ
Гуляетъ бѣшеная страсть!
Она идетъ — куда? — не знаетъ.
Болитъ и ноетъ голова.
А вотъ и мостъ... и вотъ Нева!
Рѣка трепещетъ и сверкаетъ
Подобно рыбьей чешуѣ
Подъ свѣтомъ звѣздъ... и одиноко
Глафира сѣла на скамьѣ
Гранитной ниши... Какъ далеко
Бѣжитъ рѣка,—и какъ темно
Ея заманчивое дно!—
Не тамъ ли ей найти забвенье?
Здѣсь тихо все, лишь въ отдаленьи
Порой пролетка дребезжитъ,
Да слышенъ бой часовъ протяжный.
Бѣлѣй востокъ — и вѣтеръ влажный
Ласкаетъ волны и гранитъ,
И тяжко въ воздухѣ дрожитъ
Соборный колоколъ. Часъ ранній
Дня новаго! Съ небесъ туманнѣй
Алѣетъ мѣсяцъ молодой.
Ужъ скоро мракъ томить устанетъ

И солнце радостное взглянетъ
Надъ холодѣющей Невой;
Но прежде чѣмъ сіянье броситъ,
Туманный мѣсяцъ призоветъ,
Оно, какъ брата, мѣсяцъ спроситъ:
«Кто, гдѣ и какъ себя ведетъ?
Кто ночью молится, кто плачетъ
И кто мѣшаетъ людямъ спать?..» *).
Все скажетъ мѣсяцъ — и опять
До новой ночи ликъ свой спрячетъ.

VI.

Въ ту ночь, когда Глафира бродитъ,
Метаясь, словно въ бурю листъ,
Гулять на улицу выходитъ
NN, извѣстный журналистъ.
Онъ только новаго романа
Окончилъ пятую главу,—
И вышелъ посмотрѣть Неву
Въ часъ предразсвѣтнаго тумана.
Прогулкой утренней своей
Онъ наслаждался, созерцая,
Какъ уплывала ночь сырая,
Какъ день на маковкахъ церквей
Сталъ загораться безъ лучей.
И видитъ, — женщина къ периламъ

*) Перепѣвъ извѣстнаго стих. Я. П. Полонскаго «Солнце и мѣсяцъ».

Моста приникнувъ, сквозь тоску,
Глядитъ внимательно въ рѣку,
Глядитъ въ разсѣяньи унылом.
И, какъ испуганный олень,
Завидя N, вновь торопливо
Спѣшитъ... спѣшитъ впередъ, какъ тѣнь.
Куда? Зачѣмъ?—И что за диво?—
Лицо скрывая подъ платкомъ,
Спѣшитъ, едва ли не бѣгомъ.
Не озирается въ испугѣ...
Вотъ спускъ,—ну, такъ и есть,—къ нему!
И о спасительномъ ужъ кругѣ
NN, не зная почему,
Подумалъ... позабылъ одышку...
«Спасти!» шумитъ въ его мозгу.
И онъ бѣжитъ за ней въ припрыжку,
Теряя записную книжку
На неожиданномъ бѣгу...

Она къ рѣкѣ,—ужъ близко, близко...
Платокъ отброшенъ къ мостовой
И съ нимъ какая-то записка.
Она почти что надъ водой!
Но смѣло руку простирая
И властно сжавъ ея плечо,
NN промолвилъ горячо:
«Откуда прыть у васъ такая?
Постойте,—рано вамъ еще!..»

VII.

Полна обидой и позоромъ,
Не сознавая ничего,
Блуждающимъ и страннымъ взоромъ
Глядитъ Глафира на него.
Лицо знакомое. Писатель
Ее узналъ.—«Ахъ; мой Создатель!
Да это вы?.. Что за бѣда
Васъ привела, Глафира Львовна,
Такъ опрометчиво сюда?
Разсудимъ съ вами хладнокровно
Все происшедшее,—и вамъ
Найдется выходъ, кромѣ смерти...
Купаться холодно—повѣрьте;
Пойдемте лучше по домамъ!»

Глафира молвитъ: «Въ самомъ дѣлѣ?!»
И сквозь рыданья говоритъ:
«Зачѣмъ несчастіе, мой стыдъ
И мой позоръ вы подсмотрѣли?!.

И тутъ же доброму NN,—
Его Глафира уважала
Давнымъ-давно,—все разсказала:
Какъ ей тяжелъ житейскій плѣнъ,
Гдѣ кромѣ горя да измѣнъ
Немного радости встрѣчала.
Все разсказала, какъ ее

Покинулъ Рощинъ, какъ ужасно
Ея несносное житье,
Какъ все въ судьбѣ ея несчастно!
Нужда гнететъ ее, нужда!
Къ кому идти просить, куда?
Теперь мѣста найти такъ трудно,
Такъ дорогъ каждый лишній грошъ!
Она, быть можетъ, безразсудно
Хотѣла поступить... но что-жъ,—
И этотъ бы исходъ хорошъ!

N добрый грустно улыбался
Ея взволнованнымъ рѣчамъ;
Найти ей мѣсто обѣщался
И проводилъ до дому самъ.
И точно,— принесли записку
Ей на другой же день. Пока
NN давалъ ей переписку
И звалъ въ семью къ себѣ. Слегка
Волнуясь смутно и туманно,
Глафира въ домъ спѣшитъ съ нему.
Сама не знаетъ почему,
Въ ея очахъ теперь такъ странно:
Такъ невскій холоденъ гранитъ,
Рѣка такъ сумрачно блеститъ...

Татьяна Павловна,— супруга
NN,— растрогана была,
Когда Глафира къ нимъ пришла,
И шопотомъ, какъ отъ испуга,

Съ ней рѣчь украдкой повела:
— «Ахъ, душечка, да развѣ можно
Шутить собой неосторожно!
Мнѣ мужъ о васъ ужъ говорилъ...
Вѣдь вы такъ молоды; вамъ надо
Терпѣть — и жить! Мы люди — стадо,
И какъ бы ни былъ рокъ унылъ,
Куда-бъ ни гналъ, должны подальше
Бѣжать насильственныхъ могилъ!
Я знаю, много въ жизни фальши,
Но что же дѣлать! Не всегда,
Не всѣмъ счастливая звѣзда.
Я слышала, романъ несчастный
У васъ былъ въ жизни?..» И опять
Спѣшитъ Глафира рѣчью страстной
Свое несчастье разсказать.

Татьяна Павловна, внимая
Печальной исповѣди той
Съ непринужденною тоской,
Сказала: «Будетъ, дорогая,
Вамъ горевать! Устроимъ васъ.
Забудьте горе въ добрый часъ!
У насъ во всемъ большой излишекъ,
Вы не стѣсните насъ ничуть.
Гулять водите ребятишекъ,
Имъ вслухъ читайте что-нибудь.
У насъ три милыя дочурки;
Чтобъ съ дѣтства развивать умы,
Для нихъ выписываемъ мы
Журналы, дѣтскія брошюрки.

Мужъ чаще сталъ рукой страдать...
Лишь стоитъ пріобрѣсть снаровку,—
То вѣрно будете писать
Ему вы быстро подъ диктовку.
Мы съ вами будемте друзья,—
Неправда-ль, милая моя?
Переѣзжайте къ намъ сегодня,
Немедля,— мы развеселимъ.
Что будетъ дальше — власть Господня,
А умереть вамъ не дадимъ!..»

VIII.

Въ семьѣ NN Глафира скоро
Нашла желаемый покой;
Забыла грустный день позора
И распрощалася съ нуждой.
Предупредительно и нѣжно
Съ ней обращалися въ семьѣ;
Ее любили дѣти всѣ,
При ней училися прилежно.
Здѣсь, несмущаема ничѣмъ,
Она душою отдыхала,
Страницы милыхъ ей поэмъ
До часу поздняго читала
И сожалѣла, что она
Французскому не учена.
NN ей сдѣлалъ угожденье,
Чтобъ духъ упавшій въ ней поднять:
Чрезъ N еще прошли въ печать
Ея два-три стихотворенья.

Но, впрочемъ, N не обольщалъ
Надеждой ложной поэтессу
И осторожно разлагалъ
Предъ нею каждую пiесу:
Тутъ мало мысли, тутъ темно,
Тутъ очень слабо выраженье,—
И въ сердце робкое сомнѣнье
Уже запало не одно!
Къ стихамъ Глафира остывала;
Быть можетъ, юность отошла,
Быть можетъ, чувствовать устала,—
И пѣть, какъ прежде, не могла.
Кто не писалъ изъ насъ стихи,
Кто не желалъ въ созвучьяхъ стройныхъ
Излить и думы, и грѣхи
Своихъ волненiй безпокойныхъ,—
И, къ нимъ остывши, въ свой чередъ —
Влачилъ безъ пѣсенъ жизни ходъ!

Встрѣчая утро золотое
Своей обманчивой весны,
Сильнѣе бьется ретивое
И намъ нашептываетъ сны.
Мои друзья, мы всѣ поэты,
Когда, вперивъ орлиный взоръ
На жизнь, мы видимъ въ ней просвѣты
Сквозь мракъ,—манящiй насъ просторъ!
Мы ждемъ, что жизнь успѣхомъ встрѣтитъ,
Что на пути сорвемъ цвѣты...
Идемъ,— и скоро взоръ замѣтитъ
Одни обноски суеты.

Исчезнутъ свѣтлые миражи,
Дорога съузится вдали.
Мы не поемъ, не плачемъ даже,—
И осмѣяли,— что могли!

IX.

Былъ годъ, когда изъ деревень,
Изъ уголковъ глухихъ,— Россія
Черезъ газеты каждый день
Къ намъ слала вѣсти роковыя.
И призракъ голода вдали
Шагалъ, какъ злое привидѣнье,
По тощимъ пажитямъ земли,
Губя и мучая селенья.
Голодный тифъ народъ косилъ,
Какъ пахарь жатву, отовсюду,—
Но не снопы — ряды могилъ
Онъ оставлялъ на память люду.
И корки съ барскаго стола,
Подъ панихиды и молебны,
Машина медленно влекла
Въ глухую даль, какъ даръ цѣлебный.
Тогда живая молодежь
На помощь страждущимъ бѣжала...
Познавъ прошедшей жизни ложь,
Глафира чаще, чѣмъ бывало,
За телеграмами слѣдитъ,
Корреспонденціи читаетъ,
И знойный жаръ ея ланитъ
Волненье сердца выражаетъ.

Все чаще мысль одна томитъ,
Все чаще шепчетъ ретивое:
«Бѣги въ селеніе глухое,
Скорби, какъ тамъ народъ скорбитъ!
И, если Богъ даруетъ силы,
Болящихъ муки облегчай,
И на краю сырой могилы
Страдальцевъ лаской согрѣвай.
Борись съ мучительнымъ недугомъ,
Борись съ господствующей тьмой...
Будь имъ цѣлителемъ и другомъ,
Будь милосердія сестрой!»

Ей мысль понравилася эта,—
Скорѣй бы думы совершить!
И, жаждой помощи согрѣта,
Она рѣшилася совѣта
Татьяны Павловны спросить.
—«Васъ надоумилъ Богъ на это,
Ей патронесса говоритъ,—
Вотъ подождите,—будетъ лѣто,—
Тогда врачъ Кнаусъ снарядитъ
Сестеръ и фельдшерицъ въ глухія
Провинціи. Конечно, вамъ
Прогоны будутъ даровые
И даже жалованье тамъ.
На это доблестное дѣло
Я васъ берусь устроить смѣло.
Но все же мнѣ разстаться жаль!
Я къ вамъ привыкла, какъ едва-ль
Къ кому на свѣтѣ привыкала!!.

Смотрите-жъ, чаще намъ писать
О томъ, чего тамъ будетъ мало, —
Я буду помощь высылать!..»

Прослушавъ курсы фельдшерицъ
Съ пытливой жаждой и вниманьемъ,
Обогатилася познаньемъ
Глафира, — счастью нѣтъ границъ!
И вотъ приходитъ день желанный, —
Всѣ сборы кончены. Пора!
И на вокзалъ въ тревогѣ странной
Она торопится съ утра..
Глафиру дружно провожали,
«Пути счастливаго» желали,
Она стыдилася слегка
И молча очи опускала;
Ея дрожащая рука
Прилежно руки пожимала.
Когда-жъ вошла она въ купэ, —
То опечалилась немного,
И въ провожающей толпѣ
Была замѣтная тревога.
Свистокъ раздался, — и она,
Смущенной, блѣдной и печальной,
Кивала долго изъ окна
Друзьямъ съ улыбкою прощальной;
Чепецъ бѣлѣлъ на головѣ,
И платье скромное сѣрѣло,
И красный крестъ на рукавѣ
Благословлялъ благое дѣло...

X.

Теперь еще открылся въ мірѣ
Мірокъ невѣдомый Глафирѣ,
Мірокъ печальныхъ деревень,
Гдѣ добродушіе и лѣнь,
И трудъ упорный — такъ счастливо
Соединились, гдѣ кругомъ
За нивой вспаханная нива
Лежитъ желтѣющимъ ковромъ.

Въ избу-ль войдетъ, — бѣлоголовой
Толпой ребята къ ней бѣгутъ
И молча нѣсколько минутъ
Глядятъ въ глаза лѣкаркѣ новой, —
Межъ тѣмъ какъ на полатяхъ мать
Все рѣже дышетъ, все слабѣетъ,
На жизнь надѣяться не смѣетъ,
А смерть не хочетъ призывать.
Овчиной пахнетъ воздухъ прѣлой;
Темно подъ низкимъ потолкомъ,
Въ углу, у печки закоптѣлой,
Виситъ съ бубновымъ королемъ
Страничка «Нивы», на которой
Съ наперснымъ іерей крестомъ
Изображенъ, и, будто сторой,
Окно завѣшено тряпьемъ.

Всѣ съ недовѣріемъ сначала
Къ лѣкаркѣ юной отнеслись,—

Но, не смущаяся нимало,
Она успѣшно лѣчитъ. Близъ
Одра больного ночь проводитъ,
Днемъ кротко навѣстить приходитъ;
Микстурой сладкою поитъ;
Компрессы ставитъ и припарки,
Несетъ ѣду, — чуть апетитъ, —
И вотъ къ молоденькой лѣкаркѣ
Все чаще самъ народъ бѣжитъ...
Куда-бъ Глафира ни входила
Всегда спокойной и простой,
Какъ солнце ясное, — вносила
Она надежду за собой.
Глафиру бабы называли
«Сестрицей», «барышней святой»,
Ей шапки мужики снимали
И въ поясъ кланялись порой.
Ей довѣрялися охотно,
Увидя пользу отъ микстуръ,
И лишь знахарь, угрюмъ и хмуръ,
Надъ ней смѣялся безотчетно.
Но какъ-то знахарю пришлось
Внезапно слечь; не помогаютъ
Его лѣкарства. Посылаютъ
Къ нему Глафиру «на-авось».
Знахарь былъ крутъ суровымъ нравомъ
И смѣлыхъ новшествъ не любилъ, —
Лѣкарку съ хохотомъ лукавымъ
Онъ встрѣтилъ и, остатокъ силъ
Собравши, привстаетъ съ лежанки
И говоритъ: «Куда тебѣ

Со мной возиться! И безъ няньки
Насплюсь въ нетопленной избѣ!»—
Старикъ такъ намекалъ о гробѣ
И стиснулъ зубы, хмуря въ злобѣ
Свою сѣдѣющую бровь.
Но не смутилася лѣкарка,
И скоро выразились ярко
Ея забота и любовь
Къ больному. Такъ уходъ былъ нѣженъ,
Такъ безкорыстенъ, такъ прилеженъ,
Что этотъ злой полумертвецъ
Былъ къ жизни поднятъ наконецъ.
И, тронутъ нѣжнымъ попеченьемъ,
Старикъ ей руки цѣловалъ
И на молитвѣ съ умиленьемъ
Глафиру долго поминалъ.

XI.

Какъ часто вечеромъ воскреснымъ,
Когда пурпуровый закатъ,
Сверкая пламенемъ небеснымъ,
Позолотитъ окошки хатъ;
Когда въ пыли плетется стадо,
Прохладѣ и ночлегу радо,
И пахнетъ теплымъ молокомъ
Надъ пріотвореннымъ дворомъ;
Когда подъ вербой у колодца
Визжитъ подъятое ведро
И кто-то весело смѣется,
А тамъ, одѣтыя пестро,

Дѣвчонки ходятъ у околицъ,
Сорятъ подсолнечнымъ зерномъ,
Межъ тѣмъ какъ съ длиннымъ посошкомъ
Бредетъ усталый богомолецъ,—
Глафира чувствуетъ приливъ
Внезапной нѣжности,—и слезы
Готовы хлынуть... Какъ счастливъ
Народъ среди нужды и прозы!
Еще онъ жизнь не пережилъ,
Еще впередъ онъ смотритъ бодро,
И,—словно плещущія ведра,—
Полны сердца избыткомъ силъ.

Вотъ смыслъ и жизни откровенье,—
Простое, бѣдное селенье,
Избушки, крытыя щебнемъ,
Плетень убогій огородовъ!
Но здѣсь еще невиннымъ сномъ
Таится жизнь грядущихъ всходовъ,—
Она проснется съ новымъ днемъ!
Дай долю Ванькамъ и Парашамъ,
Дай свѣтъ ихъ зоркому уму,—
И будетъ то, что въ мірѣ нашемъ
Еще не снилось никому!

XII.

Глафира свыклась съ деревенской
Простою жизнью; поняла
Душою любящей и женской
Ея немудрыя дѣла.

Казалось, счастье ей блеснуло
Своимъ привѣтливымъ лучомъ,—
Въ бору—раздольемъ, плескомъ гула,
Въ избѣ—дымящимся горшкомъ.
И все, что прежде пережила,—
Все утонуло, все ушло
Въ нѣмую даль. Она свѣтло
Трудами путь свой озарила.
Но легковѣрная судьба
Уже завидуетъ ей снова,—
И, мѣтя жертвами гроба,
Она и ей грозитъ готова.

Однажды, сидя у больной,
Глафира въ обморокъ упала,
Какъ стебель, срѣзанный косой...
Пришла домой—лицо пылало,
Въ душѣ рождался тайный страхъ
И шумъ кипѣлъ въ ея ушахъ.
То тифъ ужасный, тифъ сыпной
Ее схватилъ пятнистой лапой
И смялъ, какъ жертву звѣрь лѣсной...
О, пощади! О, не царапай!
Не тѣшься жизнью молодой!
Язви другихъ,—жестокихъ, праздныхъ,
Въ грѣхѣ коснѣющихъ язви;
Души въ объятьяхъ безобразныхъ
Слѣпыхъ отступниковъ любви!—
Но не ее, чья жизнь, быть можетъ,
Еще страдающимъ нужна.
Она с стливыхъ не тревожитъ

И не мѣшаетъ имъ она!
Напрасно!.. Смерть несетъ угрозы,—
Передъ судьбою всѣ равны,—
И добродѣтельныя грезы,
И местью дышащіе сны!

Глафирѣ душно; кто-то грозный
Ее тѣснитъ; въ умѣ угаръ.
Ее объемлетъ бредъ тифозный,
Кошмаръ горячечный и жаръ.
Предъ нею узкая иголка,—
Въ ея ушко огромный жгутъ
Она вдѣваетъ. Тщетный трудъ,
Ужасный трудъ — и нѣтъ въ немъ толка.
Но вотъ растетъ иглы ушко
Въ огромный обручъ... Скоро, скоро
Въ него тяжелый жгутъ легко
Войдетъ... но скрылся жгутъ отъ взора.
Въ ея рукѣ, какъ волосокъ,
Темнѣетъ шолковая нитка,
А обручъ, обручъ такъ широкъ!..
Опять смятеніе и пытка!

Семь сутокъ, семь ночей ужасныхъ,
Въ бреду, въ видѣньяхъ несогласныхъ,
Глафира мечется, — и вотъ
Канунъ предсмертный настаетъ —
Восьмая ночь. Среди опасныхъ
Сердцебіеній, передъ сномъ
Въ ея недугѣ роковомъ,
Въ ея томительномъ искусѣ,

Сквозь бредъ, на облакѣ густомъ
Сошелъ сладчайшій Іисусе.
Въ Его лицѣ загаръ пустынь,
Его хитонъ бѣлѣй простынь;
Въ очахъ задумчивыхъ и влажныхъ
Святая кротость и покой,
Въ движеньяхъ медленныхъ и важныхъ
Восторгъ и ужасъ неземной!
Глафира хочетъ приподняться,
Чтобъ край одеждъ облобызать,—
И съ плачемъ падаетъ опять...
А Онъ не хочетъ удаляться,—
Стоитъ и ждетъ, и длань Свою
Надъ ней простеръ, и молвитъ:
«Жено!
Я — твой женихъ, и отдаю
Твой прахъ измученный, какъ вѣно,
Я міру, а тебя, Свою
Невѣсту,—я беру изъ міра!..
Гряди ко Мнѣ!..»
И Онъ исчезъ...
И слышитъ бѣдная Глафира,
Какъ-будто дальній звонъ съ небесъ!
Тамъ, тамъ налой ея блестящій,
Тамъ ожидаетъ Предстоящій
Ея возлюбленный Женихъ!
Она простерла къ небу руки;
Съ подушекъ пламенныхъ своихъ
Приподнялась, дрожа отъ муки,—
И вновь склонилась. Бредъ затихъ...
И часъ насталъ ея послѣдній

Съ разсвѣтомъ дня; передъ обѣдней,
Она, взглянувъ на образа,
Закрыла добрые глаза.
Уста засохшія раскрыла,—
«Прости... прости...» проговорила,
Вздохнуть хотѣла — не смогла,
И, костенѣя, замерла.
И все окончилось. Вздохнули
О комъ уста въ предсмертный часъ?
Кому то былъ привѣтъ? Тому ли,
Кто въ черный день отъ смерти спасъ?
Или тому, кто такъ жестоко
Ее увлекъ и обманулъ...
Или супругу, что такъ далеко
Еще, быть можетъ, жизнь тянулъ,
Какъ трудъ привычный рабъ поденный...
Не все-ль равно! Вздохъ отдаленный
Домчался къ нимъ теперь едва-ль,
Чтобъ вызвать позднюю печаль...

Прости! Прощай, живая сила
Упорной воли и труда!..
Всегда конецъ тебѣ — могила,
А счастье — только иногда...

ПОЭТЪ И МЕФИСТОФЕЛЬ.

ПОЭТЪ.

Печальный демонъ мой, безъ отдыха и сна
Блуждающій, какъ я, въ огромномъ этомъ мірѣ!
Ты снова здѣсь, со мной, у тусклаго окна,
Въ прозрачныхъ сумеркахъ, какъ въ сказочной
порфирѣ.
Ты плачешь и грустишь... О чемъ твоя печаль?
Погасли небеса—зари тебѣ не жаль,
Не жаль дня краткаго... Въ молчаніи глубокомъ
Ты въ вѣчность проводилъ его потухшимъ окомъ,
И скоро ночь—твоя владычица—сойдетъ,
Мерцая звѣздами, съ таинственныхъ высотъ,
И чары новыя и тайны темной силы
Опять передъ тобой мракъ ночи озаритъ...
Но вѣчность не тебя, мой демонъ, устрашитъ:
Не въ прахѣ ты рожденъ—и нѣтъ тебѣ могилы!..

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты мнѣ завидуешь,—стыжусь! Не ожидалъ,
Чтобъ зависть могъ внушить я смертному созданью.

Хотя я въ гордости не зналъ еще страданья,
А все-жъ, чтобъ умереть—охотно-бъ пострадалъ...
Безсмертіе мое, признаться, надоѣло,—
И духъ я промѣнять давно готовъ на тѣло.
И хоть порою я стараюся придать
Себѣ невинный видъ смѣшного человѣка,—
Однако быть шутомъ отъ вѣка и до вѣка,
Пожалуй, тяжелѣй, чѣмъ смертному страдать.

ПОЭТЪ.

Кто быть велитъ смѣшнымъ! Безсмертію-ль смѣяться,
Рядясь въ колпакъ шута и злобою смѣша...
Къ природѣ обратись—взгляни, какъ хороша
Она въ гармоніи! Какъ полно наслаждаться
Въ ней призвана ея безсмертная душа!
Ее-ли высмѣять? Отъ ней-ли отрѣшаться!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Возможно-ль находить гармонію—въ природѣ,
Въ дырявомъ лоскуткѣ?

ПОЭТЪ.

Гармонія во всемъ:
Въ прекрасной истинѣ, въ стремленіи къ свободѣ,
Въ безбрежной красотѣ, разлившейся кругомъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Гдѣ видишь красоту? Не въ этихъ-ли деревьяхъ,
Что машутъ по вѣтру растрепанной листвой?
Не въ слабыхъ птицахъ-ли, въ ихъ бѣдственныхъ
кочевьяхъ,
Въ ихъ шумной хлопотнѣ надъ чащею лѣсной?

55

Что ваша красота? Не милыя-ль привычки?
И то, что ложью вы давнымъ-давно сочли,
Хотите величать какъ истину земли.
А истина въ плѣну!.. И ключъ, и всѣ отмычки
Отъ выходовъ ея потеряны давно.

ПОЭТЪ.

Пускай она въ плѣну; пускай ея затворы
Неразмыкаемы,—я счастливъ, если взоры
Увидятъ истину хоть въ тусклое окно.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А гдѣ-же то окно,—хотѣлъ-бы знать, однако?
Не сердце-ли твое? Не разумъ-ли слѣпой?
Не небо-ль, наконецъ, въ которомъ, кромѣ мрака,
Все страшно краткостью своею гробовой?..

ПОЭТЪ.

А звѣзды? А міры, разбросанные щедро
Въ безгранной глубинѣ божественныхъ небесъ?
Ихъ непреклонный бѣгъ, ихъ пламенныя нѣдра
Тебя не радуютъ, тебя не тѣшатъ, бѣсъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что звѣзды, что міры для призрачнаго неба?
Не то же-ль, что землѣ ничтожная амеба?
Но если-бъ я, какъ ты, поэтомъ былъ,—не разъ
Имъ гимны льстивые писалъ-бы въ поздній часъ
Сравнилъ-бы небеса я съ нивою просторной,
Гдѣ зерна ангелы роняютъ, чтобъ потомъ
Ихъ трудъ, и долгій, и упорный,
Сразила смерть своимъ серпомъ.

Наивность—сѣятель, а жнецъ всего—страданье...
Но я давно отвыкъ отъ блага и небесъ,
Съ тѣхъ поръ какъ для меня ихъ ясный міръ исчезъ
И гнѣвомъ разума затмилось мірозданье!
Я въ бездну свергнутъ былъ, но въ бездну безъ
конца,
А въ безконечности не можетъ быть паденья,
И я, по милости Творца,
Повиснулъ въ пустотѣ безъ всякаго движенья!
Вся мудрость, всѣ міры, вращаясь вкругъ меня,
Трепещутъ, гибнутъ и—плодятся...
И въ вихрѣ вѣчнаго огня
Мнѣ вѣчной ночи не дождаться!..

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ-же, злобный духъ, о демонъ роковой,
Ты хочешь сердце сжечь—и счастья не оставить,
Все ниспровергнуть, обезславить
Своей кощунственной хулой?
Природы красоту и красоту искусства
Ты превратилъ во прахъ развалины сѣдой,
И полнота живого чувства,
И міръ—пустыня предъ тобой!
Иль мнѣ страдать съ тобой отнынѣ,
Съ тобою плакать вмѣстѣ, бѣсъ?
Но что ты дашь взамѣнъ святыни
Моей любви, моихъ небесъ?!

ПОЭМА ЛЕБЕДЕЙ.

Тамъ, гдѣ надъ рѣкою
Горбятся дугою
Ивы наклонившись,—
Слышенъ крикъ съ зарею
Лебедя,—влюбившись,
Клокчетъ онъ, воскрылій
Распустивши перья,
Что бѣлѣе лилій
Райскаго преддверья.
Клокчетъ и тоскуетъ
Лебедь бѣлоснѣжный
И крыло цѣлуетъ
У лебедки нѣжной.

Близко, у пригорка,
Гдѣ бѣжитъ рѣченка,
Притаилась зорко
Темная избенка.

И бывало, лѣтомъ —
Чуть проглянетъ солнце —
Тамъ стрѣлокъ съ разсвѣтомъ
Смотритъ изъ оконца.
Смотритъ — наблюдаетъ,
Какъ съ зарею ясной
Лебедь выплываетъ
Бѣлый и прекрасный,
Рядомъ съ нимъ лебедка...
Клокчетъ лебедь тихо,
И за милымъ кротко
Стонетъ лебедиха.

И плѣнясь четою,
Всталъ стрѣлокъ съ зарею...
Вотъ отчалилъ лодку
Онъ рукою смѣлой;
Видитъ онъ лебедку,
Съ нею лебедь бѣлый.
Вдругъ, подкарауля,
Подъ густой ракитой
Просвистѣла пуля —
Лебедь палъ убитый!..

Брызнула на воду
Кровь алѣе вишень;
Громкій къ небосводу
Плачъ лебедки слышенъ:
«Горе мнѣ, о, горе, —
Не бывало горше!
Будетъ плакать море,
Буду плакать дольше!»

Плачетъ—и кругами
Надъ стрѣлкомъ летаетъ,
Бѣлыми крылами
Жертву отбиваетъ.
И съ тѣхъ поръ, чуть зорька
Выйдетъ изъ тумана,
Лебедиха горько
Плачетъ раннимъ-рано.
Плачъ ея такъ страненъ,
Такъ суровъ зарею,
Что стрѣлокъ самъ раненъ
Совѣстью больною.
И когда лебедку
Вновь стрѣлокъ заслышалъ,
Взялъ ружье и лодку—
Къ ней навстрѣчу вышелъ.
Чуть поплыла лодка,
Съ плачемъ, но безъ страха
Бросилась лебедка
На ружье съ размаха..
Будто бы предтечу
Смерти увидала
Бросилась навстрѣчу—
И подъ пулей пала!..

1899 г., декабрь.

БАРОНЪ КЛАКСЪ.

(Разсказъ въ стихахъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Друзьями были мы. Баронъ,
Непостоянный, какъ комета,
Вращался въ бурномъ вихрѣ свѣта
Блестящъ, безпеченъ и уменъ.
Любилъ онъ вѣтренные балы,
Любилъ пѣвучую рояль,
И люстры пламенный хрусталь,
И опѣненные бокалы,—
И свой мильонный капиталъ
На шумъ разгула расточалъ.

II.

Онъ говорилъ, что разумъ данъ,
Чтобъ весть отъ горя къ укоризнѣ,
Что лучше блескъ веселый жизни,
Чѣмъ мысли облачный туманъ.

Что міръ — какъ древле былъ загадкой,
Такъ и останется всегда,
Что всѣ пройдемъ мы безъ слѣда,
Что наслажденья въ жизни краткой —
Есть цѣль земного бытія...
Но съ нимъ не соглашался я.

III.

Я говорилъ, что день труда
Нужнѣе года наслажденья,
Что наши цѣли и стремленья
Должны разумны быть всегда.
Что Духъ незримый мірозданья
Насъ какъ работниковъ творилъ,
Чтобъ мы, горя избыткомъ силъ,
Его дополнили-бъ желанья;
Чтобъ воплощалъ изъ вѣка въ вѣкъ
Идею правды человѣкъ.

IV.

Но мой баронъ всегда зѣвалъ,
Мнѣ легкомысленно внимая,
Твердилъ: теорія пустая!
И опоражнивалъ бокалъ.
Какъ часто споръ горячихъ преній
Кончался за полночь у насъ,
Когда въ кафе блестящій газъ
Вдругъ умиралъ, какъ добрый геній,
И сумракъ улицы сырой
Насъ принималъ, какъ геній злой.

V.

Какъ часто утренней порой
Въ чаду угарнаго похмелья,
Кляня разгулъ и ночь веселья,
Вставалъ я блѣдный и больной.
И въ дверь мою, какъ день безпечный,
Какъ вѣтеръ юности шальной,
И торопливый, и живой
Влеталъ баронъ простосердечный
И начиналъ разсказъ о томъ,
Какъ мы кутили съ нимъ вдвоемъ.

VI.

Онъ вопрошалъ: какъ я нашелъ
Обѣдъ и вина въ ресторанѣ,
Какъ мнѣ понравились цыгане?..
Я все хвалилъ: вино и столъ,
Органъ, похожій на шарманку,
Аи шипучую струю,
Финляндку блѣдную свою,
Его веселую цыганку,—
И въ довершенье восклицалъ,
Чтобъ день вчерашній чортъ побралъ!

VII.

Но Анатолій — такъ звался
Баронъ фонъ-Клаксъ, знакомецъ давній,
Съ похмелья былъ меня исправній,
Онъ ужъ давно перепился...

Не проклиналъ онъ малодушно
Проказы вѣтреннаго дня;
Угрюмо упрекалъ меня
Или смѣялся простодушно...
И нынче такъ же, какъ вчера,
Кутилъ до новаго утра...

VIII.

А я... я думалъ: правъ баронъ,—
Кто вѣчно сытъ, гдѣ есть достатокъ,—
Не разрѣшаетъ тотъ загадокъ...
Къ чему? Вся жизнь мелькнетъ, какъ сонъ.
И глупъ, кто ищетъ предсказанья
Въ слѣпыхъ оракулахъ о снахъ,—
Они рождаются въ потьмахъ,
Ихъ грозно гонитъ дня сіянье;
Жизнь—тотъ же сонъ, но днемъ рожденъ,
И смерть прогонитъ этотъ сонъ.

IX.

Прекраснѣй мысль сіяетъ тамъ,
Гдѣ меньше жизни беззаботной,
Она, какъ огонекъ болотный,
Блеститъ страдальцамъ-бѣднякамъ;
На нихъ кладетъ свои вериги
И въ ихъ мечтательномъ гнѣздѣ,
Какъ утѣшеніе въ нуждѣ,
Оставитъ вдумчивыя книги,
Дастъ смѣлость сердцу и перу,
Чтобъ поучать людей добру...

X.

Вы, дѣти горя и нужды,
Вы, разъ вкусившіе науки —
Уже бойцы и ваши руки
Сильны на тяжкіе труды,
И ваша грудь уже готова
Неправдѣ хищной дать отпоръ;
Уже отвагой блещетъ взоръ,
И рѣчь разумная готова,
И ваша дружеская рать
Стремится правду отстоять!

XI.

Но полно! Ждетъ меня баронъ
Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ;
Онъ нынѣ трезвъ — и въ полусвѣтѣ
Тяжелой думой омраченъ.
Вхожу, — едва каминъ мерцаетъ;
Сквозь бѣлый занавѣсъ окна
Блестя, вечерняя луна
Квадраты свѣтлые бросаетъ
Отъ оконъ на коверъ цвѣтной...
Въ покоѣ — сумракъ и покой.

XII.

Баронъ меня увидѣть радъ:
Онъ руки жметъ, онъ приглашаетъ
Присѣсть къ окну, но отвѣчаетъ
На всѣ вопросы невпопадъ.

И рѣчь его не такъ свободна...
Онъ хмуритъ лобъ, онъ самъ не свой...
И торопливою рукой
Теребитъ галстукъ новомодный...
Я говорю ему: «Мой другъ,
Да что съ тобой — како испугъ?

XIII.

«Ты скученъ что-то?.. и не пьянъ!..
Вчера, быть можетъ, пилъ не въ мѣру?»
— Я нынче пью одну мадеру,—
И то всего одинъ стаканъ!
И я воскликнулъ: «Что же это?
Ты все хандришь... Здоровъ ли ты?..
Быть можетъ — тайныя мечты?
Быть можетъ... нѣтъ ли здѣсь секрета?»
Но перебилъ баронъ меня:
— Брось! Надоѣла болтовня!

XIV.

Баронъ умолкъ, смотря, какъ гасъ
Въ каминѣ уголь, мраченъ думой...
И наконецъ повелъ угрюмый
Неторопливо свой разсказъ:
— «Вся эта жизнь мнѣ надоѣла,—
И надоѣла потому,
Что мало пищи въ ней уму,
Что въ ней для сердца мало дѣла,
Что въ ней порой страдаетъ честь,
Что... да всего не перечесть!

XV.

«Вотъ, напримѣръ, вчера, — игралъ
По крупной ставкѣ,— долго, страстно...
Сто тысячъ выбросилъ напрасно.
Съ досады губы искусалъ
Почту до крови,— и въ волненьи
Чуть усъ не вырвалъ, тормоша...
И наконецъ, моя душа,
Уѣхалъ въ сумрачномъ смущеньи,
Проклявъ колоды глупыхъ картъ
И свой безсмысленный азартъ!

XVI.

«Но тутъ не все. Моей тоскѣ
Еще другая есть причина:
Надняхъ скончалася кузина
Въ своемъ приморскомъ уголкѣ,
Въ роскошной Ялтѣ, но и это
Меня не тронуло бы такъ,
Хоть былъ влюбленъ я, какъ дуракъ,
Въ ея глаза въ былыя лѣта...
Причина третья есть — она
Моя вина и отъ... вина...

XVII.

«Дней пять иль шесть тому назадъ
Я былъ съ Шарлоттой въ ресторанѣ,
Что на Морской... И былъ въ туманѣ;
Въ ушахъ былъ звонъ, въ душѣ былъ адъ.

Мы съ ней сидѣли въ общей залѣ,
Вино мы лили черезъ край,
Бокалы били невзначай
И всѣхъ прохожихъ задѣвали.
И, какъ на грѣхъ, въ тотъ часъ пришелъ
Какой-то хлыщъ — и сѣлъ за столъ.

XVIII.

«Меню онъ важно пробѣгалъ,
Игралъ пенснэ ежеминутно.
Я зналъ его — и помнилъ смутно,
Что много разъ его встрѣчалъ.
Онъ мнѣ не нравился за что-то,
За что, я самъ сказать не могъ,
За то-ль, что хмуръ онъ и высокъ,
Иль просто мнѣ пришла охота
Въ тотъ горькій часъ надъ кѣмъ-нибудь
Излить всю желчь — и отдохнуть.

XIX.

«О немъ Шарлоттѣ я шепталъ
И вслухъ надъ нимъ острилъ я грубо,
Ему хоть было то не любо,
Но онъ торжественно молчалъ.
Онъ важно косточки цыпленка
Съ веселымъ трескомъ преломлялъ,
Онъ сочно чавкалъ и жевалъ,
И пилъ, прихлебывая звонко.
И крикнулъ вслухъ почти что я:
«Какъ сильно чавкаетъ свинья!»

XX.

«Смолчалъ на дерзость онъ мою.
Лакей принесъ ему свинину;
А я сказалъ, хлебнувши джину:
«Свиньѣ и подали свинью!»
— «Баронъ — нѣмецкая сосиска!»
Онъ гнѣвно вслухъ проскрежеталъ.
Я ждалъ того! Я злобно всталъ,
Сжалъ кулаки — и былъ ужъ близко...
Но въ это время половой
Всталъ между нимъ и между мной...

XXI.

«Я задрожалъ, какъ дикій звѣрь;
Я задыхался гнѣвомъ страшнымъ,
И жаждалъ боемъ рукопашнымъ
Я съ нимъ раздѣлаться теперь.
Онъ тоже всталъ — дрожащій, жалкій...
Моя кружилась голова,—
Я закричалъ страшнѣе льва,
И палку взялъ,—и тощей палкой,
Какъ угрожающимъ копьемъ,
Махалъ въ пространствѣ роковомъ...

XXII.

«Всѣ поднялися шумно съ мѣстъ
Меня смотрѣть, какъ скомороха...
Пошла тревога, суматоха.!.
Мой врагъ стремился на подъѣздъ!

Вбѣжалъ тревожно ресторатор,
Сталъ умолять, чтобъ не шумѣлъ,
Распить Клико со мной хотѣлъ,
Но сердобольный мой ораторъ
Напрасно тратилъ жаръ рѣчей:
Я отъ вниманья былъ страшнѣй...

XXIII.

«Я за врагомъ бѣжалъ въ подъѣздъ,
Исполненъ помысломъ злодѣйскимъ,
Но былъ замедленъ полицейскимъ —
Блюстителемъ питейныхъ мѣстъ.
Ужъ онъ повлекъ меня къ участку,
Онъ протоколомъ угрожалъ,—
Но я коляску подозвалъ
И молча сѣлъ въ свою коляску.
Онъ сдѣлалъ честь подъ козырекъ,
Махнулъ рукой — и на утекъ!

XXIV.

«Я крикнулъ кучеру: «Пошелъ
На острова!» — и мы стрѣлою
Помчались шумной мостовою.
Я былъ какъ бѣшеный орелъ! —
Я мчался; гнать велѣлъ быстрѣе
Своихъ воздушныхъ рысаковъ;
Я задавить былъ всѣхъ готовъ,
Отъ злобы сдержанной блѣднѣя.
Вдругъ крикъ раздался, страшный крикъ,—
Онъ продолжался только мигъ!..

XXV.

«Мой кучеръ ахнулъ и коней
Остановилъ. Гляжу: подъ нами
Сочится алыми струями
Кровь теплая; холста блѣднѣй
Недвижно дѣвочка-малютка
Глядитъ испуганнымъ зрачкомъ,
Чуть слышно стонетъ... и потомъ,
Какъ бы подстрѣленная утка,
Затрепетала — и тотчасъ
Умильный взоръ ея погасъ.

XXVI.

«Я вышелъ изъ коляски. Взялъ
Ее за ручку, — холодѣло
Ея безчувственное тѣло...
Со всѣхъ концовъ народъ бѣжалъ,
Толпился, охалъ, сожалѣя...
Мой хмель прошелъ, и злость прошла,
И совѣсть тихо изрекла
Мнѣ имя страшное — злодѣя!
И стало мнѣ еще больнѣй,
Когда замѣтилъ я у ней

XXVII.

«Въ рученкѣ блѣдной и худой
Грошовый пряникъ... Боже правый!
Какой сердечною отравой,
Какой мучительной тоской

Заныла грудь!..» И Анатолій,
Глотая слезы поневолѣ,
Поникнулъ молча головой...
И послѣ грустно прошепталъ:
«Я жертвы имя записалъ!»

XXVIII.

«Она звалась Еленой... Я
На вѣчное поминовенье
Далъ денегъ въ монастырь... но тлѣнье
Его услышитъ ли?.. Семья
У ней была. Сестра больная
Да мать старушка,—далъ я ей
На погребенье сто рублей...
Она мнѣ кланялась, рыдая...
Потомъ еще три сотни далъ—
И въ благодѣтели попалъ!..».

XXIX.

И у барона на губахъ
Скользнула странная улыбка...
Такъ вдругъ, блестя, мелькаетъ рыбка
На помутившихся волнахъ.
И продолжалъ онъ веселѣе:
— «Теперь я думаю, мой другъ,
Катнуть куда-нибудь на Югъ,
И бросить вздорныя затѣи...
«За море, въ Ниццу бы шагнуть!..»
— За чѣмъ же дѣло?—Добрый путь!

XXX.

Недолги сборы у того,
Въ чьемъ кошелькѣ звенятъ монеты;
Къ его услугамъ всѣ предметы
И даже время — за него.
Съ барономъ скоро я простился;
Какъ беззаботное дитя,
Полусмѣясь, полушутя,
Въ купэ онъ лучшее садится,
И скоро быстрый паровозъ
Его изъ Питера увезъ.

XXXI.

Я позавидовалъ ему...
Я свѣтлый Югъ люблю заочно,
Мой стихъ росой его цвѣточной
Омытъ въ жестокую зиму.
Когда метель гудитъ и стонетъ,
По крышамъ снѣгомъ шелестя,—
Меня, какъ рѣзвое дитя,
Подъ сѣнь оливъ мечтанье гонитъ.
И у Невы бродя порой
На Югъ стремлюся я мечтой.

XXXII.

Какая-бъ горькая бѣда
Васъ ни измучила — спѣшите
На Югъ, на Югъ! Ему несите
Свои болѣзни и года.

Придетъ ли старость къ вамъ до время,
Потеря-ль сердце уязвитъ,
Или хандра васъ посѣтитъ —
И жизнь томить начнетъ, какъ бремя;
Иль потревожитъ васъ недугъ —
На югъ, друзья мои, на югъ!

XXXIII.

Тамъ хорошо; тамъ жизнь и свѣтъ!
Тамъ всѣхъ боговъ святая келья,
Тамъ звѣзды въ темныя ущелья
Струятъ свой вкрадчивый привѣтъ.
Тамъ все поетъ — кусты и розы,
И въ сочной зелени лѣса;
Тамъ дышутъ Богомъ небеса,
Тамъ дышутъ демонами грозы!..
Отъ мутныхъ дней, отъ горькихъ мукъ,
На Югъ, друзья мои, на Югъ!..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Пять лѣтъ пространствовалъ баронъ;
Писалъ сначала много писемъ,
Гдѣ гимны пѣлъ альпійскимъ высямъ,
Хвалилъ приморскій небосклонъ.
Писалъ о рощахъ апельсинныхъ,

О красотѣ испанскихъ женъ;
Слегка на Римъ былъ раздраженъ
И часто въ письмахъ длинныхъ-длинныхъ—
И безъ того игривый слогъ,—
Пестрилъ рядъ точекъ вмѣсто строкъ...

II.

Потомъ онъ рѣже мнѣ писалъ,
Писалъ и суше, и короче:
Ужъ не описывалъ мнѣ ночи
И тишину приморскихъ скалъ.
Онъ говорилъ, что надоѣла
Природы южная краса;
Что слишкомъ ярки небеса,
Что море плещетъ слишкомъ смѣло,
Что горы давятъ гордый умъ,
Не навѣвая новыхъ думъ.

III.

Былъ раздосадованъ баронъ
На то, что всѣ до денегъ падки;
Что всѣ продажны, жалки, гадки,
Каковъ бы ни былъ небосклонъ.
Что у разрушенной Помпеи
Онъ видѣлъ нищихъ и бродягъ,
Что средь вакхическихъ клоакъ
Онъ видѣлъ страшныя затѣи,
Гдѣ, какъ подземные кроты,
Гнѣздятся дѣти нищеты.

IV.

Баронъ хотѣлъ быть выше всѣхъ
На диво черни иностранной
И кошелекъ свой постоянно
Держалъ открытымъ для утѣхъ.
Онъ мнѣ описывалъ свой праздникъ
Въ дни карнавала. Боже мой!
Что только могъ создать мечтой,—
Все на яву создалъ, проказникъ.
Со словъ его, что было тамъ,
Слегка набрасываю вамъ.

V.

Тамъ было все: огни, цвѣты,
Гондолы быстрыя, какъ птицы,
И итальянскія пѣвицы,
И итальянскіе шуты.
За нимъ толпы людей ходили,
Его качали на рукахъ.
За шумнымъ городомъ въ шатрахъ
Его сонъ дѣвы сторожили.
Чтобы такимъ счастливымъ быть
Рублями надобно сорить...

VI.

И онъ сорилъ,—сорилъ вездѣ,
Гдѣ только есть живыя души.
Среди толпы на тѣсной сушѣ,
На пароходахъ по водѣ.

Онъ видѣлъ лучшіе отели
Всѣхъ европейскихъ городовъ;
На столъ бралъ вина въ сто годовъ
И въ двадцать — женщинъ — на постели.
Онъ всюду счастливъ былъ, какъ могъ,
Держа открытымъ кошелекъ.

VII.

Потомъ мнѣ сталъ писать баронъ,
Что скоро онъ на Русь пріѣдетъ;
Что онъ отчизной только бредитъ,
Что онъ въ нее одну влюбленъ.
Письмо послѣднее то было
Изъ-за границы отъ него;
Я послѣ потерялъ его
Совсѣмъ изъ виду — доходила
Ко мнѣ неясная молва,
Что приняла его Москва.

VIII.

Еще я слышалъ, будто Крымъ
Онъ посѣтилъ, жилъ на Кавказѣ;
Вездѣ оставилъ по проказѣ
На жертву сплетникамъ своимъ.
Я слышалъ, будто онъ растратилъ
Неосторожно капиталъ
И даже отъ иныхъ слыхалъ,
Что онъ съума внезапно спятилъ,—
Но мало я молвѣ внималъ,
За то, что самъ отъ ней страдалъ.

IX.

Предвижу я — мнѣ возразилъ
Читатель въ гнѣвѣ нетерпѣній,
Что Анатолія Евгеній
Уже давно предупредилъ;
Что я неловко копирую
Портреты старыхъ мастеровъ...
Нѣтъ! Я клянусь игрой стиховъ,
Что съ настоящаго рисую.
Вокругъ насъ тысячи такихъ
Людей, бездѣйствіемъ больныхъ.

X.

Они безпечны и горды,
Самолюбивы и тревожны;
Почти всегда неосторожны —
Враги удачъ, друзья бѣды.
Приличья рамки — имъ вериги;
Они исчерпать все хотятъ.
И благо,— кто изъ нихъ богатъ;
Къ услугамъ тѣхъ пиры и книги,
И смѣна лицъ, и смѣна странъ,
Но горе тѣмъ, чей пустъ карманъ.

XI.

Тотъ будетъ страненъ невпопадъ;
Дитя практическаго вѣка,
Онъ будетъ нравственный калѣка,—
Непостоянный психопатъ.

Онъ будетъ ныть, какъ попрошайка,
Отъ дѣлъ ничтожныхъ убѣгать,
Чего-то высшаго искать,
И, какъ испуганная чайка,
Надъ моремъ жизни безъ гнѣзда,
Летѣть, не вѣдая куда.

XII.

Всегда непризнанный поэтъ,
Онъ станетъ мнить себя актеромъ;
На все глядѣть брезгливымъ взоромъ
И проклинать кичливый свѣтъ,—
Смотрѣть съ презрѣньемъ на богатыхъ,
Мечтая о богатствѣ всласть;
Порою втихомолку красть
И бить мошенниковъ завзятыхъ,
И водкой плещущій фіалъ—
Его трагическій финалъ!

XIII.

Ужель барона то же ждетъ?
Ужели бѣдность роковая?
Я думалъ, сумрачно вздыхая,
Когда стремительный полетъ
Молвы подслушивалъ случайно,
Что ждутъ пріятеля долги...
Открыто шикали враги,
Друзья злорадствовали тайно,—
И въ этотъ разъ была права
Неугомонная молва...

58

XIV.

Однажды осенью сырой
Я шелъ задумчиво на Невскомъ.
Проспектъ сіялъ, и яркимъ блескомъ
Боролся гордо съ полумглой.
Катились шумно экипажи...
Гремѣли конки... Вдругъ стрѣлой
Мелькнулъ нежданно предо мной
Баронъ; онъ быстро шелъ — и даже
Не обернулся мнѣ вослѣдъ.
Я усомнился: онъ иль нѣтъ?

XV.

То былъ баронъ; но вдалекѣ
Его пять лѣтъ перемѣнили.
Онъ былъ въ крылаткѣ цвѣта пыли
И въ блѣдносѣромъ котелкѣ.
Слегка онъ горбилъ станъ свой стройный;
Въ усахъ бѣлѣла сѣдина,
Но важность въ немъ была видна —
Такъ послѣ бури въ степи знойной
Павлинъ, омоченый дождемъ,
Сверкаетъ радужнымъ крыломъ...

XVI.

И скоро были мы судьбой
Вновь сведены. Въ полночь однажды,
Томясь похмельемъ поздней жажды,
Я завернулъ въ трактиръ плохой.

Тамъ было дымно; газъ дрожащій
Сверкалъ, какъ пьяные глаза;
Въ графинахъ водка, какъ слеза,
Блестѣла; пѣною шипящей
Играло пиво; надъ толпой
Плылъ говоръ шумною волной.

XVII.

За грязнымъ столикомъ одинъ
Сидѣлъ баронъ, угрюмый, блѣдный;
Предъ нимъ стоялъ трофей побѣдный —
Съ бальзамомъ глиняный кувшинъ.
Я крикнулъ: — Ты-ли, Анатолій!
Какъ ты попалъ въ кабакъ сюда?—
Слегка смущенный отъ стыда,
Онъ прошепталъ: «Все въ Божьей волѣ!»
И, пригласивъ меня присѣсть,
Велѣлъ подать намъ пить и ѣсть...

XVIII.

— Ну, что,—какъ странствіе твое?
Доволенъ имъ?—«Да, братъ, я пожилъ,—
Но тѣмъ печаль свою умножилъ
И сердце выплакалъ свое!
Купался въ морѣ Средиземномъ;
Всходилъ на Альпы и Монбланъ.
Вездѣ былъ счастливъ, сытъ и пьянъ,
Вездѣ былъ принцемъ иноземнымъ...
Всѣмъ услажденъ... растратилъ все!—
И вотъ фортуны колесо!»...

XIX.

Онъ замолчалъ, махнувъ рукой...
И пить сталъ, подавляя вздохи...
— Теперь какъ?—«Такъ, живу на крохи
Еще непрожитаго мной!..»
Я на него глядѣлъ съ участьемъ
И съ сожалѣньемъ: Боже мой!
Съ какой безпечностью порой
Играютъ люди вѣрнымъ счастьемъ!
Я тихо думалъ — и баронъ
Провидѣлъ, чѣмъ я изумленъ.

XX.

Онъ возразилъ: «Не бойся, другъ,
Я не пропалъ еще... и скоро
Бросаю пить... и до позора
Я не дойду за свой недугъ,
За это глупое пристрастье
Къ неугомонному вину...
Я знаю дѣвушку одну,—
Въ ней вся любовь моя, все счастье!..
Представь, теперь,—объѣхавъ свѣтъ,
Влюбился я подъ тридцать лѣтъ...

XXI.

«Ты изумленъ? Да, я влюбленъ!
Люблю любовью небывалой,
Какъ любитъ пилигримъ усталый
Въ безплодной степи дикій кленъ,

Гдѣ отдохнуть онъ можетъ сладко
Подъ сѣнью свѣжею листвы...
Но я боюсь еще молвы,
Я забѣгаю къ ней украдкой:
Она — дитя простой семьи,—
Но въ ней всѣ радости мои!

XXII.

«Я видѣлъ много женъ и дѣвъ,
Внималъ ихъ ласкамъ безъ участья,—
И часто пламя сладострастья
Вдругъ прерывалъ мой гордый гнѣвъ.
Я горько сѣтовалъ порою
За увлеченія мои...
Бывало, пѣли соловьи
Подъ южнымъ небомъ предъ грозою:
Я плакалъ, сердцемъ жаждалъ жить:
Хотѣлъ любить, не могъ любить!

XXII.

«И вотъ сюда опять пришелъ
На сѣверъ, въ невскую столицу,
Забылъ изнѣженную Ниццу
И плескъ медлительныхъ гондолъ.
Больной, измученный душою,
Томясь раскаяньемъ глухимъ,
Вошелъ я въ церковь, но святымъ
Молиться робкою мольбою
Не смѣлъ, въ отчаяньи слѣпомъ,
Грѣша кощунственнымъ умомъ.

XXIV.

«Тогда въ церковномъ уголкѣ
Я видѣлъ кроткое созданье,—
Тамъ привлекла мое вниманье
Простая дѣвушка; въ тоскѣ
Она молилася усердно
И низко кланялась; въ глазахъ
Свѣтился непонятный страхъ
И просьба къ Дѣвѣ милосердной...
Ея молитва и тоска
Вдругъ стала сердцу такъ близка!.

XXV.

«Искалъ родства въ ея чертахъ
Я съ Рафаэлевской Мадонной...
Когда-бъ хитонъ темнозеленый,
Когда-бъ младенецъ на рукахъ!—
То это нѣжное созданье
Я за Мадонну-бъ могъ принять,—
Я передъ ней-бы сталъ рыдать
И выливать свои страданья...
Но это — смертная была —
Игралище земного зла.

XXVI.

«Съ того-же дня я сталъ влюбленъ;
Съ ней познакомился короче,
У ней просиживалъ я ночи,
Забывъ про зрѣлища и сонъ.

Она живетъ почти въ подвалѣ
На Петербургской сторонѣ
Съ вдовою-матерью, но мнѣ
У нихъ отраднѣй, чѣмъ на балѣ,
Гдѣ надушенная толпа
Такъ легкомысленно глупа.

XXVII.

«Они бѣдны: ихъ уголокъ
Убогъ и теменъ, безъ сомнѣнья...
Хотѣлъ смѣнить я впечатлѣнья,
Хотѣлъ забыть ее — не могъ!
Нигдѣ она не позабыта;
Сижу-ль въ театрѣ: предо мной,
Блестя невинностью живой
Поетъ за прялкой Маргарита,—
И я ужъ сравниваю съ ней,—
Ее — мечту души моей.

XXVIII.

«Пойду-ли въ пестрый маскарадъ:
Подъ каждой маскою мнѣ снится
Она — и къ ней душа стремится,—
И вальсу шумному не радъ.
И какъ мила она со мною,
Когда подарки ей дарю,
Когда въ глаза ея смотрю!..
Она отзывчивой душою
Уже влюбилася въ меня...
Чего-жъ намъ ждать... Какого дня?

XXIX.

«Съ ней поиграть, шутя, въ любовь
И послѣ бросить безразсудно?..
Нѣтъ, это подло... это трудно!—
Сказалъ баронъ, нахмуря бровь.
Я не унижусь до измѣны;
Я слово далъ — ей вѣрнымъ быть...
Нѣтъ, не хочу я погубить
Моей мечтательной Елены!
Одну я погубилъ давно...
Ты помнишь?.. Нынче-жъ рѣшено!»

XXX.

Баронъ умолкъ...— Что рѣшено?—
Спросилъ его я осторожно...
— «На ней жениться мнѣ возможно,
Хоть это нѣсколько смѣшно.
И я рѣшилъ теперь жениться...
Быть можетъ счастіе насъ ждетъ.
Я слово далъ ей — въ этотъ годъ
Для лучшихъ дней остепениться,—
И слово я сдержать могу!...
Но ты объ этомъ ни гу-гу...

XXXI.

«Мой бракъ пока еще секретъ!..
Тебѣ его я спьяна выдалъ...
Я не хочу, чтобы мой идолъ
Былъ узнанъ свѣтомъ. Гордый свѣтъ

Мѣщанку жалкую въ ней видитъ,
А я въ ней вижу божество,—
И я боюся, что его
Неосторожно свѣтъ обидитъ!..»
Я слово далъ ему,—молчать,
И распрощались мы опять...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Скажите, знаете-ли вы,
Что значитъ къ пристани спокойной
Придти, забывъ бредъ сердца знойный
И бредъ усталой головы?
Вкушать благія размышленья
И знать, что жизнь невдалекѣ
Шумитъ, подобная рѣкѣ,
Даря живыя впечатлѣнья,
И мчитъ въ обманчивыхъ волнахъ
Обломки счастья, смерть и страхъ...

II.

Такую жизнь баронъ позналъ
Въ пріютѣ мирномъ у Елен
Тамъ были низенькія стѣны.
Въ одномъ углу комодъ стоя

Покрытый вязаной салфеткой,
Въ другомъ углу блестѣлъ кіотъ,
Какъ вѣры дѣвственной оплотъ,
Гдѣ, преклоняяся нерѣдко,
Елена въ сладостной мольбѣ
Просила счастія себѣ.

III.

И новый міръ, міръ тишины
И мелочного интереса
Узналъ баронъ. Такъ послѣ лѣса,
Гдѣ воетъ буря и видны
Сквозь неспокойныя вершины
Густыя пряди облаковъ,
Выходитъ странникъ, полный сновъ,
Въ однообразныя долины,
Гдѣ сумракъ ровный и нѣмой
Хранитъ задумчивый покой.

IV.

Съ простой открытою душой
Входилъ къ Еленѣ Анатолій;
Онъ забывалъ о прежней роли.
Предъ ней, стѣсняяся, порой
Онъ начиналъ разсказъ свой грустно —
О дняхъ безцѣльно прожитыхъ,
О кутежахъ своихъ шальныхъ,
Гдѣ все такъ ложно, такъ искусно
Дразнило юную мечту,
Гдѣ жизнь онъ черпалъ на лету.

V.

Гдѣ съ расцвѣтающей мечтой
Онъ жадно пилъ отраву оргій,
Смѣняя краткіе восторги
Всепожирающей тоской.
Онъ говорилъ, что страшно грѣшенъ
Передъ собой и божествомъ;
Онъ поникалъ своимъ челомъ,
Не кончивъ рѣчи, безутѣшенъ —
И вдругъ внезапная слеза
Его туманила глаза.

VI.

Еленѣ нравился баронъ.
Она, безмолвная, внимала
Его разсказамъ — и бывало,
Когда, печалью угнетенъ,
Себя винить онъ гнѣвно станетъ,
Елена блѣдная молчитъ,
И вдругъ съ застѣнчивыхъ ланитъ
Слеза нечаянная канетъ,
И скажетъ: «Вамъ терзаться грѣхъ...
Молитесь! Богъ прощаетъ всѣхъ!..»

VII.

— А вы простите ли меня?
Баронъ Елену грустно спроситъ
И алый ротъ въ улыбку скоситъ.
— «Прощу вамъ съ этого же дня!

Но если любите меня вы
Хотя немного,— не чужды
Пусть будутъ скромные труды
И чужды будутъ вамъ забавы...»
Но на слова ея баронъ
Молчалъ, въ раздумье погруженъ.

VIII.

И чаще, чаще съ каждымъ днемъ
Елена видѣла барона.
Бывало, съ шаткаго балкона
Глядитъ, иль покидаетъ домъ
Смотрѣть, какъ онъ къ нимъ въ гости ѣдетъ.
Нигдѣ ей нѣтъ спокойныхъ мѣстъ.
Не спитъ ночей, не пьетъ, не ѣстъ,—
Она барономъ только бредитъ
И измѣняется въ лицѣ,
Звонокъ услыша на крыльцѣ.

IX.

Баронъ къ ней весело влеталъ,
Читалъ Тургенева и Гейне,
Прогулки вспоминалъ на Рейнѣ
Или о будущемъ мечталъ.
Онъ говорилъ, что поселятся
Они въ уютномъ уголкѣ
Въ глуши, отъ шума вдалекѣ
И станутъ мирно наслаждаться
Семейнымъ счастіемъ вдвоемъ,
Не вспоминая о быломъ.

X.

Онъ былъ хорошъ въ то время; свѣтъ
Въ глазахъ блисталъ мерцаньемъ ровнымъ
И по щекамъ его безкровнымъ
Румяный разливался цвѣтъ.
А за окномъ природа блекла;
Срывалъ вихрь листья. Какъ тюрьма
Осенняя глядѣла тьма,—
И дождь стучалъ немолчно въ стекла
И ставни хлопали порой
Съ какой-то жалобной тоской.

XI.

Порой играли въ дурачки
Она и онъ, и Марья Львовна,
Елены мать, все хладнокровно
На нихъ смотрѣла сквозь очки.
Предъ ними, свѣтъ роняя блѣдный
Горѣла лампа, старый котъ
Мурлыкалъ весело, кіотъ
Былъ озаренъ лампадой мѣдной
И, съ потолка спускаясь вдругъ,
Пугалъ играющихъ паукъ.

XII.

О, кто-бы могъ тогда признать
Въ героѣ нашемъ забіяку,—
Всегда безпечнаго гуляку;
Кто-бъ могъ подумать, что опять

Изъ этой кельи благонравной,
Быть можетъ, завтра въ свой чередъ
Онъ въ стѣны шумныя порхнетъ,
Гдѣ завершитъ попойкой славной
И увѣнчаетъ свой капризъ
Въ кругу Альфонсовъ и Луизъ.

XIII.

Такіе дни бывали. Онъ
Не приходилъ тогда къ Еленѣ
Дней шесть; потомъ въ своей измѣнѣ
Спѣшилъ признаться нашъ баронъ.
И съ покаянною мольбою
Къ ея рукѣ онъ припадалъ
И тихимъ голосомъ шепталъ:
«Признайтесь, — недовольны мною?»
И получалъ всегда въ отвѣтъ
Ея прощенье и привѣтъ.

XIV.

Но Марья Львовна послѣ дней
Исчезновенія барона
Глядѣла косо; въ родѣ стона
Былъ голосъ вкрадчивый у ней
И начинала наставленья
Она барону лепетать,
Что скоро постъ, и что вѣнчать
Въ посту не станутъ, безъ сомнѣнья,
И что когда же наконецъ
Ихъ завершитъ любовь вѣнецъ?..

XV.

Что ей пора благословить
Бракъ Анатолія съ Еленой...
И скоро сталъ женихъ нашъ плѣнный
Дѣла въ порядокъ приводить;
Къ друзьямъ являться кредиторомъ,
Бумаги съ курсомъ провѣрять,
Вездѣ считать, считать, считать —
И омрачаться грустнымъ взоромъ:
Увы, наслѣдственный мильонъ —
Въ пять робкихъ тысячъ съузилъ онъ!

XVI.

Все взвѣшено, все рѣшено!..
Заботы свадебныя строги.
Предвидя жалкіе итоги,
Баронъ печалился давно;
Но передъ свадьбой новость эта
Новѣе стала для него,—
Онъ сталъ грустнѣе оттого:
Подумалъ: пѣсня уже спѣта!—
Къ былому тягостенъ возвратъ
Теперь жениться — да въ халатъ!

XVII.

Супругѣ будущей своей
Вручилъ двѣ тысячи онъ ровно.
Была довольна Марья Львовна,
Благославляя бракъ дѣтей.

Обзаведясь своимъ приданымъ,
Елена радостна была,—
И день вѣнчанія ждала
Въ восторгѣ сладкомъ и туманномъ,
Слегка боясь минуты той,
Когда блеснетъ предъ ней налой.

XVIII.

Неугомонный толкъ молвы
Поплылъ гремящимъ перекатомъ;
Въ салонѣ шумномъ и богатомъ
Твердятъ: «Баронъ безъ головы!
Ему нужна опека... няньки...
Смотрѣлъ на свѣтъ изъ-за кулисъ
И въ грязномъ омутѣ прокисъ,—
Жениться вздумалъ на мѣщанкѣ!»
И про него вездѣ кричатъ:
«Онъ психопатъ, онъ психопатъ!»

XIX.

Всѣ говорятъ: «Баронъ — чудакъ!»
Узнали тетушки и дяди,—
И всѣ, пикантныхъ сплетенъ ради,
Хотятъ взглянуть на этотъ бракъ.
И вотъ подходитъ день желанный;
Баронъ въ предсвадебный канунъ
Угрюмъ, какъ сказочный колдунъ
Передъ землянкой окаянной.
И чтобы грусть свою прогнать,—
Друзей рѣшается созвать.

XX.

Онъ взялъ отдѣльный кабинетъ
Въ Hôtel de l'ours — и приглашенье
Всѣмъ разослалъ; безъ замедленья
Друзья собрались на обѣдъ.
Всѣ поздравляютъ съ близкимъ бракомъ
И вспоминаютъ дни проказъ;
Надъ женихомъ острятъ подъ-часъ.
И за здоровье пьютъ... Но мракомъ
Тяжелыхъ думъ объятъ баронъ,
Какъ гость печальныхъ похоронъ.

XXI.

Живѣй струится разговоръ,
Тѣснѣй сближаются бутылки;
У стариковъ блестятъ затылки,
У молодыхъ сверкаетъ взоръ.
Краснѣютъ щеки всѣхъ, какъ жабры,
Задорнѣй крутятся усы...
Летятъ минутами часы,
Ужъ отекаютъ канделябры.—
И мутный свѣтится разсвѣтъ
Сквозь сторы въ душный кабинетъ...

XXII.

Всѣ разъѣзжаются. Угрюмъ
Баронъ домой пріѣхалъ тоже...
Но онъ не спалъ. Онъ думалъ: «Боже!
Всю жизнь прошелъ я на-обумъ;

Всю жизнь безъ почвы и безъ цѣли
Я шелъ, не вѣдая куда!..
Къ былому нѣтъ уже слѣда,
А будущность, какъ въ колыбели
Младенецъ,—смотритъ — и молчитъ!..
Что мнѣ съ Еленой жизнь сулитъ?

XXIII.

«Ужель безъ веселъ, безъ руля
Теченье жизни челнъ мой гонитъ
Теперь на пристань? Сердце стонетъ
И подо мной горитъ земля!
Ужель всю жизнь мнѣ быть довольнымъ,
Своимъ прожитымъ кошелькомъ,
Своимъ ничтожнымъ уголкомъ?..
Ужель въ спокойствіи бездольномъ
Идти по ровному пути,
Сказавъ тревожному: прости!

XXIV.

«Нѣтъ, никогда! Она мила,
Ее люблю ѓлубоко, страстно; —
Но быть съ ней вмѣстѣ ежечасно,
Сидѣть у чайнаго стола,
По скромнымъ ѣздить съ ней собраньямъ,
Ее изъ церкви поджидать
И ею вѣчно обладать,—
И окружать ее вниманьемъ,—
Нѣтъ, я не въ силахъ; мнѣ не въ мочь!
Съ ней будетъ день,— мнѣ надо ночь!

XXV.

«Ужель по солнечнымъ утрамъ
Ходить на службу въ департаментъ;
Желтѣть и сохнуть, какъ пергаментъ,
И строгій счетъ вести грошамъ?
Нѣтъ, не могу!.. о чемъ-то стражду,
И все куда то рвется вдаль
Моя безумная печаль...
Я перемѣны страсти жажду!..
Навстрѣчу новыхъ бурь спѣша,
Движенья, шума ждетъ душа!

XXVI.

«Или жениться?.. и потомъ
Съ ней избѣгать ревнивой встрѣчи:
Вести хозяйственныя рѣчи,
А думать... думать о другомъ!
Къ ней возвращаться полупьянымъ...
Нѣтъ не могу — и не хочу!
Она, подобная лучу,
Мнѣ свѣтитъ въ сумракѣ туманномъ,
И мнѣ ли свѣтъ ея задуть
Во мракѣ бѣдъ когда нибудь?..

XXVII.

«Я погубилъ уже одну
Елену-дѣвочку когда-то...
Но той случайно безъ возврата
Я далъ и смерть, и тишину!

И вотъ теперь судьба Елену
Мнѣ шлетъ другую... Боже мой!
Что легковѣрною душой
Ея душѣ я дамъ въ замѣну?
Не стану-ль мучить цѣлый вѣкъ?..
О, я — несчастный человѣкъ!»

XXVII.

Баронъ закрылъ рукой глаза
И зарыдалъ. Востокъ прозрачный
Уже алѣлъ и сумракъ мрачный
Смѣняла въ небѣ — бирюза.
Часы текли безъ сожалѣнья;
Съ тупымъ презрѣніемъ на нихъ
Глядѣлъ озлобленный женихъ,
Блѣднѣя въ страхѣ отъ волненья,
И вдругъ рѣшительной рукой
Онъ вынулъ ящикъ расписной...

XXIX.

То былъ барона сувениръ —
Подарокъ молодой гречанки, —
Гдѣ въ каждой баночкѣ и стклянкѣ,
Томясь, зіялъ загробный міръ!
Она сказала въ часъ разлуки:
«Вотъ вамъ сокровище, баронъ!
Оно вамъ дастъ цѣлебный сонъ,
Когда устанете отъ муки;
Въ ненастный день иль въ страшный часъ
Оно спасетъ отъ жизни васъ!»

XXX.

Тутъ былъ ядовъ различный родъ:
Былъ сонный морфій, опій чудный
И съ бѣленою безразсудной
Огню подобный креозотъ.
Былъ хлороформъ, мышьякъ въ отварѣ,
Орѣхъ съ синильной кислотой
И, какъ забвенье, роковой—
Американскій ядъ кураре...
Надъ ними блѣденъ и угрюмъ
Стоялъ баронъ въ разладѣ думъ...

XXXI.

И сталъ дрожащею рукой
То ту, то эту двигать стклянку
И вспоминать свою гречанку
То съ укоризной, то съ тоской,
И наконецъ женихъ смущенный
Рѣшился сонный опій взять...
И тихо сталъ въ стаканъ вливать
Онъ изъ бутылки засмоленной
Аи шипучую струю
И влагу мертвую свою...

XXXII.

Налилъ... Но къ жаждущимъ устамъ
Не подносилъ своей отравы,
Смотря, печальный и лукавый,
Какъ пѣна билась по краямъ

Его широкаго стакана...
И долго онъ на дно глядѣлъ...
Внезапно хмурился... блѣднѣлъ
И думалъ: «Поздно или рано
Всѣ будемъ спать въ землѣ сырой...
Не лучше-ль раньше на покой!»...

XXXIII.

Онъ выпилъ ядъ... Онъ задрожалъ;
Глаза раскрылися широко...
Припомнилъ что-то издалека...
Хотѣлъ писать — перо хваталъ,
Рукой дрожащей рвалъ бумагу...
Потомъ ослабъ, — глаза закрылъ...
Куда-то плылъ... все дальше плылъ
Черезъ сіяющую влагу...
И въ бездну яркую, какъ день,
Съ незримыхъ рухнулся ступень...

XXXIV.

Онъ умеръ; онъ безъ чувствъ упалъ!..
Миръ вамъ, погибшіе безумно,
Чья жизнь прошла темно и шумно,
Кто много мыслилъ и страдалъ!
Миръ вашимъ снамъ, самоубійцы!
Миръ горькимъ тайнамъ бытія!
Гляжу въ тоскѣ и страхѣ я
На ваши раннія гробницы
И съ устъ моихъ на васъ хула
Ни разу къ небу не дошла!..

XXXV.

Любовь невинности бѣда!
Порой насъ дѣва странно любитъ:
Она, спасая, часто губитъ,
Губя, спасаетъ иногда.
Могла ли кроткая Елена
Предвидѣть, что ея любовь
Барону тяжелѣй оковъ
И что скорѣй ея измѣна
Могла бы пользу принести,—
Могла-бъ несчастнаго спасти?..

XXXVI.

Узнавъ о смерти жениха,
Елена въ обморокъ упала;
Потомъ металась и рыдала
И ко всему была глуха.
Потомъ молилася въ волненьи,
Три ночи не спала подъ-рядъ.
И разъ вѣнчальный свой нарядъ
Надѣла ночью въ воскресенье
И, громко клича мертвеца,
Сошла украдкою съ крыльца.

XXXVII.

Шумѣла буйная метель,
Какъ дикій звѣрь, лишенный плѣна.
Домой вернулася Елена;
Рыдая бросилась въ постель:

Ей было горестно и жутко,
И долго плакала она,
И наконецъ, какъ воскъ блѣдна,
Смѣясь, лишилася разсудка.
И скоро сумасшедшій домъ
Сталъ роковымъ ея вѣнцомъ...

XXXVIII.

Миръ вамъ, лишенные ума,
Миръ вамъ, безумные страдальцы!
Мечтѣ послушные скитальцы,
Вы всѣмъ враги, вы — всѣмъ чума!
Но сколько добрыхъ, благородныхъ
И сколько геніевъ подчасъ,
Быть можетъ, мы теряемъ въ васъ.
А вы, погрязшіе въ холодныхъ
Расчетахъ мелочныхъ своихъ, —
Вы — и съ умомъ ничтожнѣй ихъ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Иллюзіи.

СТРАН.